

Алексей Александрович Маслов

Книга судьбы: ежедневные медитации с Конфуцием

Annotation

На высказывания Конфуция ссылаются философы, политики и учёные всего мира. Предлагаемая вниманию читателя книга расскажет, как основные положения духовно-этического учения, созданного Конфуцием, использовать для гармонизации своей жизни.

А. А. Маслов

Книга судьбы.

Ежедневные медитации с Конфуцием

Предисловие

Последний из посвященных

Его называют «Символом китайской нации» и «Учителем учителей». Наверняка именно его образ придет на память любому при упоминании культуры или философии Китая. Ему возведены памятники во многих странах Восточной Азии, где, как считается, сложилась уникальная культурная общность – конфуцианский культурный регион, формировавшийся под влиянием идей Великого Учителя. Он превратился в «визитную карточку» Китая: обложки многих книг о Китае украшены изображениями великого наставника, он растиражирован на календарях, плакатах и рекламах. Культ Конфуция был объявлен императорским, правители совершали моления в храмах Конфуция, на его родине в местечке Цюйфу в провинции Шаньдун возведен огромный храмовый комплекс, ныне превращенный в роскошный музей,

куда съезжаются туристы из всех стран мира.

Тот торжественно-величественный Конфуций, который известен нам сегодня, чей образ вошел во все книги о Китае и который стал символом всей цивилизации Восточной Азии, очень далек от действительной личности живого Конфуция. В традиции он предстает перед нами как символ наставничества и духовной мудрости, как носитель идеи государственного служения и заботы о народе. Но этот Конфуций – продукт тысячелетнего подправления образа скромного наставника Кун Цю по имени Чжунни.

Сегодня мы знаем Конфуция таким, каким его захотели представить комментаторы и исследователи, таким, каким его хотела видеть официальная китайская историография начиная с V–VI вв. Именно благодаря их усилиям перед нами предстает величественный облик «Учителя учителей», непоколебимого в своей мудрости и нравственности.

На первый взгляд, в этом нет ничего удивительного – сколько известно случаев, когда реальные исторические персонажи были буквально погребены под напластованиями мифов, легенд и преданий. Каждый, кто внес вклад в духовное развитие человечества, сегодня предстает перед нами как совокупность образов и преданий – именно таковы сегодня и Иисус Христос, и Будда, и Мухаммед. И конечно же, Конфуций.

Но в личности Конфуция есть своя тайна – тайна, которую тщательно оберегает вся китайская традиция, а ей чаще всего следуют и все западные исследователи и комментаторы. Это загадка самой личности Конфуция, загадка его Учения, его посвящения и его школы. Это загадка его становления и воспитания, тайна сокрытого смысла его проповеди. И этот истинный Конфуций не был лишь одним из философов или служивых мужей из обедневших аристократических семей эпохи Чжоу. Он вообще не был «философом» в том западном смысле этого понятия, который в него обычно вкладывается. Не был он и проповедником неких морально-этических норм и государственных доктрин, хотя при желании такие мысли можно отыскать в его высказываниях. В период своей жизни он особенно ничем не прославился и был чаще гоним, чем привечаем. Он не сумел воплотить в жизнь практически ни одной своей идеи по поводу «человеколюбивого управления» царствами, а его статус духовного наставника и проповедника вызывал у многих скепсис или даже резкое отторжение.

**Конфуций – «Учитель учителей»,
унесший с собой тайну своего знания**

Чтобы «разгадать» Конфуция, чтобы понять коды его слова, надо прежде понять, чему он сам обучался и что хотел передать. И для этого на время придется забыть о многих традиционных версиях восприятия Конфуция: Конфуций – философ, Конфуций – символ китайской нации, Конфуций – обожествленный мудрец.

Так кем же был тот – настоящий Конфуций? Каким был этот человек без последующих наносов канонизации, обожествления и превращения в абсолютный символ восточной мудрости?

Конфуций был одним из посвященных священнослужителей, близких по духу к древним медиумам и шаманам. Он – живой пример умирающей архаической традиции магов и медиумов, часть из которых, как и сам Конфуций, решили служить правителям царств и открыто проповедовать свое учение. Он стал тем, кто решил вынести мистические и магические знания на люди, поставить эти знания на службу государству и при их помощи восстановить нарушившуюся гармонию в Поднебесной. Он был носителем очень древнего Учения, связанного с архаическими магическими культурами, которые он постарался представить в виде концепции Ритуала или Правил.

Он стремился дать своим ученикам методы восстановления связи с Небом и поддержания постоянного соприкосновения с духами предков и первых мудрых правителей Китая, откуда и следует черпать высшее Знание.

Но эти его черты китайская традиция постаралась скрыть, превратив Конфуция в одного из крупнейших духовных учителей и проповедников честного служения в виде образа «Благородного мужа». Именно такой – «окультуренный» и вписанный в нормы государственной доктрины – Конфуций был необходим для китайской традиции. Но это повествование – рассказ не столько о триумфе учения Конфуция, сколько о личной драме духовного проповедника и мистика по имени Кун Цю.

Конфуцианство и Конфуций

Сегодня во всем мире вряд ли найдется человек, не слышавший о конфуцианстве и его знаменитом основателе Конфуции (551–479 до н. э.), имя которого по-китайски звучит как Кун-цзы или Кун-фу-цзы (мудрец Кун). В традиционных трактатах чаще всего Конфуций упоминается не под именем собственным, а обозначается просто иероглифом «цзы» – «Учитель», выступая тем самым, скорее, как фигура знаковая, нежели как индивидуальный человек. Но читателю сразу становится ясно, что речь идет о великом наставнике, который стал нравственным идеалом сотен миллионов людей. На высказывания Конфуция ссылаются философы, политики и ученые всего мира, а фразы из «Лунь юя» сегодня можно услышать даже от малограмотного китайского крестьянина.

Более того, все нравственное развитие китайцев всегда представлялось как изучение и воплощение наследия, завещанного Конфуцием: темы его бесед с учениками, наставления правителям, стремления к идеалу «благородного мужа».

В отличие от многих полуполюгендарных наставников Китая, например Лао-цзы и Хуан-ди, он является абсолютно реальным персонажем – персонажем вполне «живым», переживающим, нередко сомневающимся, плачущим и торжествующим, наставляющим и негодующим. Но во всем этом многообразии чувств и эмоций он удивительно целостен. «Мой Путь – все пронзать Единым», – говорит он своему ученику (XV, 4)^[1].

Самый сложный вопрос – почему именно он стал «Учителем учителей» и превратился в символ Китая? Что он сказал или сделал такого, чего не удавалось никому ни до, ни после него?

В эпоху Чжоу, когда жил Конфуций, существовало немало подобных ему честных служивых мужей (*ши*), в том числе и вышедших из мистических школ, которые своими знаниями пытались послужить правителям царств. Многие из них делали это в надежде на достойное жалование и должность, другие старались сочетать это с идеалом установления гармонии в Поднебесной. Но из той плеяды в истории остался лишь один Конфуций. Так, может быть, сохранение образа Конфуция в истории – это всего лишь случайность? В тот период в Китае проповедовали сотни учителей, а тысячи жили и до него, и после. Может быть, просто о других проповедниках не сохранилось достаточного количества сведений, например, их ученики не были столь старательны в своих записях, как последователи Конфуция, которые тщательно зафиксировали каждый шаг и каждую фразу своего любимого учителя? И так он вошел в историю – не потому, что был самым великим, а потому, что оказался самым «описанным»?

По всему Китаю были основаны конфуцианские академии для обучения будущих ученых мужей. Одна из самых больших Сунъян в горах Суншань, была построена 484 г. и целиком перестроена в 1035 г.

Тайна влияния личности Конфуция, если смотреть на него просто как на философа и служивого мужа, вряд ли может быть разгадана. Безусловно, записи его учеников, обобщенные в «Лунь юе», сыграли немалую роль в формировании его образа как национального символа, однако этого было бы вряд ли достаточно.

На первый взгляд, он вполне повседневен – и именно в этой повседневной житейской мудрости проступает его трансцендентное величие. Он не отстранен от мира чувств и эмоций, как буддист, не чудесен в своих историях, как Чжуан-цзы, не обладает сверхъестественными способностями, как даосские маги. Он – такой, как все. И все же он значительно более мистичен, чем десятки других духовных наставников Древнего Китая.

Понять его очень просто – он никогда не говорит о вещах трансцендентных, потаенных, мистических. С учениками и правителями, с аристократами и простолюдинами он в равной степени говорит просто и доступно. И поэтому в его речах даже сегодня любой человек может найти источник как житейских советов, так и духовных откровений.

Понять его нелегко. За кажущейся простотой скрывается такая глубина традиции, аллюзий и полунамёков, что не всякий китайский знаток сможет уловить эти тонкости.

Прочтение образа Конфуция зависит от того, на какой точке зрения мы изначально стоим, – про Конфуция и традиционное конфуцианство сегодня известно столько, что весьма затруднительно подходить к этому образу непредвзято. Понимание самого Конфуция – как дословно-текстовое, так и постижение глубинной драмы его образа – зависит чаще всего от изначального подхода к его личности. Если мы допускаем, что в Древнем Китае существовала развитая «философия», – то перед нами образ чрезвычайно педантичного, тщательного философа. Но стоит нам лишь допустить, что Конфуций являлся посвященным духовным наставником, соприкасающимся с самими глубинными мистическими традициями Древнего Китая, то приходит иное понимание его образа. Перед нами предстает духовный учитель, перенявший древнейшие магические ритуалы и образы и ныне стремящийся при помощи этих знаний установить гармоничное правление в царствах на Центральной равнине Китая. Но он не только носитель этой духовной традиции – он ее десакрализатор. Он сообщает о ней открыто, позволяет записывать за собой и – самое главное – видит свою миссию в служении правителям и образовании людей, а не в уединенном

отшельническом подвижничестве.

Конфуцианство считают величайшим китайским философским и духовным наследием, что отчасти верно. И все же суть конфуцианства лежит глубже, это даже не национальная идея – это национальная психология. И описывать ее функционирование следует, скорее, в терминах этнологии и этнопсихологии, нежели философии.

Конфуцианство в Китае – это абсолютно все. Все, что бы не делал древний или современный китаец: его манера поведения, его особенности политической культуры, его способы ведения бизнеса и установления отношений с партнерами – все это автоматически будет названо конфуцианством. По сути, то, что в науке называется «традиционным психотипом китайцев» или «особенностями политической культуры Китая», в обиходе именуется «конфуцианством». Это – просто обобщающее слово для чего-то того, что явно отличает Китай от многих других стран или культур, но чему сложно дать краткое объяснение. И вот тогда, чтобы не вдаваться во все тонкости объяснений формирования своеобразия китайской цивилизации, это и именуют «конфуцианством». И все это нередко, увы, очень далеко от того, что проповедовал сам Конфуций.

Существует несколько слоев конфуцианства. Есть официальная традиция восприятия конфуцианства, которая в основном навеяна неоконфуцианскими трактовками, развивавшимися в XI–XIII вв. Тогда же и было дано основное толкование всех ключевых терминов, которые использовали Конфуций и его великий последователь Мэн-цзы (III в. до н. э.) в своих проповедях: «ритуал» (*ли*), «человеколюбие» (*жэнь*), «справедливость» (*и*), «почитание старших» (*сяо*), «искренность» (*синь*), «преданность» (*чжун*) и многих других.

Народное представление о сферах Неба и о «единстве трех учений». На верхнем уровне сидят обожествленные Лао-цзы, Будда и Конфуций

Несмотря на всю свою морально-этическую терминологию, происхождением которой мы обязаны в основном попыткам «преобразовать» китайские реалии в христианизированный лексикон Запада, конфуцианство, равно как и вся китайская традиция, неморально, оно – прагматично. Именно это и составляет ядро китайской цивилизации, это открывается и в политической культуре, и поведенческих стереотипах, и в особенностях мышления.

Конфуцианство, в отличие от индивидуального учения самого Конфуция, не целостное учение, не стройная система взглядов, представлений, политических доктрин и морально-этических установок. Это политическая идея, объединяющая Китай. Это и абсолютный слепок национального характера китайской нации. Зачастую в китайской экзегетике представляется, что конфуцианство повлияло на весь облик современного Китая, на психологию и поведение всего населения Поднебесной, начиная от императора и заканчивая простолудином. Но кажется, в реальности дело обстояло абсолютно противоположным образом: конфуцианство само явилось лишь слепком с уже сложившегося стереотипа поведения и мышления. И здесь оно удивительным образом из «матрицы идеального китайца» и благородного мужа превращается лишь в констатацию уже существующего стереотипа.

В конце концов оказалось, что конфуцианство – гносеологическая абстракция, абсолютный объем, который может быть наполнен практически любым содержанием. Нередко китаец, как бы сканируя свои мысли, стереотипы и особенности поведения, говорит: «Вот это и есть конфуцианство». Итак, конфуцианство не то, что должно быть, а то, что уже сложилось, уже живет и развивается. Оно не корректирует поведение, а оправдывает его. Так выглядит некая великая символическая идея, вмещающая все, что угодно.

Символизм «слова Конфуциева» прослеживается практически во всех высказываниях Учителя. Следует заметить, что еще никем не доказано, что записи слов Учителя велись с ходу, т. е. записывались в момент его наставлений или сразу после этого. Возможно, это воспоминания, впечатления, записанные (и, разумеется, додуманные) через весьма продолжительный период времени. И уже не столько писали слова Конфуция или о Конфуции, сколько вносили в анналы слова Идеального Учителя, который становился символом наставничества и правильного поведения в соответствии с ритуалом.

Стало привычным именовать Конфуция «величайшим мудрецом», но в действительности очень сложно объяснить, почему история выделила именно его из созвездия блестящих философов и значительно более удачливых администраторов, которые жили в одном временном отрезке с ним. Кажется, в отличие от многих своих современников Конфуций оказался как раз не возвышен, а максимально приземлен, практичен, он рассуждал о вещах «посюсторонних», удивительным образом сводя всякое священное ритуальное начало к каждодневной деятельности, например об урожае, о болезнях, о приеме пищи, о правильном сне.

О Конфуции написано, пожалуй, слишком много, и сегодня уже вряд ли возможно отделить реальный образ этого мудрого старца от многочисленных агиографий, «выправлявших» образ Конфуция под нужные государственные доктрины в разные

периоды. Само же учение Конфуция настолько оказалось скрыто за многочисленными комментариями последующих эпох, что многие ученые абсолютно разумно решили разделять само учение Конфуция от последующего конфуцианства – социально-политической теории и государственной доктрины Китая. К последней Конфуций имел весьма косвенное отношение и никакого «государственного учения» не создавал.

Конфуцианство, в отличие от вполне конкретного учения Конфуция, – скорее лозунг, нежели учение. Гибкий и трансформирующийся тезис о том, что должно считаться «сделанным по ритуалу»: от отношений с соседями до приема пищи и управления уездом. Само же конфуцианство – совершенно особое мировосприятие, поэтому не стоит ждать однозначного ответа на вопрос: стало ли оно религией Китая или просто этическим учением? Но очевидно, что конфуцианство выполняло в Китае практически все функции религии и таким образом превратилось в национальную квазирелигию. Во всяком случае, другого типа религиозного сознания Дальний Восток не знал.

Мы же будем говорить здесь не о конфуцианстве, а о самом Конфуции.

Человек и миф

В отличие от многих других мудрецов и духовных наставников Древнего Китая, о Конфуции, на первый взгляд, известно очень многое. Прежде всего, он обладает настоящей биографией: хроники донесли до нас и даты его жизни, и описания странствий по Китаю от двора одного правителя к другому, по записям его учеников можно увидеть и характер Конфуция – строго ментора и тонкого наставника, человека страдающего и твердого, чувствительного и непоколебимого. И именно за счет этой кажущейся противоречивости и драматичности жизни этот человек, живший две с половиной тысячи лет назад, оказывается чрезвычайно обаятельным.

Не меньший драматизм образу Конфуция добавляет сама история его жизни, которая, на первый взгляд, кажется абсолютно тривиальной для книжных людей того времени. В сущности, он был одним из многих служивых людей – *ши*, происходивших в основном из числа «малых домов» – разорившихся аристократических семей, некогда славных, но не обладавших ни особой властью, ни тем более богатством. Знаком их жизни становилось само служение, причем смена господина, переезд от двора одного правителя к другому считалось нормой этого служения.

О себе Конфуций не любил рассказывать, а свой жизненный путь сумел описать в нескольких строках: «В пятнадцать лет я обратил свои помыслы к учёбе. В тридцать лет я обрел самостоятельность. В сорок – сумел освободиться от сомнений. В пятьдесят лет я познал волю Неба. В шестьдесят лет научился отличать правду от лжи. В семьдесят лет я стал следовать желаниям моего сердца и не нарушал ритуала» (II, 4).

В этом высказывании – весь Конфуций как человек и как идеал традиции. Его путь от учебы через познание «воли Неба» к свободному следованию «желаниям сердца» и добровольному соблюдению норм поведения, которые он считал священными, «небесными», стал нравственным ориентиром всей китайской традиции. Его учение весьма многогранно: оно включает в себя совокупность духовных и социальных норм, которые передавались из поколения в поколение на протяжении почти 2,5 тыс. лет. Правила эти касались воспитания человека, определяли его поведение в семье, на службе и в обществе, устанавливали способ мышления. До сих пор именно конфуцианство служит тем источником, из которого исходит огромный духовный заряд, свойственный всей китайской нации.

Но вот вопрос – откуда исходит эта удивительная мудрость Конфуция? Каким знанием должен был обладать этот человек, что его импульс не только сохранился на тысячелетия, но и стал государственной доктриной всего Китая? Один из крупных западных ученых, пытаясь дать ответ на вопрос о причинах возвышенного одиночества и величия Конфуция, пришел к парадоксальному выводу: он был крайне несчастен с женой (что можно прочитать меж строк некоторых его высказываний), а поэтому отправился в странствия со своими учениками, посвятив себя наставлениям и обучению. Разумеется, можно и так объяснить величие Учителя, но если бы именно неудачливая женитьба была бы причиной рождения всякого мудреца, то Конфуций затерялся бы в толпе миллионов себе подобных неудачников-философов.

Порою мы бессильны логически объяснить успешность проповеди Конфуция, ее удивительную витальную силу. И как мы покажем, ответ на этот вопрос заключен не в том, что говорил Конфуций, а, скорее, в том, о чем он отказывался говорить.

Культ Конфуция создавался уже после его смерти – при жизни он не был особо почитаем и ценим. На месте его рождения был сначала воздвигнут небольшой алтарь, через много веков превратившийся в огромный храмовый комплекс. Однако впервые китайский император совершил на этом месте поклонение Учителю лишь в 195 г. до н. э., т. е. через три века после его ухода из жизни, когда Конфуций стал уже превращаться в легенду. В 37 г. н. э. императорским указом его впервые жалуют посмертными титулами и чинами, т. е., по сути, награждают не его, а задабривают духа предка, стараясь правильно договориться с ним и перевести в разряд духа-защитника и покровителя. Наконец, в 58 г. ханьский император Мин-ди, прославившийся своими предпочтениями конфуцианским трудам, открывает особые школы, где изучались наставления учителя, а на следующий год приказывает совершать по всей стране жертвоприношения в честь Конфуция – так скромный чиновник из Лу окончательно превращается в духа предка. Вскоре он действительно объявляется центральным духом государственного культа. Уже после своей смерти Конфуций стал продвигаться по китайской иерархической лестнице. Императорскими указами он был пожалован многочисленными высокими титулами, а в 1106 г. его стали даже именовать «правителем». В 1008 г. император Чжэнь-цзун совершает пышный обряд поклонения Конфуцию, а через два года повелевает построить храмы Конфуция во всех городах и округах, по всей стране. Он оказался обожествлен и как небожитель – «Старый наставник абсолютной мудрости», что поставило его в один ряд с даосскими бессмертными небожителями и народными героями.

Не сложно заметить, что речь идет уже не столько о человеке Конфуции, сколько о том особом духовном существе, которое занимает место предка-защитника всей китайской нации. Обедневший аристократ Кун Цюй из царства Лу столь же связан с обликом «мудреца Куна», сколь и отличен от него.

Существует вполне стандартное изложение основных взглядов, которые проповедовал Конфуций. Это изложение его взглядов частично вытекает из трактовки сборника его высказываний «Лунь юй», но в большей мере – из значительно более позднего понимания роли Конфуция, суть которой была услужливо представлена более поздним поколением, прежде всего группой философов-неоконфуцианцев. Безусловно, самой значимой фигурой в трактовке версии «Конфуций – философ» явился блестящий ученый Чжу Си (XIII в.), составивший пространные комментарии к каждому параграфу «Лунь юя». И именно на эти комментарии, на менторские посылы о том, как надо понимать Учителя, и опирались все последующие поколения китайских ученых-книжников, западных переводчиков и европейских исследователей. Постепенно самой политической культурой Китая Конфуций методично был превращен из духовного наставника узкой школы в социально-политического мыслителя.

Что может служить источниками о жизни Великого Учителя? Если отложить в сторону многочисленные биографии, написанные через сотни, а то и тысячи лет после смерти Конфуция, и еще более многочисленные легенды, то таких источников немного. Большинство историй о Конфуции носят довольно поздний характер. Естественно, это, прежде всего, сборник его речений и поступков «Лунь юй» (обычно переводимый как «Суждения и беседы»). «Лунь юй», однако, не представляет собой систематического и подробного изложения событий из жизни Конфуция. Много эпизодов можно почерпнуть из «Цзо чжуань» – «Хроник Цзо», подробных, но как всегда фрагментарных родовых записей из истории царства Лу, точнее области Цзо, где родился и жил Конфуций. Часть историй и высказываний Конфуция вошла в большой компендиум «Ли цзи» – «Записки о ритуале», по своему содержанию частично повторяющие высказывания «Лунь юя».

Таким образом, число записей, непосредственно примыкающих к жизни Конфуция, невелико, а поэтому детальность его биографии лишь кажущаяся. Учитывая, что многие первичные источники переписывались, дополнялись и подправлялись, а образ Конфуция постепенно корректировался в соответствии с государственными запросами, то точность его биографии вообще должна вызывать большие сомнения. Впрочем, то же самое, и порою даже в большей степени, относится ко всем китайским духовным наставникам древности.

Немало преданий о Конфуции передает его последователь Мэн-цзы (ок. 372–289 до н. э.), причем по своему содержанию (хотя и не текстуально) они совпадают с «Лунь юем». На первый взгляд, его весьма подробную биографию предоставляет нам историк Сыма Цянь в его «Исторических записках» («Ши цзи», I в. до н. э.), но все же он, скорее, передает устные предания, которые по прошествии нескольких столетий с эпохи жизни Конфуция оказывались весьма неточны. Вообще, Сыма Цянь излагает не столько точные факты, сколько комплекс преданий и мифов, рассказывающих о Конфуции именно как о наставнике и образчике для подражания.

Время великих наставников

Что представлял собой Китай времен Конфуция? Прежде всего – это страна, раздираемая распрями, расколота на множество царств. Царства заключают между собой союзы против других царств, союзы эти быстро раскалываются, прежние друзья превращаются в противников. Все это свидетельствовало о том, что «Поднебесная утратила гармонию» и, как считал сам Конфуций, золотой век

«высокой древности» остался в прошлом. Идеал его – идеал возвращения к стабильности прошлых веков, поиск идеального правителя, подобного мудрецам давних лет, которые «жили в соответствии с Небом». По сути, это поиск правителя-мага, находящегося в неразрывной связи с Небом и транслирующего на Землю небесную благодать. Это и призыв к каждому человеку соблюдать определенный набор ритуальных правил и даже определенный характер мыслей, которые позволяют постоянно поддерживать небесно-земную связь.

В конце III – начале II тыс. до н. э. на территории Центральной равнины Китая начали складываться протогосударства, которые в то время представляли собой по сути племенные союзы. Этот период принято называть эпохой Шан-Инь – по названию племенного объединения, которое развивалось в среднем течении Хуанхэ, в основном на территории современной провинции Хэнань. Параллельно шанской цивилизации существовало еще несколько центров, например в центральной части Китая, в провинции Сычуань, или на юге Китая, где сложилось гигантское и аморфное царство Чу, на территории которого вплоть до начала I тыс. н. э. процветала культура шаманизма и медиумизма. Одно из племенных объединений – Чжоу, существовавшее в рамках шанской цивилизации, в результате нескольких военных столкновений приходит в власти, положив начало одному из самых долгих, противоречивых и интересных периодов в истории Китая – Чжоу (XI–III вв. до н. э.).

Эпоха Чжоу распадается на два отдельных периода, традиционно называемых Западной, или Ранняя, Чжоу (XI в. – 771 г. до н. э.) и Восточная, или Поздняя, Чжоу (771–246 г. до н. э.). В свою очередь Позднюю Чжоу принято разделять на два периода: Чуньцю – «Весен и Осеней» (770–476 до н. э.) и период Чжаньго – «Сражающихся царств» (475–331 до н. э.). Первый период получил такое название по имени летописи «Чуньцю» – «Весны и Осени», приписываемой Конфуцию, которая описывает события, происходящие в домене Чжоу. Период «Сражающихся царств», как несложно догадаться из его названия, оказался связан с непрекращающимися военными и политическими столкновениями между десятками крупных и мелких царств, возникших тогда на территории Средней равнины.

Великий неоконфуцианец Чжу Си (1130 – 1200). Именно он оставил

самые пространные комментарии к труду Конфуция и был одним из тех, кто изменил первоначальный смысл мистической проповеди Учителя

Чжоуские лидеры не сумели, да и не стремились объединить все территории Китая под своей властью, к тому же само Чжоу постепенно превратилось в одно из многочисленных царств на Центральной равнине. Большинство этих царств некогда были наследственными владениями, выделенными правителем Чжоу (*ваном*) своим родственникам или ближайшим сподвижникам. Однако постепенно они начали обособляться, не признавать над собой власть *вана* и вести борьбу за гегемонию. Сам же домен Чжоу постепенно превращается в небольшое, хотя и развитое в культурном отношении царство. Некоторые лидеры царств формально признавали власть домена Чжоу, хотя ему не подчинялись, большинство же открыто игнорировали его. Царства дробились и враждовали между собой, вступали в стратегические союзы, которые быстро распадались. Ряд этих царств, располагавшихся на Центральной равнине, принято объединять под названием Срединные царства, или Чжунго (сегодня именно таково самоназвание Китая), где постепенно сложился костяк китайского этноса – этническая общность хуася. В некоторые периоды число таких царств достигало нескольких сотен, наиболее же влиятельными считались чуть более десятка царств, среди которых выделялись «семь гегемонов» – «семь сильнейших» (*ци сюн*): Цинь, Чу, Ци, Хань, Чжао, Вэй и Янь.

Существовал еще целый ряд мелких царств, например, Чжоу, Сун, Лу (откуда происходил Конфуций), Се и другие. Многие государства оказались поглощены более сильными соседями. Так, царство Лу, где родился Конфуций, попало под власть мощного царства Чу. Масштаб царства отнюдь не находился в прямой зависимости от его культурного развития, например, наиболее высокоразвитое в этом отношении царство Чжоу, столицей которого был город Лои (ныне город Лоян в провинции Хэнань), являлось одним из самых мелких царств. Однако именно в нем были сосредоточены многие архивы, сюда стекались знатоки ритуала из соседних царств и именно здесь, как утверждает предание, произошла встреча между Лао-цзы и Конфуцием.

Страна, раздробленная на противоборствующие владения, вела долгие, изнурительные и бесполезные войны. В начале эпохи Поздней Чжоу на территории Центральной равнины оказалось около 140 мелких и крупных царств. Не проходило и года, чтобы между ними не возникали стычки. Служилась даже особая категория бродячих мудрецов, особых служивых мужей (*ши*), которые, переходя из одного государства в другое, пытались уладить конфликты между правителями.

И именно в этот период Позднего Чжоу начали закладываться основы практически всех духовных школ и мистических учений Китая, многие из которых дошли до сегодняшнего дня, в том числе и учение Конфуция. Для этого было две основных причины. Прежде всего – причина внешняя, социальная и очевидная. Она заключается в поисках объяснения того хаоса, который сложился в царствах на Центральной равнине, разрушения традиционных общин и статусов.

Издревле китайская социальная система была четко поделена на уровни, каждому из которых предписывались свои строжайшие нормы поведения, причем эти предписания порой касались даже мелочей. Существовал принцип: «Кто знатен – тот богат». Незнатный не мог быть не только богатым, но даже зажиточным. Например, было точно известно, в каких одеждах кому ходить, какую пищу есть, какие обряды совершать. Высшая аристократия так и называлась – «те, кто ест мясную пищу», в то

время как на столе простолюдинов мясо не появлялось, и не потому, что его не хватало на всех, – причина заключалась в ритуальных предписаниях.

Несколькими веками ранее в обиходе появилось железо. Это нарушило гармонию общественных отношений, позволив людям, не обладающим знатностью, богатеть за счет обработки новых земель. В результате возникли так называемые «сильные дома». Казалось, золотой век китайской государственности остался позади, в страну приходят «смута и хаос». Нет уже великих мудрецов древности – Яо, Шуня, Хуан-ди, Чжоу-гуна, способных вернуть Китай в лоно вселенской гармонии. Да разве найдется сегодня тот, кто передаст правление не по наследству, а по заслугам – самому достойному, как великий правитель древности Яо, передавший трон Шуню? Нет, нравы измельчали, все власть предержащие заботятся лишь о собственном достатке и страдают неумеренными амбициями. Китай раскололся на множество мелких царств, непрестанно враждовавших между собой.

Не это ли – знак утраты гармонии в Поднебесной, о которой говорил Конфуций? Среди духовных учителей и служивых мужей идет мучительный поиск способов того, как восстановить утраченное равновесие, и основной мыслью Конфуция станет идея возвращения старых правил и ритуалов, и – что самое главное – того состояния сознания гармонии с Небом, которое было присуще правителям прошлых эпох. При этом все резче и резче проявляется дисперсность культуры на территории Китая – страна оказывается расколота не столько на царства, сколько на множество самостоятельных в культурном плане регионов.

В китайской истории ранний период правления Чжоу считается едва ли не идеальным временем в жизни людей и государства, когда все жили в достатке и каждый «знал свое место». Как сказал бы Конфуций, «правитель был правителем, а подданный – подданным».

Основатель Чжоу Чжоу-гун представлялся мужественным, трудолюбивым и

добродетельным человеком. Он выгодно отличался от своего неудачливого предшественника, последнего правителя династии Инь, который погряз в разврате. Именно Чжоу-гуну история приписывает лозунг: «Уважать добродетель и оберегать народ». Многие мудрецы, в том числе и Конфуций, называли его образцом лучших нравственных качеств, подтвержденных временем. Учитель ставил Чжоу-гуна выше всех правителей древности, указывая на то, что он «полностью овладел культурным началом», а значит, и «ритуальными» нормами поведения, в которых Конфуций видел основу вселенской гармонии.

Вторая причина почти единовременного появления (точнее – проявления) десятков духовно-философских школ значительно менее очевидна, но не менее важна. По сути, то, что проповедуют философы «ста школ» (*бай цзя*), то есть тех многочисленных интеллектуальных групп, складывающихся вокруг духовных наставников, является переработкой неких мистических культов и идей, вынесенных «на люди», окультуренных, приведенных в относительное логическое единство. Жизнь этих людей – разрыв со старым медиумизмом и оккультной практикой, из которой они выросли, их проповедь – переложение идеи мистического единения с Небом и духами на язык светского служения государству и обществу. Для Конфуция формой такого единения является сложнейший набор форм поведения и состояний сознания, которое он обозначал как *ли*– Ритуал или Правила.

Сильнейшие социальные и духовные кризисы, разрушение идей архаического оккультизма и потеря веры в духов – все это способствовало рождению совсем иного типа философии. Итак, вторая причина заключена в десакрализации мистической традиции, выводе ее на уровень широкой проповеди.

В этой проповеди высший небесный дух-правитель *Шанди* постепенно уступает место другому началу – *Дао* (Путь), не имеющему антропоморфного воплощения и не требующему никакого поклонения. Происходит постепенный отрыв от раннеархаической традиции предыдущего периода Шан-Инь (XVI–XI вв. до н. э.) с ее верой в многочисленных духов и антропоморфными представлениями о Небе. В Китае в этот период формируются все основные философские и духовные школы, лидерами которых становятся Конфуций, Лао-цзы, Ян Чжу, Чжуан-цзы, Мэн-цзы, Хань Фэй-цзы и другие. Кто-то оставляет после себя обширные труды, записи бесед с учениками, как, например, Конфуций или Хань Фэй-цзы, высказывания же других, таких как Ян Чжу, встречаются лишь во вторичных источниках, и мы не можем с уверенностью сказать, насколько они точно передают слова мудреца.

На Центральной равнине во времена Конфуция в период Восточного Чжоу (770 – 221 до н. э.) насчитывались десятки царств

Для многих духовных наставников, воспитанных в традициях магической практики, дробление царств означало дробление благодатной силы (дэ) правителя. По представлениям, характерным для Древнего Китая, правитель обладал огромной духовной мощью, которая дарована ему Небом, а основная функция такого правителя – опосредовать связь между Небом и Землей, передавать благодатную энергию подданным. Представление о ней сложилось еще в глубокой древности, когда мир понимался как место встречи людей с духами и поэтому был пропитан особой «энергией». Именно благодать правителя стала позже одним из ключевых

моментов учения Конфуция о государстве и роли в нем правителя. Безраздельная власть требовала одновременно и особой нравственной чистоты, добродетельности, личного духовного совершенства *вана*, к чему и призывал Конфуций.

Что-то разладилось в Поднебесной... Разрушился стержень взаимоотношений между людьми. Неужели великую страну ожидают хаос и смута?

Именно в этот момент многие мудрецы, философы и мистики, страшась «великой смуты в Поднебесной», размышляли над способами, которые могли бы привести страну к покою и процветанию. На этой волне возникло множество духовных, философских и политических учений. Некоторые из них угасли за несколько столетий или даже десятилетий; другие – такие как конфуцианство, легизм, даосизм, – настолько внедрились в культуру Китая, что китайская цивилизация сегодня просто немыслима без них.

Казалось, духи, которым поклонялся Китай, оказались не способны привести страну к гармонии. Наступил кризис архаического сознания, духообщение уже не давало человеку полноты истины, а человек стремился именно к ней, его больше не устраивало просто спасение от бед и несчастий. Не случайно Конфуций однажды заметил, что «если утром постигнешь истину, то к вечеру можно и умереть».

«Лунь юй»: муж достойного поведения[2]

I, 6

Учитель сказал:

– Молодые люди, находясь дома, должны проявлять почтительность к родителям, выйдя за ворота – быть уважительными к старшим, в делах – осторожными, в словах – правдивыми, безгранично любить людей и особенно сближаться с теми, кто обладает человеколюбием. Если у них после осуществления всего этого еще останутся силы, то потратить их надо на изучение культуры (вэнь).

Здесь под «культурой» подразумевается целый комплекс знаний и навыков, в том числе изучение древних канонов, каллиграфия, а также норм ритуального поведения и т.д. Все это вместе должно привести к самораскрытию человека.

II, 18

Цзы Чжан упорно учился, надеясь получить государственное содержание. Учитель посоветовал ему:

– Больше слушай, будь сдержан, а когда возникает у тебя сомнение, говори об этом осторожно. Тогда и нареканий тебе будет мало. Больше наблюдай, обходи опасное, а в остальном же будь осмотрителен – и тогда редко будешь раскаиваться в содеянном. Когда слова будут вызывать мало нареканий, а в поступках не придется часто раскаиваться, тогда и получишь ты государственное содержание.

Цзы Чжан – ученик Конфуция Чжуаньсунь Ши.

IV, 14

Учитель сказал:

– Не печалься, что не занимаешь достойного поста – печалься, если способности твои не соответствуют этому посту. Не печалься, что люди не знают тебя – поступай так, чтобы они смогли узнать тебя.

IV, 23

Учитель сказал:

– Редко бывает, чтобы ошибался человек сдержанный.

IV, 25

Учитель говорил:

– Добродетельный человек не одинок – непременно найдутся единомышленники.

Мэн-цзы (372 – 289 до н. э.), последователь учения Конфуция, поведал о многих несчастьях Учителя, который он испытывал в своих странствиях

V, 16

Конфуций так отозвался о Цзы-чане:

– Он обладал четырьмя качествами (Дао) благородно–го мужа: свершая дела, он исходит из самоуважения; служа вышестоящим, он исходит из ответственности, а наставляя народ, исходит из доброты; управляя народом, исходит из справедливости.

Цзы-чань (Гун Сунь-цяо) – прозвище сановника из царства Чжэн.

VI, 14

Учитель сказал:

– Мэн Чжифань никогда не хвастался своими заслугами. Когда его войско обратилось в бегство, он следовал позади его, а когда войско вступало в город, он стегнул своего коня, сказав: «Я не смел бы быть позади, да вот конь мой не шел вперед».

Мэн Чжифань – аристократ из царства Лу.

IX, 16

Учитель сказал:

– Во внешнем мире (т. е. при дворе) следует служить правителям и сановникам, дома надо служить отцам и старшим братьям, нельзя проявлять леность в совершении погребальных ритуалов и не стоит хмелеть от вина. Но что во мне самом есть из всего этого?

IX, 29

Учитель сказал:

– Мудрый не сомневается, человеколюбивый не печалится, храбрый не боится.

XIII, 8

Учитель сказал о вэйском царевиче Цзине:

– Да, он умеет вести дела своей семьи. Когда у него появляется что-нибудь, он говорит: «Достаточно». Когда же он получает сверх этого, то говорит: «Богатею». Когда же получает еще больше, то произносит: «Замечательно!».

XIV, 2

Учитель сказал:

– Если служивый муж (ши) думает лишь о спокойствии и удовольствиях, то он не достоин так называться.

XIV, 12

Цзы Лу спросил, кого можно назвать совершенным человеком. Учитель ответил:

– Если взять знания Цзян Учжуна, бескорыстие Гунчо, храбрость Чжуан-цзы из города Бянь, мастерство Жань Цю, да прибавить к этому познания в Правилах и музыке, то может получиться совершенный человек.

А затем добавил:

– Но вряд ли таким должен быть ныне совершенный человек. Если он предпочитает долг выгоде, рискует жизнью, столкнувшись с опасностью, помнит о своем обещании даже в трудные времена, то уже такого человека можно назвать совершенным.

Цзян Учжун прославился своим умом, современники называли его мудрецом. Чжуан-цзы – правитель города Бянь в княжестве Лу.

Начало пути Учителя

Практически каждый эпизод жизни Великого Учителя описан достаточно подробно, хотя, естественно, большая часть этих подробностей – мифологическая.

Слой за слоем формировалась священная биография Конфуция, шаг за шагом скромный и честный наставник, посвященный священнослужитель и неудачливый администратор превращался в символ всей китайской традиции, в небожителя и основателя государственной доктрины.

Конфуций появился на свет в царстве Лу на территории современной провинции Шаньдун, в местечке Цюйфу, где сегодня разбит огромный музейный и храмовый комплекс, посвященный «Учителю учителей».

В его жизни много необычного и знакового. Уже само его рождение оказалось окружено слухами и преданиями. Великий мудрец родился от связи, которую называли «странной», «варварской», нарушающей правила» и даже «противозаконной и развратной». Его отец Шулян Хэ, которому уже минуло 70 лет, вступил в связь с очень юной девушкой из рода Янь. Не очень понятно, что подразумевал Сыма Цянь, называя в своих «Исторических записках» эту связь «странной» или «развратной» (*се цзяо*). Возможно, что Шулян Хэ и девица Янь Чжи отнюдь не состояли в официальном браке, а лишь сожителем; возможно, что при бракосочетании не были соблюдены все обряды, которым в те времена необходимо было строго следовать; может быть, многие были недовольны тем, что разница в возрасте «молодых» была более чем в 50 лет.

Могли ли такие слухи не отразиться на юном Конфуции? Сын благородных родителей, знавший славную историю своего рода и ратные подвиги отца, он вряд ли мог забыть об обстоятельствах своего появления на свет. И вечно должен был своим примером доказывать, что свойства людей одинаковы независимо от их рождения, что важно другое – способна ли душа человека следовать древним канонам, может ли он неустанно воспитывать себя, изгонять из себя неискренность и злобу, пестуя в своем сердце человеколюбие.

Высказывались даже предположения, что сам Конфуций был незаконнорожденным, он не получал всей полноты той аристократической власти, которая полагалась бы ему по закону – а отсюда многие обиды, которые пришлось ему претерпеть в детстве. Но, возможно, это лишь домыслы. Так или иначе, предания в «Исторических записках» рассказывают, что Шулян Хэ, у которого уже

было несколько дочерей, в возрасте 63 лет взял наложницу, которая наконец родила ему сына. Но и здесь неудача – сын оказался хромоногим. Шулян Хэ в отчаянии начал искать себе новую спутницу, и внезапно совсем юная девушка из города Цюйфу, представительница знатного рода Янь, согласилась связать свою жизнь со старым воином. Эта женщина и подарила миру 27 августа 551 г. до н. э. великого мудреца – Конфуция. При рождении долгожданному мальчику дали имя Чжунни. Случилось это так: «Они пошли вместе и вознесли на холме Ницью молитвы Небу, и после этого она понесла Кун-цзы. На двадцать второй год правления луского властителя Сян-гуна на свет появился Кун-цзы. Родился он с бугорком на голове, а поэтому дали ему имя Цюй – «холмистый». Его второе имя (*цзы*) было Чжунни, а его клановое имя – Кун» [12, 1905].

По-китайски, *цюй* – это округлый холм с небольшой ложбиной посередине. По преданиям, именно такой формы голова была у Конфуция и таким он предстает на многих более поздних канонических изображениях. Кажется, что историограф Сыма Цянь передает нам на самом деле не одну, а сразу две легенды, которые он смешивает воедино: мудреца называли Цюй то ли из-за моления его родителей на холме, то ли из-за странной формы головы. Сыма Цянь по своей традиции никогда не комментирует записываемые им предания, нам же может быть интересно понять суть такого странного прозвища.

«Достигший высшей мудрости первоучитель Кун-цзи».

Портрет канонизированного Конфуция из книги XIV в.

Достоверно не известно, была ли у Конфуция действительно голова столь необычной формы. Что, впрочем, само по себе не столь важно – важна сама символика столь странной головы. Хорошо известно другое: все великие мудрецы древнего Китая обладали каким-то характерным признаком, неким физическим

недостатком, который явно указывал на их чудесность и необычность. Так, мудрец Фуси, принесший людям иероглифическую письменность, приготовление пищи и вообще многое из того, что мы называем культурой, также изображался в виде странного вида человека либо с небольшими рожками на голове, либо со впадинкой посреди головы (что, в сущности, одно и то же). «Бугристой» головой отличался и легендарный первоправитель Китая «Желтый правитель» Хуан-ди, так иногда изображался другой священный правитель – основатель земледелия Шэнь-нун, в более поздние эпохи такими представляли даосские маги (например Чжан Саньфэн в XIII в.).

Семья будущего великого наставника принадлежала к так называемым «малым домам» – некогда славным, а ныне разорившимся аристократическим семьям, не имевшим большого влияния на политику и не располагавшим ни большими земельными наделами, ни заметным количеством подданных. В известной степени это отразилось и на психологии молодого Кун-цзы, который считал, что происходит разрушение древних обычаев, когда «все находилось на своих местах»: когда людям воздавали по их положению, званию и, конечно же, мудрости и преданности правителю. Теперь же, когда при дворе «служат недостойные», многие представители «малых домов» типа Конфуция вынуждены быть на малых должностях, а то, и оставив все, отправляться на чужбину.

Многие предания указывали, что Конфуций происходил не только из аристократической семьи, но из царского рода, причем эту линию тянули из глубокой древности. По преданиям, известный аристократ из царства Лу Мэн Сицзы (два его сына стали учениками Конфуция) лишь перед смертью поведал, что Конфуций происходил из линии Фу Фухэ, который был старшим сыном правителя Мин-гуна из царства Сун. Он уступил свое право на правление своему младшему брату Ли-гуну (IX в. до н. э.). Затем через несколько поколений наследование перешло к Чэн Каофу, который служил трем правителям царства Сун в 799–729 гг. и прославился своим уважительным отношением к своим господам. Как сочли китайские комментаторы, другим именем Чэн Каофу и было Кун Фуцзя [13, гл. «Чжао-гун», 44.16б–17а].

Собственно, как нам пытаются показать китайские историки, и прежде всего Сыма Цянь, именно Кун Фу, или Кун Фуцзя и был прямым основателем рода Кунов. В 710 г. видный аристократ Хуа Ду казнит Кун Фуцзя и занимает вместо него пост советника в царстве. По преданию, причина этого была весьма тривиальна – Хуа Ду «увидел красоту его жены Кун Фу и обрадовался».

Упоминаний об отце Конфуция – Шулян Хэ мы не встречаем ни в каких ранних источниках, непосредственно не связанных с самим Конфуцием. Лишь местные хроники «Цзо чжуань» упоминают некоего Шу Хэ из области Цзоу, возможно, он и был отцом великого Учителя. Прославился этот Шу Хэ своими воинскими доблестями и невероятной силой. Когда триста воинов отряда, которым он руководил в борьбе против царства Ци, прорывались в город Биян и уже начали входить в ворота, противник начал опускать тяжелые ворота, рассекая атакующих надвое. И тогда могучий Шу Хэ, подставив предплечья, сумел удержать ворота и дать пройти своему отряду [13, гл. «Сян-гун», 31.3б]. И хотя в этом рассказе ничего непосредственно не указывает на Шу Хэ именно как на отца Конфуция, уже Сыма Цянь в исторических записках пересказывает эту историю, используя имя Шулян Хэ. Так за счет небольших «косметических» подправлений Конфуций получал свою славную предысторию. А это очень важно для того, кто столь трепетно проповедовал прежде всего уважение к предкам.

Шулян Хэ был представителем четвертого поколения рода Кунов. С ним

происходит какая-то странная история, суть которой сегодня уже не дано нам понять. Странность заключалась в том, что, будучи столь славным воином, он не получает ни званий, ни наград, ни официальных должностей. После войны он возвращается в родное местечко Цзоу (по некоторым предположениям, он получает его во владение в качестве признания заслуг), когда ему исполнилось уже 63 года.

Конфуций был беден и, по-видимому, страдал от этого. В одной из бесед он упоминает: «В молодости я был беден, поэтому я освоил многие презренные занятия» (IX, 6). Карьера великого наставника начинается весьма обыденно и скромно. Он занимал невысокий и не очень значимый пост, вел хозяйственные записи – занимался учетом скота. «Все, за что я отвечал, – чтобы овцы и коровы росли сильными и здоровыми» (Мэн-цзы, Vб, 5). В общем, его первые шаги были весьма характерны для потомков обедневшей аристократии его времени.

С юности жизнь учила Конфуция немало мужеству. Ему еще не исполнилось и семнадцати, как умерла его мать. Его не приглашали на пиры, которые устраивались знатными родами в царстве Лу, потому что его род, хотя и благородного происхождения, был из числа «малых домов» – бедных и маловлиятельных. Не раз Конфуцию приходилось испытывать и публичные унижения, презрительные взгляды богатых вельмож... Не тогда ли он понял, что «благородный муж может быть огорчен лишь тем, что не обладает способностями, но не беспокоится о том, что люди не знают его»? Невзгоды не ожесточили его сердце – наоборот, он увидел в них средство самовоспитания, обнаружил в своей душе ту удивительную любовь к людям, которой впоследствии учил других.

В 525 г. до н. э. Конфуций, занимавший тогда невысокий чиновничий пост, был

представлен наместнику Тану во время его визита в Лу. По преданиям, Конфуций имел честь рассказать ему о том, что в прошлом официальные присутственные места назывались по названиям птиц [13, гл. «Чжао-гун», 48, 3б-9а]. Он вообще с молодых лет подпадает под обаяние уложений прошлых эпох – тех, где остался его идеал «мудрого и справедливого правления» и когда еще не была нарушена связь между людьми и духами.

«Лунь юй»: путь Учителя

I, 16

Учитель сказал:

– Не печалься, что люди не знают тебя. Печалься, что сам не знаешь людей.

II, 4

Учитель сказал:

– В пятнадцать лет я обратил свои помыслы к учебе. В тридцать лет встал на ноги. В сорок освободился от сомнений. В пятьдесят познал волю Неба. В шестьдесят научился отличать правду от неправды. В семьдесят стал следовать желаниям сердца и не переступал меры.

II, 11

Учитель сказал:

– Тот, кто, повторяя старое, способен обрести новое, может стать наставником.

II, 21

Некто спросил Конфуция:

– Почему Вы не участвуете в управлении [государством]?

Учитель ответил:

– В «[Каноне] истории» говорится: «Когда надо проявлять сыновнюю почтительность – проявляй ее, будь дружен со старшими и младшими братьями». В этом и кроется суть правления. Таким образом, я уже участвую в управлении. К чему непременно состоять на службе ради управления?

«Канон истории» («Шу цзин») – сборник исторических преданий с мифических времен до периода Чуньцю (с XXIV по VIII в. до н. э.)

III, 24

Начальник пограничной службы в И, желая встретиться [с Учителем], сказал:

– Когда сюда прибывали благородные мужи, я встречался с каждым. Ученики попросили [Учителя] принять его.

Выйдя от Учителя, он сказал:

– Почему вы так обеспокоены, что нет у вас чиновничьих постов? Под–небесная уже давно лишилась Дао, скоро Небо сделает Вашего Учителя колоколом.

IV, 15

Учитель сказал:

– Шэнь! Мой Дао-Путь пронизан Единым.

Цзэн-цзы ответил:

– Воистину!

Когда Учитель вышел, ученики спросили:

– Что это значит?

Цзэн-цзы ответил:

– Путь Учителя включает лишь два понятия – чжун – верность и шу – снисхождение.

Шэнь – Цзэн Шэнь (Цзэн-цзы), один из самых любимых учеников Конфуция.

V, 26

Янь Юань и Цзылу стояли подле Учителя.

– Расскажите мне,– сказал Учитель,– чего бы вы оба хотели?

– Я бы хотел,– ответил Цзылу,– делить и повозку, и платье на меху с друзьями. А если сломают или изнасят – не досадовать.

– А я бы хотел,– сказал Янь Юань,– не кичиться достоинствами и не выставлять напоказ заслуги.

А Цзылу сказал:

– Позвольте услышать и о желаниях Учителя.

И Учитель ответил:

– Чтобы старики жили в покое, чтобы друзья были правдивыми, а младшие проявляли заботу о старших.

VI, 12

Жань Цю сказал:

– Не сказать, что я не могу оценить вашего Учения-Дао, просто сил мне не хватает.

Учитель сказал:

– Те, кому сил не хватает, останавливаются на полпути. Ты же не сделал еще и шага.

VII, 2

Учитель сказал:

– Запоминать и хранить в своем сердце; усиленно учиться, не зная пресыщения; наставлять других, не ведая усталости, – что из этих трех принципов я претворяю?

Здесь изложен один из основных принципов жизни мистических наставников – устная передача знания и наставление в нем других людей.

IX, 7

Лао сказал:

– Учитель говорил: «Я не был использован на государственной службе, поэтому овладел некоторыми искусствами».

Личность Лао вызывает споры, возможно, это был ученик Цай Лао из царства Вэй.

VII, 11

Учитель сказал Янь Юаню:

– Когда нас привлекают на службу – действуем. Когда нас отвергают – удаляемся. Только мы с тобой можем так поступать.

Цзы Лу спросил:

– А если бы Вам доверили командовать армией, кого взяли бы с собой?

Учитель ответил:

– Не того, кто с голыми руками бросается на тигра или вплавь переправляется через реку и в результате безрассудно гибнет. Я бы взял того, кто начинает дело с осторожностью, и не только любит продумывать планы, но и способен добиться успеха.

VII, 12

Учитель сказал:

– Если бы богатства можно было домогаться, то я согласился бы стать даже возницей. Поскольку домогаться невозможно, я займусь тем, что мне нравится.

VII, 16

Учитель сказал:

– Есть грубую пищу, пить воду, спать на согнутом локте – во всем этом тоже есть радость. А богатство и знатность, нажитые нечестно, для меня – что плывущие облака!

VII, 17

Учитель сказал:

– Если бы мне прибавили несколько лет жизни, то я имел бы возможность в пятьдесят лет изучить «Канон перемен» и, возможно, избежал бы больших ошибок.

VII, 24

Учитель сказал:

– Вы, ученики, полагаете, что я что-то скрываю от вас? Я ничего не скрываю от вас. Я ничего не делаю без вас. Таков я.

VII, 28

Учитель сказал:

– Вероятно, есть люди, которые могут делать что-либо, ничего при этом не зная. Я, увы, не таков. Мне приходится многое слушать, выбирать из этого доброе и следовать этому. Мне приходится наблюдать многое и запоминать это. И все же такие знания вторичны».

Вторичным знаниям противопоставлены те, что даны от рождения.

VII, 33

Учитель сказал:

– В учености я подобен другим людям. Что же касается достоинств благородного мужа, то в этом я, увы, не преуспел.

VII, 34

Учитель сказал:

– Что касается высшей мудрости и человеколюбия, то разве смею ли я обладать ими? И все же я учусь и тружусь, не зная пресыщения, обучаю, не ведая усталости, – только это и можно сказать обо мне.

Гунси Хуа сказал:

– Мы как раз этому и не можем никак научиться.

IX, 5

Когда Учителю угрожали в местечке Куан, он сказал:

– После смерти [чжоуского] Вэнь-вана я стал тем, в ком заключена культура (вэнь). Если бы Небо действительно хотело уничтожить культуру, то оно не наделило бы ею меня. А коль само Небо не уничтожило ее, стоит ли мне бояться каких-то куанцев?

Жители местечка Куан приняли Конфуция за их обидчика Ян Хо и продержали философа с учениками в окружении целых 5 дней.

IX, 13

Цзы Гун сказал:

– Вот кусок прекрасной яшмы. Спрятать ли нам ее в шкатулку или же постараться продать ее за хорошую цену?

Учитель сказал:

– Продать, продать! Я ожидаю покупателя.

Считается, что под «прекрасной яшмой» имеется ввиду сам Конфуций, который выбирает, либо ему укрыться от людей, либо служить достойным правителям.

IX, 19

Учитель сказал:

– Вот, например, я заканчиваю возведение холма. И пускай мне осталось насыпать лишь корзину земли, но я остановился. Вот это и есть остановка. Или, например, если я на ровном месте [начинаю возводить холм], то пускай я высыпал лишь одну корзину земли, то я уже продвинулся. Вот это и есть продвижение.

Конфуций имеет в виду постижение Учения, где истинное знание приходит от методичной работы. И даже у продвинутого человека перед достижением Высшего знания может быть остановка, что отбросит его назад.

IX, 15

Учитель сказал:

– После моего воз–ращения из царства Вэй музыка наконец была исправлена, а оды и гимны обрели должное место.

Речь идет о том моменте, когда 69-летний Конфуций после долгих странствий возвратился в родное царство Лу. Именно после этого, умудренный опытом, он начинает редактировать древние каноны.

XIII, 10

Учитель сказал:

– Если бы правитель использовал меня на службе, то уже через год я бы навел порядок, а через три года добился бы успеха.

XIII, 21

Учитель сказал:

– Увы, не вижу вокруг себя людей, что способны придерживаться середины. Посему вынужден сходиться с теми, кто своеволен или излишне осторожен. Своевольный хватается за любое дело, осторожный же избегает неприятностей.

XIV, 13

Учитель спросил у Гунмин Цзя о Гуншу Вэньцзы:

– Правда ли, что твой учитель не говорит, не смеется и не берет подношений?

Гунмин Цзя ответил:

– Те, кто сообщил об этом, ошибаются. Когда надо сказать, он говорит, но так, чтобы никого не утомить. Когда он весел, он смеется, но так, чтобы никого не задеть. Когда надо взять по справедливости, он берет, но так, чтобы ни у кого не вызвать осуждения.

Учитель сказал:

– Это так? Неужто он действительно так и поступает?

Гунмин Цзя служил при дворе аристократа Гуншу Вэньцзы. Гуншу Вэньцзы (Гунсунь Ба) – сановник из Вэй, внук правителя царства Сянь-гуна.

XIV, 29

Цзы Гун любил давать оценку людям. Учитель сказал:

– Как ты мудр, Цы! А вот у меня на это нет времени.

XV, 3

Учитель спросил:

– Цы! Ты полагаешь, что я, многое изучая, все запоминаю?

Тот ответил:

– Конечно, а разве не так?

– Нет, – ответил Учитель, – у меня все пронизано Единым.

XV, 16

Учитель сказал:

– Если человек сам не спрашивает себя: «Как же быть? Как же быть?» – то и я не знаю, как с ним быть.

XV, 31

Учитель сказал:

– Бывало так, что дни и ночи я проводил в раздумьях без сна и пищи. Но все тщетно... Лучше уж учиться!

Тайна обучения Учителя

В жизни Конфуция, несмотря на обширность биографических записей, существует немало загадок. И загадка его появления на свет – далеко не единственная и, тем более, не самая главная. Она, скорее, связана с неясностью его происхождения, и это в целом ничуть не влияет на его дальнейший путь. Но есть загадка куда более серьезная и темная – загадка, на которую до сих пор не ответил ни один исследователь его жизни. Более того, многие либо намеренно, либо случайно избегают обсуждения этого вопроса: чему и как обучался сам Конфуций, где исток его собственного знания. Обычно на это отвечают весьма поверхностно, следуя классической китайской историографии: с детства Учитель увлекался изучением древних канонов, в том числе «Канона песнопений» («Ши цзин»), много учился и размышлял. И на основе этого сплава постоянного обучения и личных переживаний и возникла философия Конфуция.

Безусловно, это правильно – действительно все источники указывают на то, что Конфуций уделял основное внимание именно изучению древних канонов, а также учился шести классическим искусствам «благородного мужа»: ритуалам, музыке, стрельбе из лука, управлению колес–ницей, письму и искусству счета. Впрочем, этому же обучались и сотни других выходцев из аристократических семей, практически любой служивый муж (*ши*) проходил аналогичный путь. Но нет ответа на главный вопрос: что же позволило Конфуцию войти в историю не как чиновнику и администратору, коими он постоянно стремился стать, а как наставнику и проповеднику некой традиции, которая уже позже и была названа конфуцианством.

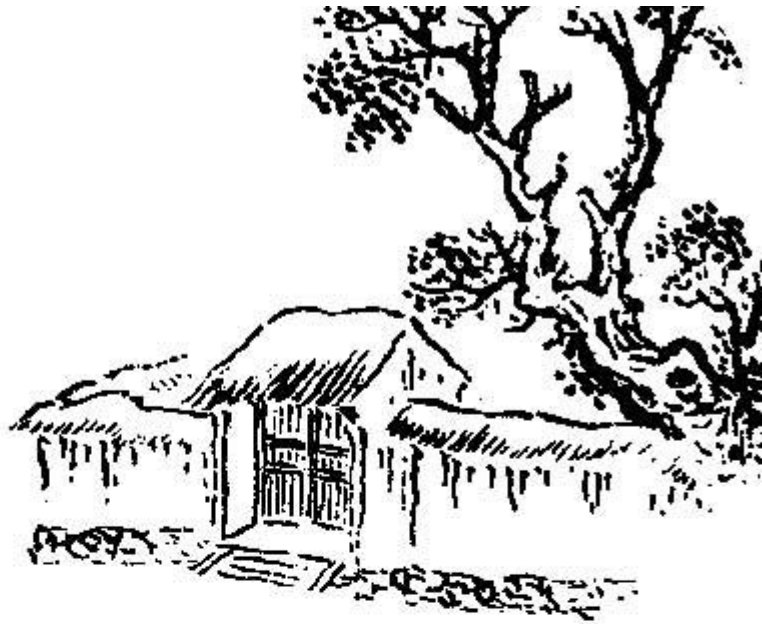
Так чему же обучался сам Конфуций? Кажется, именно здесь и заключена основная тайна жизни и проповеди этого человека. Нигде, абсолютно нигде мы не встретим рассказа о сути его обучения, о его подготовке. Кажется, о нем рассказано буквально все, его ученики старательно записали то, как он ел, как сходил с повозки,

как входил в дом правителя и как выходил оттуда, какие одежды носил. И все эти подробности создают ощущение, что о нем действительно рассказано практически все. Но попробуйте узнать, какие ритуалы изучал сам Конфуций, кто наставлял его, с какими учителями он общался в период своей молодости, – ничего из этого узнать уже никогда не удастся. Из истории загадочным образом тщательно вымараны все упоминания о становлении самого Учителя. И такое «замалчивание» косвенным образом указывает, что где-то здесь и заключен ответ на вопрос об удивительной силе учения, что проповедовал Конфуций.

Чтобы постичь это, надо прежде понять, чему обучался сам Конфуций и как пытался предать свое учение дальше. Понять это не просто – как мы уже упоминали, многие сведения либо намеренно вычеркнуты со страниц истории, либо принципиально никогда не записывались (а это было принято в мистических школах медиумов).

Для начала посмотрим, как Конфуция воспринимали сами правители, сановники и аристократы того времени, – ведь они наверняка должны были знать, к какому служению готовился Конфуций. И здесь нас ожидает первая неожиданность: почти никто не воспринимает его как потенциального чиновника и администратора, скорее, наоборот, никто не привечает его в таком качестве и чаще его гонят из царств и от дворов правителей. Над ним нередко издеваются как над учителем, что собрал вокруг себя учеников и последователей, восклицая: «Какой же это учитель?!» (XVIII, 7).

Но есть другая область его познаний, где, кажется, никто не сомневается в его посвященности: знание ритуалов, правил общения с духами, погребальные церемониалы и все то, что можно назвать жреческой деятельностью. По сути, Конфуций воспринимается большинством «внешних» людей (т. е. не членами его школы) как священнослужитель и медиум, что может общаться с духами и передавать их веления Неба на землю.

И это открывает нам «скрытую» особенность биографии Конфуция: скорее всего, он обучался в одной из магических школ и готовился именно к карьере священнослужителя. Но здесь было и его отличие от шаманов, мистиков и магов предыдущих эпох. Конфуций не стремится к сокрытию этой тайной традиции,

наоборот, он выносит магические знания на люди и пытается при помощи них отрегулировать ситуацию в Поднебесной. Он социализирует эти жреческие знания, создает общедоступную школу, старается наставлять правителей царств и областей в надежде, что это восстановит гармонию среди людей и возобновит утраченную связь между людьми и духами. Увы, как показала вся жизнь Конфуция, две различных области человеческой деятельности – социально-государственная и жреческо-магическая – не могут заменить одна другую. И единственным его стремлением в поздний период жизни становится желание передать ученикам суть своих знаний.

Так каких же знаний? Пожалуй, это самый загадочный вопрос: чему и как обучался сам Конфуций. Кто был его наставником, как проходило его обучение? Примечательно, что источники практически ничего не говорят об этом. Целый период жизни будущего великого наставника приблизительно до его тридцатилетия таинственным образом выпадает из поля зрения комментаторов и историков. Естественно, существует множество более поздних версий, но они опираются даже не на устные версии, а на предположения, изложенные в рамках становления идеального образа учителя и мудреца.

Такое «выпадение» в биографии человека, который определил развитие характера китайской цивилизации на тысячи лет вперед, не может не показаться странным, равно как и не может быть просто случайностью.

Действительно, почему ничего не сказано об учителях Конфуция, о формах его обучения, о тех методах, в которых он совершенствовался? Ведь это очень важно для Китая – знать имя твоего учителя, поскольку это как бы закрепляет твой статус в традиции. И вдруг – ничего. Абсолютно ничего: ни имен учителей, ни рассказов о возмужании Конфуция.

Впрочем, этому есть прямые параллели. Дело в том, что упоминания об учителях отсутствуют у целой плеяды китайских духовных наставников, например, у Лао-цзы, Чжуан-цзы, Мэн-цзы. Они как бы черпали мудрость от Неба, обладали ею изначально, что, в общем, соответствует мистической концепции «спонтанного пробуждения мудрости», что заложена в самом человеке. Большинство из таких персонажей принадлежит к даосской, а точнее к прото-даосской традиции, к мистическим и оккультным школам. Более того, эта традиция непосредственно тяготеет к архаическим шаманам и медиумам – и те и другие, хотя, безусловно, и могут формально изучать у кого-то методы оккультной практики, все же получают свои способности «от рождения», «от Неба». Их мастерство основывается не на получении этого формального знания, но на целом ряде способностей входить в мистический транс, испытывать видения и трактовать их, «переводя» на доступный людям язык. И Конфуций принадлежит именно к этой категории людей, получивших «Знания от Неба».

Не только он сам, но даже ученики Конфуция не считали, что он учился у кого-то конкретного. Вопрос, у кого учился сам Конфуций, интересовал многих его современников, что, в общем, легко объяснимо: если он один из мистических учителей, отшельников и медиумов, которые бродят по Китаю – то он получает свои знания от Неба. Но если же он обычный служивый муж из обедневшей аристократической семьи – то у него должны быть и учителя. Проблема заключалась в том, что сам Конфуций представлял собой весьма необычный персонаж: он пытался совместить в себе оба этих качества, что, естественно, вызывало недоумение у тех, кто встречался с ним. Некоторые пытаются выяснить, от кого же получал свои знания Учитель. На один из таких вопросов ученик Конфуция Цзы Гун

отвечает так, что становится ясно: их Учитель есть наследник потаенной мудрости правителей Китая прошлых поколений, от которых он мистическим образом и получает Знание. Он говорит: «Путь-Дао Вэнь-вана и У-вана не сгинул на земле, а растворился в душах людей. Достойные наследовали великое, а недостойные – малое.... Разве не всюду мог учиться наш Учитель? И неужели для этого нужен лишь один наставник?» (XIX, 22). Вэнь-ван и У-ван – первые правители династии Чжоу, объединившие разрозненные земли внутри единой протогосударственной общности, и их очень высоко ценил сам Конфуций. Таким образом, в традиции Конфуций тот «достойный», который «унаследовал великое» – и в этом были убеждены как ученики Конфуция, так и он сам: он несет в себе мистическое знание древних поколений.

Но какие-то реальные учителя у молодого Конфуция, безусловно, были. Однако традиция очень строго хранит эту тайну, поскольку это тайна посвящения Учителя, а не просто его формального обучения. Он действительно у кого-то проходил самое тщательное и очень строгое обучение в жреческой практике – строгость подхода видна практически во всех его действиях и высказываниях относительно ритуалов. Конфуций, например, может снисходительно отнестись к несправедному правителю и даже к заговорщику, и никогда – к нарушителю ритуала. Священнослужитель не может потерять разрешения связи с Небом!

Лао-цзы: загадочный –наставник Конфуция

Есть лишь одно упоминание об учителе Конфуция – но оно оказалось столь неожиданным, что многими отвергалось как еще одно предание. И это упоминание гласит, что Конфуций учился у Лао-цзы, а точнее получал от него наставления в сути ритуалов.

Эта версия отвергалась многими средневековыми комментаторами, как абсолютно невозможная: не мог основатель конфуцианства учиться у основателя даосизма.

Например, историки XVIII в. Ван Чжун и Цуй Шу считали, что даже если эта встреча и могла состояться, то все древние хроникеры заметно приукрасили ее. Так, Ван Чжун считал, что сам Лао-цзы крайне негативно относился ко всем ритуалам, а поэтому вряд ли бы мог наставлять Конфуция в этом вопросе.

Но вспомним, что в тот момент еще никакого конфуцианства и даосизма просто не существовало. Был лишь круг посвященных мудрецов, которые пошли на службу государству. Лао-цзы, мистик и посвященный из южного царства Чу, пришел на север, в домен Чжоу, где получил пост хранителя архивов. Практически в то же самое время Конфуций странствует по царствам в поисках достойной государственной должности. Именно в домене Чжоу в городе Лои (ныне г. Лоян в провинции Хэнань) и должна была произойти их встреча. И встреча эта многократно описывается, являясь, по сути, символом передачи мистического знания от одного, более старого мудреца (Лао-цзы) к другому – молодому Конфуцию.

Наиболее подробное описание акта передачи знания можно встретить в «Исторических записках» («Ши цзи») Сыма Цяня, причем дважды: один раз в «Жизнеописании Лао-цзы», другой – в «Жизнеописании Конфуция», при этом оба описания заметным образом отличаются друг от друга. Сыма Цянь не одинок в своем описании встречи – оно с теми или иными вариациями встречается многократно в «Чжуан-цзы», «Люйши чуньцю» («Весны и осени господина Люя»), в «Ли цзи» («Записи о ритуалах»).

Многое в этом диалоге двух мудрецов покрыто тайной, равно как и вообще все ученичество Конфуция. Была ли это просто встреча, или Конфуций действительно получал какие-то регулярные наставления от Лао-цзы? Так в «Люйши чуньцю» прямо говорится: «Кун-цзы учился у Лао Даня (т. е. у Лао-цзы)».

Могло ли это быть на самом деле? Лао-цзы, безусловно имел более высокий статус посвящения и мистический опыт. Он сам вырос в царстве Чу на юге Китая, прославленном своими шаманскими традициями и большим количеством школ медиумов и магов. В то время, когда на севере Китая, в том числе и там, где жил Конфуций, уже происходил отход древних архаических традиций шаманов, в царстве Чу вовсю процветали древние экстатические культы. И Лао-цзы был одним из тех, кто принес эти знания на север Китая.

Само обучение Конфуция у Лао-цзы могло произойти именно в тот «темный» период, который вообще не упоминается в «Лунь юе» и о котором, судя по записям, сам Лао-цзы никогда не говорил. Тогда Конфуций был молод, в ту пору ему могло быть, по разным предположениям, от 17 до 34 лет. Именно в Лои был сосредоточен культурный центр того времени, содержался архив правителя, жила аристократия, сюда съезжались знатоки древних ритуалов и обычаев. Не удивительно, что Конфуций в поисках знаний и службы решил направиться к чжоускому двору.

Самое известное описание встречи Конфуция и Лао-цзы встречается в «Исторических записках» Сыма Цяня в «Биографии Лао-цзы» и содержит множество примечательных подробностей, буквально разбросанных по тексту:

«Конфуций приехал в царство Чжоу, чтобы спросить у Лао-цзы о смысле ритуала. Лао-цзы сказал: “Те, люди, о которых вы говорите, уже умерли, а кости их превратились в прах. Остались лишь их слова. Когда приходит время, благородный муж (*цзюньцзы*) садится на лошадь, в другое же время он покрывает себя и уходит.

Я слышал, что хороший торговец так глубоко запрятывает свои товары, что его

лавка кажется пустой, а благородный муж, достигнув полноты Благодати, кажется глупцом. Избавься от своего заносчивого вида и многочисленных желаний, манерности и похотливых устремлений – все это не имеет никакой пользы для тебя. Вот все, что я хотел сказать тебе”».

Вернувшись, Конфуций рассказал своим ученикам: «Я знаю, что птица может летать, рыба может плавать, животное может бегать. Чтобы поймать того, кто бежит, расставляют силки; на того, кто плавает, закидывают сети, а для того, кто летает, используют стрелу. Что же до дракона, то я не могу постичь, как он, оседлав ветер и облака, взмывает в небо. Сегодня я видел Лао-цзы – воистину он подобен дракону!»

Конфуций называет Лао-цзы «драконом» (*лун*) – и это не просто комплимент мудрецу. В эпоху Чжоу понятием *лун* обозначалось не столько мифологическое животное, сколько один из типов магов, которые во время ритуалов могли вступать в контакт с духами предков. *Лун*-дракон тоже был одним из тех духов, которые были перевозчиками душ в царство мертвых и в этом смысле дублировали функции традиционного шамана, также провожавшего души умерших [5, 196–202]. Итак, Конфуций признается, что повстречал одного из таких посвященных магов, причем его мастерство не может быть им даже постигнуто до конца.

Лао-цзы по преданию покинул службу и удалился от людей.

Успел ли он передать свои знания Конфуцию?

Интересно, что Лао-цзы обвиняет своего собеседника в заносчивости, многочисленных желаниях и даже каких-то то ли «похотливых устремлениях», то ли «темных желаниях» (*инь чжи*). Не намек ли это на постоянное стремление Конфуция получить государственную должность, поступить на службу и за счет своих мистических знаний гармонизировать Поднебесную? Разве это не является с точки зрения Лао-цзы излишними амбициями и «похотливыми устремлениями»? Достаточно вспомнить, что сам Лао-цзы в конце концов покидает свою должность и

уходит туда, «где следы его затерялись». Он отказывается выносить тайные знания на люди и передавать их непосвященным. А вот Конфуций, уже в раннем возрасте собирая вокруг себя учеников и стремясь стать советником правителей разных царств, по сути, отходит от традиции тайной передачи.

И именно поэтому Лао-цзы и говорит молодому Конфуцию о необходимости «запрягивать» истинное знание, а не выносить его на люди: «Хороший торговец так глубоко запрягивает свои товары, что его лавка кажется пустой, а благородный муж, достигнув полноты Благодати, кажется глупцом».

Не сложно догадаться, что Конфуций обращается к Лао-цзы с вопросами о мудрых первопрародителях древности, например, Чжоу-гуне и Вэнь-ване, в которых он видел идеал сочетания тайного знания и открытого служения людям. Но Лао-цзы настроен к такому преклонению очень скептически: «Те люди, о которых Вы говорите, давно уже умерли». Это значит, что следует самому в прорыве мистического знания достичь мудрости древних, а не формально почитать их.

А вот раздел «Жизнеописание Конфуция» из того же трактата «Исторические записки» содержит несколько иную версию, хотя ее можно воспринимать и как продолжение предыдущего рассказа.

«Когда он [Конфуций] собрался уходить, Лао-цзы проводил его и сказал: “Я слышал, что богатый и знатный человек делает другим подношения деньгами, в то время как человеколюбивый делает подношения словами. Увы, я не являюсь ни богатым, ни знатным человеком, лишь осмелюсь полагать, что я человек человеколюбивый. Поэтому я тебя провожу следующими словами: умные и глубокоумные люди быстро умирают. Образованный рискует своей жизнью за зло других. Человек, который стал мудрецом (*цзы*), уже не принадлежит самому себе. Человек, который получил государственный пост, также больше не принадлежит самому себе”».

На первый взгляд, здесь Лао-цзы выступает почти как конфуцианец, например, он говорит о «човеколюбивом человеке» (*жэнь жэнь*). Но само понятие *жэнь* («човеколюбие») лишь позже стало атрибутом именно конфуцианства. Ниже мы покажем, что во времена встреч Конфуция и Лао-цзы оно означало несколько иное: способность человека устанавливать непосредственную, прямую связь с Небом, служить проводником небесной энергии на Землю. А поэтому Лао-цзы выражает надежду на то, что он, не будучи богатым или знатным, прежде всего является тем, кто устанавливает связь между Небом и землей, то есть посредником, медиумом. И свою миссию – миссию такого посредника-мудреца он сравнивает с функцией чиновника, что не принадлежит себе и должен служить своему правителю. Мудрец же должен своим высшим Знанием служить людям.

Именно в этом и заключен скрытый смысл послания Лао-цзы молодому Конфуцию: магические знания, что когда-то были переданы ему, не могут остаться лишь внутри него и он должен предать их людям. В этом вообще была общая тенденция многих служивых мужей того времени, которые, получив воспитание в качестве священнослужителей, решали служить правителю и получать государственные должности. Но Лао-цзы, по-видимому разочаровавшись в самой идее открытого государственного служения, когда царство Чжоу, в котором он жил, пришло к упадку, оставляет и должность, и царство. Конфуций же до конца жизни следовал заветам своего наставника, предлагая свои услуги правителям разных царств.

Естественно, возникает множество сомнений в реальности не только такой

встречи, но и самого факта обучения Конфуция у Лао-цзы. Действительно, в источниках очень много расхождений. Например, указываются разные даты встречи и разные местности, где путешествовали оба мудреца. Но кажется, ни для автора «Исторических записок», ни для составителей «Чжуан-цзы», «Ли цзи» и других трактатов сам факт встречи не вызывал никаких сомнений. Так почему же он не упоминается в самом «Лунь юе» – основном источнике о жизни Конфуция? Но в «Лунь юе» вообще не упоминается ранний период жизни Учителя, там нигде и ничего не говорится ни о его учителях, ни о том конкретно, чему и как обучался сам Конфуций. Более того, «Лунь юй» представляет собой записи его учеников сделанные ровно настолько, насколько, вероятно, сам Конфуций хотел этого.

Сегодня трудно с точностью сказать, сколько лет было Конфуцию в момент его обучения у Лао-цзы (если вообще принимать такое обучение за исторический факт, а не за предание). «Исторические записки» и ряд других источников говорят, что встреча произошла в 535 г. до н. э., когда Конфуцию было лишь семнадцать лет, Лао-цзы же был значительно старше. Разумеется, семнадцать лет – это возраст ученика, который действительно мог получать наставления от Лао-цзы. «Исторические записки», раздел «Жизнеописание Конфуция», называют еще один вариант даты 522 г. до н. э., т. е. когда Конфуцию было 30 лет. Сами разночтения в дате, встречающиеся внутри одного и того же раздела, показывают, что Сыма Цянь сам не был до конца уверен, когда все-таки произошла знаменитая встреча, и поэтому называл лишь предполагаемые годы правления, не решаясь говорить, собственно, ни о возрасте Конфуция, ни о возрасте Лао-цзы. Есть и другие возможные даты, когда Конфуцию исполнилось 27, 30 или 34 года [6, 148-149]. В любом случае он был молод и вполне мог быть именно учеником, а не равным собеседником Конфуция. Не это ли обучение у Лао-цзы имел в виду сам Конфуций, когда признался ученикам, что лишь «в тридцать лет я встал на ноги» или «в тридцать лет я утвердился в своих помыслах» (II, 4)?

Вероятно, это была отнюдь не одна встреча. В разных трактатах рассказывается о нескольких случаях бесед Лао-цзы с Конфуцием – и во всех них Конфуций выступает как ученик, а не как равный мудрец. Так, Лао-цзы тщательно наставляет его в погребальных ритуалах и обрядах – в том, что так высоко ценил сам Конфуций и что передавал своим ученикам. Например, в трактате «Ли цзи» («Записи о ритуале») описывается четыре случая бесед, в которых Лао-цзы наставляет Конфуция именно в погребальных ритуалах, в частности объясняет ему, что похороны человека во время затмения могут стать проявлением неуважения к усопшему. Например, в разделе «Цзэн-цзы вэнь» («Вопросы Цзэн-цзы») приводится любопытный рассказ, приписываемый самому Конфуцию. «Конфуций сказал: “Однажды я следовал за Лао Данем на похороны в Сяндань. Когда мы достигли Хэна, то случилось солнечное затмение, и Лао Дань заметил: “Цю (имя Конфуция – А.М.)! Останови погребальную повозку справа от дороги. И останови слезы, дабы следовать изменениям”».

Все эти подробности весьма примечательны: о таких вещах могут беседовать лишь два священнослужителя, два человека, чьей профессиональной обязанностью является выполнение самых важных ритуалов. Таким образом, перед нами два «жреца» и носителя единого учения, причем Конфуций здесь выступает как старательный ученик.

Они не были в момент своей встречи столь разными – такими их сделала последующая традиция, разнеся Конфуция и Лао-цзы по разным школам духовной мысли Древнего Китая. Скорее, они были очень близки по духу. Оба обучались какой-то мистической традиции, оба решили пойти на государственную службу, оба считали, что истинный Ритуал заключен не в исполнении каких-то формальных церемониалов или действий, а в установлении постоянной связи с Небом и духами.

«Лунь юй»: тайна Учителя

V, 13

Цзы Гун сказал:

– Суждения Учителя о культуре (вэнь) еще можно услышать. Суждения же Учителя о природе человека и о Дао Неба невозможно услышать.

VII, 21

Учитель не говорил о чудесах, физической силе, хаосе и духах.

IX, 1

Учитель редко говорил о выгоде (ли), о судьбе (мин), о человеколюбии (жэнь).

XVII, 19

Учитель сказал:

– Я не хотел бы больше говорить (т. е. проповедовать).

Цзы Гун сказал:

– Если не будете больше проповедовать речами, то что же станут передавать Ваши ученики?

Учитель ответил:

– А, разве Небо говорит? Между тем четыре сезона чередуются ежегодно как обычно. Все сущее рождается как обычно. А разве Небо говорит?

Служитель Неба

Уже в ранние годы постепенно среди аристократов он начинает считаться тонким знатоком ритуалов прошлого, к нему обращаются правители и видные сановники за советами по поводу проведения церемониалов. Более того, уже в относительно молодые годы к нему приходят первые ученики. По традиции, двумя первыми учениками считаются два сына видного луского аристократа Мэн Сицзы, который в 518 г., прямо перед своим уходом из жизни, завещает своим детям изучать у Конфуция смысл ритуалов. В ту пору Кун-цзы было лишь 33 года – очень ранний, почти невероятный возраст для наставника. И все же к нему приходят ученики, очевидно зная, что сам Конфуций обладает какими-то древними знаниями, которые не получишь от традиционных мистиков, но которые можно почерпнуть от Конфуция. Несомненно, он обладал не только знаниями, но и удивительным обаянием своей проповеди. С той поры число его учеников начинает расти, в конце концов переваливая за сотню человек, которые так или иначе получали от него наставления в разные периоды. И постепенно именно наставническая, проповедническая деятельность захватывает его все больше, он чувствует, что именно на этом поприще он должен приложить свои знания.

Как же мы можем понять, чему и как обучался Конфуций? На первый взгляд, наставления, которые он передает ученикам, можно считать очевидными, хотя и косвенными указателями на суть его обучения. Обратим внимание – всю свою дальнейшую жизнь он выступает знатоком именно внутренней сути ритуалов, при этом во всех тонкостях разбираясь как в самой технике проведения церемониалов, так и в методиках настройки сознания на духовное соприкосновение с высшими силами. Он рассуждает о мудрецах прошлого, например о Яо, Шуне, Чжао-гуне, которые являлись по своим функциям и по своей сути магами и медиумами.

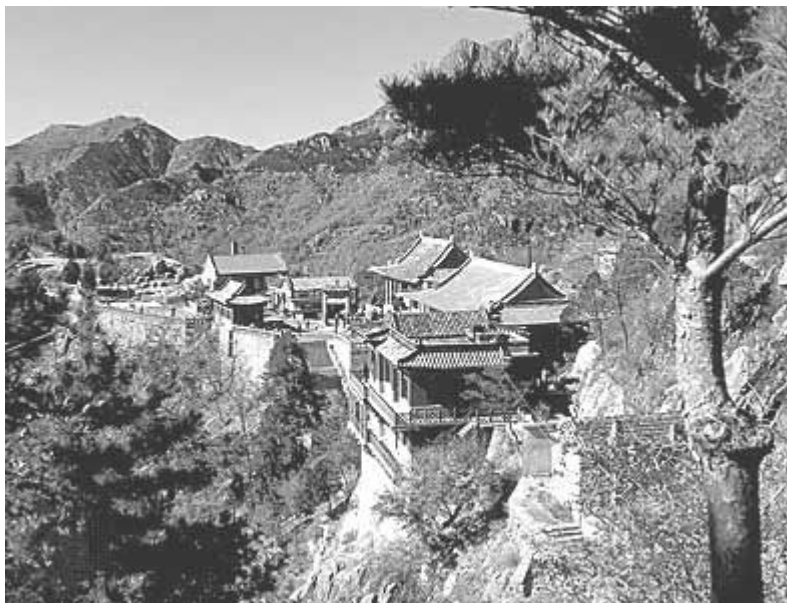
Конфуций также выступает как типичный медиум, слышащий веления Неба и стремящийся их трактовать в силу своего понимания пользы для людей и общей гармонии в Срединных царствах. Его приглашают на ритуалы экзорсизма – изгнания злых духов, которые проводились людьми из его общины, – и это знак того, что Конфуций воспринимался как человек, связанный с практикой духообщения. В эти моменты он обряжался в ритуальное платье и стоял на восточной части крыльца (X, 14).

Очевидно, что Конфуций был одним из высших распорядителей такого обряда. Обряд изгнания духов поветрия совершался шаманом, который накидывал на себя медвежью шкуру с четырьмя золотыми глазами, обряжался в черное платье с красной юбкой, брал в одну руку копье, в другую – щит. После этого шаман в сопровождении людей отправлялся по комнатам дома искать вредоносных духов и изгонял их. Во времена Конфуция, скорее всего, это уже выглядело как дань обрядам прошлого, но, как видно, сам Конфуций очень уважал такое общение с духами, поскольку в парадном платье стоял на восточном священном крыльце.

Таким образом, он получает систематическое образование именно как священнослужитель, в чьи функции входит сбережение изначального смысла ритуалов. Но его роль в обществе уже не велика, время столь щепетильных последователей ритуальной целостности уже проходит, многие не понимают сути этого и тем более не чувствуют экстатического слияния с духами. Время архаического слияния с духами уже безвозвратно прошло.

Кун-цзы не может и не хочет понять этого. Все это вызывает у него грусть и недоумение. И поэтому он все время говорит о цзюньцзы (т. н. «благородном муже») – идеале человека прошлого, который пребывает в состоянии постоянного радения, непрерывного ритуального соприкосновения с духами прошлых поколений и напивается ими. И для него цзюньцзы становится символом посвященного мудреца, который несет свои знания людям.

Он был блестящим знатоком именно жертвенных ритуалов, известных под названием ди. Впервые, как можно судить по хроникам, в качестве «мастера ритуалов» он приглашается на церемониал жертвоприношений в 517 г., когда ему едва исполняется 34 года. Это явное свидетельство его посвященности, указание на то, что перед нами – не просто мелкий чиновник, но священнослужитель, прошедший специальную подготовку и наделенный магическими знаниями. Тогда исполнялся ритуал жертвоприношений и поклонения духам в присутствии Сян-гуна, правителя царства Лу. Основное количество людей, исполняющих ритуальные танцы, были специально приглашены из известного аристократического рода Цзи, из семьи Цзи Пинцзы, который, вероятно, и был хранителем этой техники [13, 51,17а]. Но, как оказалось, то ли случайно, то ли намеренно была допущена, на первый взгляд, небольшая неточность в исполнении ритуала. Танцоры построились в восемь рядов, что обычно полагалось при исполнении танцев перед Сыном Неба, то есть правителем всей страны. А перед правителем царства надо было строиться лишь в шесть рядов. Род Цзи, стараясь польстить правителю царства, исполняет перед ним ритуал, достойный лишь одного Сына Неба! Этим хаосом в ритуалах, этим смешением сущностей и сакральных сил Конфуций страшно возмущен: «Восемь рядов танцуют в храме. Если такое можно вытерпеть, то чего же вытерпеть нельзя?» (III, 1). И Конфуций не боится показать свое недовольство – причем, в том числе, и недовольство правителем, ведь тот принял ритуал, который ему по чину не предназначался.

Храм на священной горе Тайшань в провинции Шаньдун, где совершал поклонения Конфуций: «Можно ли было предполагать, что гора Тайшань будет страдать...»

Он трепетен в строжайшем следовании самым, казалось бы, малым тонкостям ритуала. Он имел способность, присущую медиумам, ярко переживать весь ход ритуала, особенно ритуалов жертвоприношений, когда священнослужитель непосредственно вступает в контакт с духами. Он «совершал жертвоприношение предкам, будто они были живые. Когда же свершал жертвоприношение духам, то вел себя так, будто они были рядом» (III, 12).

Порою он кажется невыносимым в своих требованиях соблюдать все тонкости ритуала и не случайно оказывается часто гоним, не понят и как был «излишен» в ту эпоху, когда правителей больше занимают выгодные политические союзы, нежели ритуальная казуистика. Ему пытаются противоречить даже свои же ученики, стремясь избежать слишком уж сложных ритуалов, которые кажутся им слишком архаичными. Так, его ученик Цзы Гун хочет отменить обряд регулярного жертвоприношения барана, исполняемый в первый день месяца. В древности по прошествии весеннего равноденствия правитель рассылал своим правителям областей календарь с обозначением первых чисел каждого месяца наступающего года. И именно в первые числа каждого месяца и следовало приносить жертву. Но Конфуций не может позволить такого святотатства и насмешливо говорит нерадивому ученику: « Ты любишь этого барана, а я все же люблю ритуал» (III, 17).

Магическая роль Конфуция ярко видна в его придирчивости к точности ритуала жертвоприношения. Конфуций как-то узнает, что некий дафу – один из высших сановников (обычно правитель области) собирается совершить жертвоприношение на горе Тайшань – самой священной вершине Китая, где издревле располагались жертвенные капища. Это место, где Земля соприкасается с Небом, где духи спускаются на землю, и лишь правитель страны имеет право совершать там обряд жертвоприношения духам. Дафу не имеет священного права делать этого, его энергетики недостаточно, чтобы соприкоснуться с самыми сильными духами. И Конфуций обращается к своему ученику Жань Ю с вопросом: «Можешь ли ты помешать ему?». «Не могу», – отвечает Жань Ю. Тогда Конфуций замечает: «Можно ли было предполагать, что гора Тайшань будет страдать от этого так же, как Линь Фан (человек, который спрашивал у Конфуция о ритуалах, проявив при этом немалое

беспокойство и озабоченность – А.М.)». Он уверен, что незаконное жертвоприношение будет отторгнуто Небом (III, 6).

Во многих эпизодах он выступает не просто как знаток ритуалов, но как посвященный священнослужитель. Более того, именно ему поручают совершать жертвоприношения или готовить их, что являлось функцией лишь священнослужителей высшего ранга. Например, известно, что «при жертвоприношениях в храме предков Конфуций не допускал, чтобы жертвенное мясо главного животного оставалось на второй день. Жертвенное мясо других животных не должно было лежать более трех дней. Если оно пролежало три дня, то он его не ел (X, 9). Примечательно, что Конфуций может есть мясо жертвенного животного. Такое разделение пищи с духами – исключительно прерогатива высшего жреца, поскольку в этот момент он становится «единотелесен» с духами предков. К тому же он выступает как распорядитель многих церемоний жертвоприношений и даже смотрит за тем, сколько должно храниться жертвенное мясо.

Вообще, очевидно, что выполнение ритуалов связи с духами и было основной функцией и призванием Конфуция. Оказавшись неумелым чиновником и невостребованным государственным администратором и советником, он прекрасно справлялся с тем, чему обучался профессионально – с жреческой деятельностью.

«Лунь юй»: служение людям

VI, 4

Как-то Юань Сы был назначен при Конфуции управляющим. Конфуций пожаловал ему 900 мер зерна, но тот отказался. Учитель сказал:

– Не стоит отказываться. Если тебе этого много, возьми и раздай соседям, живущим с тобою в одном хуторе, деревне, селе или волости.

Юань-сы (Юань Сянь)– ученик Конфуция по имени Сянь, который служил управляющим делами при Конфуции, когда тот занимал чиновничий пост в царстве Лу.

XIII, 9

Учитель направлялся в царство Вэй. Жань Ю правил повозкой.

Учитель сказал:

– Как много здесь народу!

Жань Ю спросил:

– Когда так много народу, то как его направлять?

Учитель ответил:

– Прежде всего надо, чтобы он разбогател.

Жань Ю вновь спросил:

– А когда он разбогател, то как его дальше направлять?

Учитель ответил:

– Тогда его надо воспитывать.

XIII, 30

Учитель сказал:

– Посылать на войну людей необученных – значит, просто бросить их.

XIV, 7

Учитель сказал:

– Если любишь народ, разве не сможешь ты побудить его к упорному труду? Если ты действительно предан правителю, разве не сможешь его вразумить?

XV, 33

Учитель сказал:

– Если, достигнув Знания, в дальнейшем не будешь опираться на человеколюбие, то достигнутое будет утрачено. Если, достигнув знания, ты будешь опираться на человеколюбие, но, управляя народом, не сможешь сохранять чувство собственного достоинства, то народ не будет почтителен. Если, достигнув Знания, будешь опираться на человеколюбие и сохранять чувство собственного достоинства при управлении народом, но без соблюдения Правил, значит, ты еще не достиг совершенства.

XVIII, 2

Когда Люся Хуэй возглавлял судебное ведомство, его трижды лишали должности.

Некто спросил его:

– Не пора ли Вам покинуть это царство?

Люся Хуэй ответил:

– Если служишь людям, следуя прямому Дао, то где бы ни служил, все равно лишат должности. Если служишь людям, следуя кривому Дао, то ни к чему и покидать родное государство.

Странствия в поисках службы

Большой период жизни Конфуция связан с многочисленными странствиями, в которых его сопровождают некоторые ученики. В 517 г. до н. э. он впервые на короткое время отправляется в соседнее царство Ци. Около 502 г. до н. э. он получает административную должность *сы-коу* в родном царстве Лу, соответствующую уездному секретарю. Но либо администратором Конфуций оказался не очень удачным, либо был слишком требователен и строг по отношению к окружающим, не способным выдержать его ритуальные требования, – долго на этой должности он не смог удержаться.

Около 492 г. он решает покинуть родное царство и теперь уже надолго отправляется в странствия.

В этот период своей жизни Конфуций оказывается гоним и непривечаем. Вообще, его жизнь не оказалась отмечена ни торжеством его учения, ни всеобщим признанием. Его весьма невысокий социальный статус не позволял Конфуцию нигде закрепиться, а, по-видимому, нелегкий характер, выразившийся в строжайших ритуальных требованиях, не позволял ему долго задерживаться при дворах разных правителей.

Он готов служить кому угодно – он страстно желает, чтобы его призвали на службу и не мыслит себя вне этой службы. Он даже решает служить правителю царства Вэй – Лин-гуну, человеку, про которого он сам говорил, что тот «сошел с Дао» и может управлять царством лишь благодаря честным чиновникам (XIV, 19). Этим тезисом, по сути, Конфуций оправдывает свое поведение – почему он пришел ко двору столь недобродетельного правителя. Но и здесь он не может надолго закрепиться.

В другой раз он отправляется служить в царстве Лу к одному из самых одиозных личностей царства Янь Хо. Янь Хо управляющий делами крупного аристократического клана Ци, совершил то, что просто не могло уложиться в голове у «благородного мужа». Он, совершив переворот, заключил в темницу своего господина Ци Хуань-цзы и взял управление в свои руки. Это было нарушением буквально всех возможных правил и принципов, что проповедовал Конфуций. Теперь Янь Хо нужен был человек, подобный Конфуцию, отличающийся мудростью и благоприятным обликом, чтобы как-то смягчить свое правление. Он хотел, чтобы Конфуций представился ему лично и даже послал ему в подарок жареного поросенка, за которого Конфуций обязан был по правилам вежливости отблагодарить. Вероятно, ему очень хочется поступить на службу, но сразу же он не может сделать это, учитывая поступок Янь Хо. И здесь Конфуций ведет себя очень тонко: формально отказываясь, как и положено благородному мужу, он все же позволяет себя уговорить. Как бы поддавшись на фразу Янь Хо «время уходит безвозвратно, оно не ждет», он якобы внезапно прозревает: «Верно сказано! Я согласен поступить на

службу!» (XVII, 1).

Против его неразборчивости выступают даже ученики. А Конфуций надеется, что, придя на службу к любому правителю, он возродит добропорядочность и честность древних времен. Ему это не удалось нигде, ни в одном царстве, ни в одном уезде, но своим примером он задал идеал служения. И тем не менее его поступки были непонятны даже ближайшим ученикам. Конфуций поддерживает даже некоего Гуншань Фужао, который вместе с Янь Хо решает выступить против своего правителя. Ближайший ученик Цзы Лу ошарашен и возмущен. Он пытается предупредить учителя от его столь явной неразборчивости: «Если некуда поступать на службу, то лучше вообще и не выезжать!». Но Учитель уже принял для себя решение. Он горд уже тем, что его призвали на службу – это утверждает его в мысли о своей избранности. «Тот человек призвал меня. Неужто он обратился ко мне без надобности? Если кто-то обратился ко мне за помощью, то я смогу возродить там порядки Восточного Чжоу» (XVII, 5). Он очень верит в то, что он способен на возрождение древних традиций при любом, даже самом низком и подлом, правителе.

Конфуций покидает царство Вэй с учениками. Здесь правитель провожает его с почестями. На самом деле Конфуция нередко преследовали несчастья и гонения в его странствиях

В другой раз он решает непосредственно отправиться служить мятежнику Би Си, который отказался подчиниться своему правителю и поднял против него мятеж. Зная, что Конфуций ищет себе место службы, Би Си сразу же посылает к Конфуцию гонцов и приглашает его к себе. Конфуций соглашается, не задумываясь. И вновь ученики поражены и возмущены. Ошеломленный Цзы Лу напоминает Конфуцию его же слова: «Благородный муж не идет туда, где люди творят неблагоприятные дела». А ныне Конфуций решает поддержать мятежника. Но Конфуций, вяло оправдываясь, просто заявляет, что хочет, чтобы «люди пользовались им» (XVII, 7). Вот так, все очень просто: он, оказывается, просто боится оказаться невостребованным. Более того, все это показывает, что для него руководство учениками, передача Учения – вторичное, а первичное – найти себе место службы и там реализовать свои проекты и мысли. Причем, даже не задумываясь об облике правителя.

«Лунь юй»: служит ли мудрец правителю?

III, 19

Дин-гун спросил:

– Скажите, как правитель должен использовать сановников и как сановники должны служить правителю?

Конфуций ответил:

– Правитель использует сановников, руководствуясь Правилами. Сановники же служат правителю, руководствуясь чувством преданности.

Дин-гун – правитель царства Лу, где жил Конфуций (прав. с 509 по 495 гг. до н. э.)

X, 2

При дворе Конфуций, если разговаривал с низшими сановниками, был мягок и любезен, а если беседовал с высшими сановниками – вежлив и прям. Когда правитель входил, он выказывал благоговение, но держался с достоинством.

X, 3

Когда правитель призывал его и поручал принимать посланников из других царств, то лицо его преображалось и походка менялась. Когда он приветствовал взмахом руки стоящих слева и справа, то платье его спереди и сзади сидело расправленным. Когда он спешил навстречу гостям, то походил на птицу с распростертыми крыльями. Когда посланники удалялись, он докладывал всегда правителю: «Посланники ушли и назад не оглядывались».

X, 4

Когда Конфуций входил в дворцовые ворота, то пригибался, словно боялся, что не пройдет. В воротах не задерживался и проходил, не наступая на порог. Когда подходил к престолу правителя, лицо его преображалось, колени подгибались и слов ему будто не хватало. Поднимался в зал, подбирая полы одежды, пригнувшись и затаив дыхание, словно не дышал вовсе. А когда выходил из зала и спускался на одну ступень, то вид его уже становился ровным и спокойным. Спускался вниз быстро, распростерши руки. И когда возвращался на свое место, казался умиротворенным.

X, 5

Когда Конфуций нес ритуальную нефритовую табличку, то выглядел так, будто кланялся, подавленный ее значимостью. То поднимал ее высоко, словно приветствовал, то опускал вниз, словно делал подношение. Лицо его постоянно менялось в трепете, он двигался мелкими шажками, наступая с пятки и не отрывая ног от пола. При поднесении подарков сохранял сдержанность. В частной же беседе был весел.

X, 15

Если он посылал кого-либо в другое царство с поручением, то дважды кланялся

посланнику и лишь потом отпускал его.

X, 18

Когда правитель жаловал его кушаньем, то он всегда сначала расправлял циновку и после этого отведывал блюдо. Когда правитель жаловал его сырым мясом, то все-гда отваривал его и, прежде чем попробует сам, подносил предкам. Когда правитель жаловал живой скот, то прежде он откармливал его. На трапезе у правителя дожидался, когда правитель принесет жертву предкам, и затем первым начинал есть.

X, 19

Когда Конфуций занемог, то сам правитель пришел проведать его. Конфуций отвернул голову от востока, накрылся парадной одеждой и поверх перекинул пояс.

Конфуций настолько ослаб, что не мог обрядиться в ритуальное платье, полагающееся для приема правителя, но ритуал все же исполнил, накрывшись платьем. При приеме правителя следовало смотреть в западную сторону.

X, 20

Когда правитель повелевал прибыть к себе, Конфуций отправлялся пешком, не дожидаясь, пока для него заложат повозку.

XI, 25

Цзы Лу собирался послать Цзы Гао управляющим в уезд Би. Учитель на это сказал:

– Это все равно, что погубить чужого сына.

Цзы Лу ответил:

– Там есть народ, которым надо управлять. Там есть алтари духов земли и злаков, которым надо приносить жертвы. Так стоило ли читать книги, чтобы научиться всему этому?

Учитель сказал:

– Вот поэтому я и презираю бойких на язык.

Цзы Лу, ученик Конфуция, в то время занимал высокую должность в клане аристократа Цзи и мог назначать управляющих уездами.

XI, 26

Цзы Лу, Цзэн Си, Жань Ю и Гунси Хуа сидели подле Учителя. И Учитель сказал:

– Я чуть постарше вас и потому не в счет. Вот вы все сетуете: «никто про нас не знает!» Ну, а если бы кто узнал и взял на службу, что бы вы стали делать?

Цзы-лу ответил сразу же:

– Пусть это будет государство лишь в тысячу боевых колесниц. Оно зажато со всех сторон большими государствами, их войска угрожают вторжением, а тут еще неурожай и голод. Я же, взявшись за дело, за три года вселил бы в людей мужество и научил бы их морали и справедливости.

Учитель улыбнулся.

– Ну, а ты Цю, с чего бы начал?

Тот ответил:

– Пусть это будет небольшое государство – ли в шестьдесят-семьдесят или даже в пятьдесят-шестьдесят. Если возьмусь за управление, то года за три сумею сделать народ богатым. Что же до обрядов и музыки, то здесь уж придется подождать, когда появится благородный муж.

– Ну, а ты, Чи, с чего бы начал?

Тот ответил:

– Не скажу, что я уже сейчас справился бы с таким делом. Поэтому хочется еще поучиться. Я бы желал, облачившись в парадное платье, быть младшим распорядителем при жертвоприношениях в храме предков или при приеме других правителей.

– А ты что скажешь, Дянь?

Когда замолкли звуки лютни, на которой он играл, Цзэн Си поднялся и ответил:

– А я хочу совсем не того, чего эти трое.

– Так разве это плохо! – сказал Учитель.– Ведь каждый может высказать свое желание.

И Цзэн Си сказал так:

– В конце весны, в третьем месяце, когда все ходят в весенних одеждах, взять пять-шесть юношей, из тех, что уж носят шапки для взрослых, и шесть-семь отроков, омыться с ними в водах реки И и, обсохнув на ветру у алтаря дождя, под песни возвратиться домой.

Учитель, глубоко вздохнув, сказал:

– Я хотел бы быть вместе с Дянем.

Трое учеников удалились. А Цзэн Си, оставшись последним, спросил:

– Что вы скажете об их словах?

– Каждый высказал лишь свое желание,– сказал Учитель,– только и всего.

– Почему же вы, Учитель, улыбнулись, когда его говорил Ю?

– Страной управляют с помощью ритуалов,– сказал Учитель,– в его же словах не было уступчивости. Поэтому я и улыбнулся.

– А можно ли то, о чем говорил Цю, считать управлением государством?

– Отчего же страну в шестьдесят-семьдесят ли или даже в пятьдесят-шестьдесят ли не считать государством?

– А то, о чем говорил Чи,– можно ли это считать управлением государством?

– Храм предков и приемы при дворе – разве это не дела государства? Если есть там храм предков и союзы с князьями – значит, есть и свой князь. И если уж такой человек, как Чи, будет там лишь младшим распорядителем – то кто же тогда способен быть старшим?!

XV, 38

Учитель сказал:

– Когда ты на службе у правителя, думай прежде о своем деле, а потом уже о своем жалованье.

XIV, 22

Цзы Лу спросил о том, как служить государю. Учитель ответил:

– Не обманывай и увещевай его.

XIII, 3

Цзы Лу спросил:

– Правитель царства Вэй Чу-гун хочет пригласить Вас к участию в управлении его царством. С чего Вы начнете?

Учитель ответил:

– Прежде всего стоит упорядочить названия.

Цзы Лу спросил:

– Неужто Вы столь настойчивы в этой мысли?! Неужели непременно нужно упорядочение?

Учитель ответил:

– До чего же ты необразован! А вот благородный муж осторожно относится к тому, чего не понимает. Если названия не соответствуют своей сущности, то и слова противоречат действительному положению вещей. Если слова противоречат истинному положению вещей, то и дела не будут исполняться. А когда дела не исполняются, то Правила и музыка оказываются недейственными. Если Правила и музыка недейственны, то наказания не будут справедливы. А когда наказания не справедливы, то народ не знает, как с пользой распорядиться силой своих рук и ног. Поэтому благородный муж, вводя названия, должен произносить их правильно, а то, что произносит, непременно осуществлять. В словах благородного мужа не должно быть даже крупицы неточности.

«Упорядочивание названий» или «исправление имен» (чжэн мин) – одна из основных концепций в проповеди Конфуция. Речь идет о том, что в Поднебесной нарушилось соответствие между сущностью предмета или человека и его обозначением (названием). Поэтому те, кто называются, например, «добропорядочными чиновниками», не могут достойно выполнять свои функции,

дети не соблюдают сыновнюю почтительность и т. д. Соответственно, надо вернуться к уложениям древности и сопоставить сущность с его названием.

XVII, 5

Гуншань Фужао обосновался в округе Би, чтобы выступить против правителя. Он призвал Учителя, и тот согласился приехать к нему.

Цзы Лу был очень недоволен. Он сказал:

– Если куда поступать на службу, то не стоит и выезжать. Зачем же непременно ехать к Гуншань Фужао?

Учитель ответил:

– Этот человек призвал меня к себе. Неужто он обратился бы ко мне без надобности? Если кто-то обратился ко мне за помощью, то я смогу возродить там порядки Восточного Чжоу.

Гуншань Фужао вначале служил аристо-кратическому клану Цзи, а потом вместе с Ян Хо выступил против хозяина.

Непонятая миссия Учителя

Он не переносит, когда его воспринимают неправильно, не по статусу посвященного мудреца. Он готов сразу же покинуть царство, если его принимают просто за советчика, которые в большом числе странствовали в ту пору от царства к царству в поисках должности. Как-то Лин-гун из царства Вэй спросил Конфуция о тонкостях управления войсками. Кун-цзы резко отвечает: «Я слышал о делах, связанных с жертвенной утварью (т. е. с исполнением ритуалов – А.М.), что же касается построения войск, то я это не изучал» (XV, 1). На следующий день Конфуций покидает царство Вэй. Вероятно, он считает, что не о чем говорить с человеком, который принимает его – мудреца и посвященного наставника – за некоего мелкого военного стратега без армии. Вопрос задан не о том и не тому. Посвященный мудрец может поведать о тонкостях общения с миром духов предков, он может восстановить связь с миром прошлых поколений, а у него вопрошают о вполне земных делах управления войсками. Как-то он сам дает ученикам совет: «Не дружи с тем, кто тебе не ровня» (III, 8).

В свой зрелый период жизни он абсолютно уверен, что является избранным и посвященным. Именно это придает ему уверенности в своей неуязвимости – ведь он находится под защитой могучих сил, именно тех духов, с которыми он постоянно общается. Но своих учеников, как еще «не готовых» предостерегает о такого прямого общения и советует «к духам бликом не приближаться», то есть не вступать в прямые контакты, ограничиваясь лишь церемониалами и достойным поведением. Как-то в своих странствиях в местечке Куан его принимают за другого – обидчика местных жителей некоего Янь Хо (кстати, это говорит о том, что Учитель был мало известен при жизни). Почти пять дней они проводят в настоящей осаде, очевидно, что Конфуция в очередной раз хотят убить – при этом, по ошибке. Но он абсолютно уверен, что его, как носителя мистической традиции, смерть не тронет. Конфуций же невозмутим и обращается к ученикам: «После смерти великого правителя династии Чжоу Вэнь-вана я стал тем, кто несет в себе *вэнь* (т. е. культуру – А.М.). Если бы Небо действительно хотело уничтожить *вэнь*, то оно не наделило бы ею меня. А коль

само Небо не уничтожило ее, стоит ли бояться каких-то куанцев?» (IX, 5).

Примечательно, что здесь *вэнь* (обычно в осовремененном смысле переводимое как «культура» или «Письмена Неба») выступает синонимом мистической посвященности. В этом и заключалась передача традиции от посвященного к посвященному – в овладении особым комплексом знаний и состояний, который и именовался *вэнь*. И самое главное – эта «культура-*вэнь*» представляет собой связь с посвященными мудрецами и правителями прошлого, откуда Конфуций и черпает свою мудрость и силы. Его ученики замечали, что их наставник был «абсолютно лишен самовозвеличивания» (IX, 5), что наверняка соответствовало действительности. Но вместе с этим Конфуций очень отчетливо осознавал свою миссию и свою посвященность. Он уверен, что его «знает лишь Небо», а этого вполне достаточно для посвященного.

«Лунь юй»: совершенствуй себя

I, 7

Цзы Ся сказал:

– Если кто-то в отношениях с женой ценит ее добродетели и не придает большого внимания ее прелестям, то он исчерпывает все свои силы, служа родителям. Он не щадит своей жизни, служа правителю. Он прям в отношениях с друзьями. И пускай скажут о таком, что он не обладает ученостью, я непременно назову его образованным.

Цзы Ся (Бу Шан) – ученик Конфуция.

IV, 17

Учитель сказал:

– Встретив мудрого, стремись сравняться с ним. Встретив немудрого, взглядишь в самого себя.

IV, 26

Цзы Ю сказал:

– Будешь назойлив в служении государю – навлечешь на себя бесчестье. Будешь назойлив в дружбе – отделишь от себя друзей.

V, 20

Цзи Вэньцзы трижды обдумывал каждое дело, прежде чем приступить к его осуществлению.

Учитель, услышав об этом, сказал:

– Достаточно и двух раз.

Цзи Вэньцзы (Цзисунь Шифу, ум. в 685 г. до н.э.) – видный сановник из царства Лу.

VI, 18

Учитель сказал:

– Если естество в человеке одолевает культуру – получится дикарь. Если культура одолевает естество – получится книжник. Лишь тот, в ком естество и культура уравновешены, может стать благородным мужем.

VI, 19

Учитель сказал:

– Человек от рождения прям, и если, впоследствии став кривым, он все же уцелеет, то лишь благодаря счастливой случайности.

VI, 6

Учитель сказал:

– Направляй всю свою волю на постижение Дао, будь добродетелен, опирайся на человеколюбие, упражняйся в [шести] искусствах.

Шесть искусств – классические «искусства» служивого мужа эпохи Чжоу: ритуалы, музыка, стрельба из лука, управление колес–ницей, письмо и искусство счета.

VIII, 13

Учитель сказал:

– Будьте тверды и усердны в постижении Учения, до смерти держитесь истинного Пути-Дао. В государство, где неспокойно, не отправляйтесь. В государстве, что охвачено смутой, не живите. Когда в Поднебесной царит Путь-Дао, проявляйте себя. Когда же Дао нет, уходите от мира. Когда страна следует Дао, то стыдно быть бедным и ничтожным. В государстве, что не следует Дао, стыдно быть богатым и знатным.

XIII, 13

Учитель сказал:

– Если человек способен сам исправить себя, то разве будут ему трудны дела управления? Если же не способен сам исправить себя, то как он сможет исправлять других?

XIV, 10

Учитель сказал:

– Быть бедным и не роптать – трудно, быть богатым и не зазнаваться – легко.

XIV, 26

Учитель сказал:

– Если ты не на месте правителя, то и не вмешивайся в его дела правления.

Цзэн-цзы заметил:

– Благородного мужа заботят дела, соответствующие его положению.

XV, 15

Учитель сказал:

– Если к самому себе будешь более требовательным, чем к другим, то избежишь обид.

XV, 24

Цзы Гун спросил:

– Существует ли лишь одна заповедь, которой можно руководствоваться всю жизнь?

Учитель ответил:

– Вот эта заповедь: будь снисходительным. Не делай другим того, чего не пожелаешь себе.

XV, 30

Учитель сказал:

– Не стоит печалиться тому, что люди не знают тебя. Печалься лишь о том, что еще не проявил свои способности.

XX, 3

Конфуций сказал:

– Не познав воли Неба, не станешь благородным мужем.

Не познав сути Правил, не сможешь прочно стоять на ногах.

Не понимая сути слов, не сможешь разобраться в человеке.

XIV, 33

Учитель сказал:

– Добрый скакун славится не силой, а норовом.

XIV, 34

Кто-то спросил:

– Что вы думаете о высказывании, что «на зло надо отвечать добром?»

Учитель ответил:

– А чем отвечать тогда на добро? На зло отвечают по справедливости, а на добро отвечают добром.

XV, 8

Учитель сказал:

– Не поговорить с человеком, с которым стоит поговорить, – значит, потерять человека. А говорить с человеком, с которым говорить не стоит, – значит, терять слова. Мудрец не теряет людей и не теряет слов.

XV, 28

Учитель сказал:

– Когда кого-то все ненавидят, это непременно нужно проверить; когда кого-то все любят, это также непременно нужно проверить самому.

XV, 30

Учитель сказал:

– Лишь то можно считать настоящей ошибкой, которая не исправлена.

XV, 41

Учитель сказал:

– Если слова точно передали мысль – уже и этого достаточно.

XVI, 4

Конфуций сказал:

– Три типа друзей могут быть полезными, три типа – вредными. Полезные друзья те, которые прямы, честны и обладают многими знаниями. Вредные друзья те, кто неискренни, льстивы и болтливы.

XVI, 5

Конфуций сказал:

– Три вида радости приносят пользу, и три вида радости причиняют вред. Вот

полезные радости: радоваться, когда смог исполнить все Правила и музыку; радоваться, когда говоришь о достоинствах других; радоваться, что дружен со многими мудрыми людьми. А вот те радости, что причиняют вред: радоваться, наслаждаясь роскошью; радоваться в разгуле; радоваться, прибывая на пирах.

XVII, 2

Учитель сказал:

– Природные качества сближают людей, а приобретенные привычки – отдаляют.

Гонимая мудрость

После ряда неудач в царствах Вэй и родном Лу Конфуций покидает эти пределы и отправляется в дальнейшие странствия. Опять начинается его жизнь мудреца-странника, в которой он чувствовал себя, вероятно, наиболее адекватно своему статусу. Поразительно, но «Лунь юй» очень скупко говорит об этом периоде его жизни, не исключено, что его ученики намеренно упустили какие-то неприятные подробности из жизни своего наставника. В основном это было время неудач, каких-то преследований, спорадических должностей. В «Мэн-цзы» упоминается: «В ту пору многие несчастья обрушились на Конфуция» (Va, 8), причем, как считал сам автор «Мэн-цзы», было это связано прежде всего с тем, что в этих царствах у него не было друзей – «тех, кто мог бы поддержать его».

Частично отголоски неприятностей, которые стали обрушиваться на Конфуция, мы можем встретить в значительно более позднем описании, в «Мэн-цзы», которое, скорее всего, представляет собой запись устного предания. Судя по рассказу в «Мэн-цзы», Конфуций сначала отправляется в царство Вэй, где с ним происходят какие-то неприятности, а затем отправляется в царство Чэнь, где получает какой-то пост у властителя Чэнь. Чтобы проехать из Вэй в Чэнь, Конфуций должен был пересечь царство Сун. Там происходит некий инцидент с Хуань Сыма (Хуань Туй) из царства Сун, который «намеревался подстеречь и убить его, а потому [Конфуций] вынужден он был странствовать через царство Сун тайно». Суть инцидента так и останется тайной для нас, однако нам достаточно понять, что конфликты, происходившие вокруг Конфуция, были весьма серьезными, если речь шла о возможности убийства Учителя. Однако Кун-цзы не только не устрашают все эти угрозы, но, более того, он и на этот раз считает себя неуязвимым благодаря небесной благодати, что пребывает в нем: «Небо одарило меня благодатью, так что же мне может сделать Хуань Туй?» (III, 23). В царстве Чэнь невзгоды Конфуция и его учеников продолжились: у них кончилось продовольствие и многие, изнуренные голодом, даже не могли подняться. Среди учеников растет раздражение и непонимание, Конфуций же и здесь продолжает наставлять учеников своим личным примером.

Его ближайший ученик Цзы Лу раздраженно спрашивает:

– Может ли благородный муж оказаться в безвыходном положении?

Учитель ответил:

– Благородный муж, оказавшись в безвыходном положении, проявляет стойкость, а маленький же человек в безвыходном положении становится безрассудным (XV, 2).

После царства Чэнь Конфуций отправляется в удел Цай, что лежал к юго-западу от Вэй. Цай в ту пору был частью южного царства Чу. Это было тяжелое путешествие, закончившееся, в том числе, по-видимому, и ошибкой от него ряда учеников, и потерей друзей. Не случайно Конфуций сам признался: «Из сопровождавших меня в Чэнь и Цай никто уже не входит в мои ворота» (III, 2).

Он страшно переживает, что оказался не востребован на службе и, более того, – неизвестен среди людей. Он признается своему ученику: «Люди не знают меня» и в надежде добавляет: «Если кто и знает меня, то лишь Небо» (XIV, 35). Хотя по-настоящему его огорчает лишь то, что, по его же признанию, он «малоталантлив» (XIV, 30). И все же он считает, что посмертная слава – очень важный показатель правильности поведения посвященного мужа при жизни. Более того, «благородный муж должен быть обеспокоен тем, что после смерти имя его не будет прославлено» (XV, 20). Все это очень точно передает настроение самого Конфуция – неизбежный страх человека, что посвятил всю свою жизнь служению, остаться в неизвестности.

Он становится все жестче и суровее: он чувствует, что передача Учения не удастся так, как он задумывал. Он постоянно критикует своих учеников, многие уходят от него, других же он называет то глупцами, то малодушными, то недоучившимися. Он внезапно осознает, что та миссия, в которую он так верил, оказывается невыполненной и, более того, она не будет доведена до конца даже его учениками. И он становится суровым, крайне нетерпимым к недостаткам других.

Он даже крайне суров со своим родным сыном. Вот поразительный случай – чем запомнился сыну Конфуция Бо Юю его отец. Добрými наставлениями? Долгими отеческими беседами? Нет, совсем другим!

Чэнь Кан, один из последователей Конфуция, просит сына Великого Учителя вспомнить «что-нибудь особенное, о чем ты слышал от отца». И тот прямо отвечает, что ничего особенного не может вспомнить... И лишь затем вспоминает: «Как-то раз Учитель был один, а я пробежал в это время по двору, и он спросил меня: «Ты уже учил «Канон песнопений»? Я ответил: «Еще нет». Тогда он сказал: «Если ты не будешь учить «Канон песнопений», у тебя не будет ничего, о чем говорить».... В другой раз Учитель опять был один. Я пробежал в это время по двору. Он спросил меня: «Ты уже учил Правила?» Я ответил: «Еще нет». Тогда он сказал: «Если ты не будешь учить Правила, у тебя не будет ничего, на чем утвердиться». Вот лишь об этих двух вещах я и слышал от него» (XVI, 13).

Только об этих случаях и может вспомнить сын Великого Учителя. Не о долгих беседах и наставлениях, не о прогулках с отцом, не о его доброжелательном и ласковом отношении, а о двух строгих наставлениях. Сын пробегает по двору, а отец отсылает его учиться. Примечательно, что Чэнь Кан, который расспрашивал сына Конфуция, заметил, что теперь он узнал, «как благородный муж далек от своего сына». И все это – без тени осуждения. Это живое воплощение конфуцианского принципа «заботы о младших»: Конфуций считает необходимым наставить сына именно в изучении сборника ритуальных формул и песен «Канон песнопений» («Ши цзин») и в Ритуалах или Правилах. Ни в чем ином – Конфуций не разменивается на другие чувства.

После долгих странствий и своего последнего визита в царство Вэй Конфуций возвращается в 484 г. в родное царство Лу. Тринадцать лет он не был в родных местах. Здесь он много беседует с правителем царства Лу Ай-гуном и министром Ци Кан-цзы. Предположительно, Конфуций был назначен советником одной из нижних категорий. Из странствий он возвращается другим – разочаровавшимся, но по-прежнему полным желаний воплотить в жизнь принцип соответствия каждого человека и вещи подобающему их месту. Кажется, он становится еще более суров: он требует от правителя Ай-гуна немедленно послать карательную экспедицию против аристократа соседнего царства Ци, который составил заговор и убил своего правителя. Конфуций считает, что именно так следует поступать «благородному мужу», что стремиться восстановить древние ритуальные порядки взаимоотношения правителей и подданных. Он получает отказ как от самого Ай-гуна, так и от его всех лидеров аристократических семей: ритуальная суровость Конфуция в тот момент не соответствовала политическим интересам царства Ци и нецелесообразным советам такого непростого человека, как Конфуций, правитель решает не следовать. Политическая миссия наставника при его жизни не удалась.

Как-то во время охоты люди повстречали странное животное. Конфуций сумел в нем разглядеть единорога-цилина. Он воспринимает это как явный знак – возможно, последний знак, явленный ему. Плохой знак – появление единорога, по китайским поверьям, было предвестником грандиозных несчастий.

...Старость потребовала от Конфуция не меньшего мужества, чем молодость. Нет, никто не подвергал его насмешкам, как когда-то в юности. Он был окружен уважением правителей, поклонением простых людей и почитанием учеников. Но вот в 482 г. до н. э. у 70-летнего Конфуция умирает сын, не доживший до 50 лет. Через год умирает его лучший ученик Янь Хуэй, которому Конфуций, по преданиям, хотел передать школу. Ведь он один был «внимателен к его наставлениям»(IX, 20).

Последний год жизни Конфуций посвящает исключительно беседам с учениками. Успел ли он передать все, что знал, сумел ли показать своим ученикам прямой путь общения с Небом через внутреннее, непосредственное ощущение, до конца ли раскрыл для них идеал древности – наверное, эти вопросы мучили 73-летнего Учителя.

Однажды мудрец, не говоря ни слова, прошел к себе в дом и лег на постель. Шесть дней пролежал он не вставая, а на седьмой день мир потерял Великого Учителя. Но он оставил учение, оставил свое Слово – и, читая его, люди вновь и вновь встречаются с Конфуцием. С его мудростью и его трагедией.

«Лунь юй»: «Все это повергает меня в скорбь»

III, 1

Говоря о роде Цзи, Кун-цзы сказал:

– Восемь рядов танцуют в его храме. Если такое можно вытерпеть, то что же вытерпеть нельзя?

По установленному ритуалу, во время церемонии у Сына Неба танец исполняли 8 рядов танцоров по 8 человек в каждом, у правителей царств – 6 по 6 человек в каждом, у аристократов – 4 по 4 человека в ряду, а у служивых мужей в ранге ши – 2 ряда по 2 человека в каждом. Таким образом вельможи этой фамилии предвосхитили привилегии императоров. Аристократ Цзи Пиннзы нарушил ритуал, исполнив у себя танец, достойный только Сына Неба.

Конфуций в окружении учеников на повозке покидает царство. Его учение чаще всего не принимали правители

V, 27

Учитель сказал:

– Вот и все! Я так и не встретил человека, который, заметив свои ошибки, смог бы сам осудить себя.

V, 22

Учитель, находясь в царстве Чэнь, сказал:

– Пора возвращаться! Пора возвращаться! Юноши моего дома распущенны и небрежны. Они образованны, но они не знают, как сдерживать себя.

VI, 10

Боню заболел. Учитель пришел его проведать, пощупал через окно его руку и сказал:

– Увы, смерть его неизбежна – такова его судьба. Такой человек – и умирает от такой болезни! Такой человек – и умирает от такой болезни!

Боню (Жань Гэн) – ученик Конфуция. По преданию, умер от проказы.

VI, 17

Учитель сказал:

– Кто может выйти, минуя дверь? Так почему же никто не идет по моему Пути-Дао?

VII, 3

Учитель сказал:

– Когда добродетель не совершенствуют, в учение глубоко не вникают, а зная принципы долга, не могут им следовать и не могут исправить недостаток – все это повергает меня в скорбь.

VII, 26

Учитель сказал:

– Посвященного мудреца мне так и не довелось встретить. Хотя встретился бы мне благородный муж, и этого было бы уже достаточно.

Учитель добавил:

– Да и доброго человека мне также не довелось встретить. Встретился бы человек, обладающий постоянством, и этого было бы достаточно. Трудно обладать постоянством тому, кто, не имея чего-либо, делает вид, что имеет; кто пуст, но притворяется, что полон; кто нищий, но выдает себя за богатого.

IX, 2

Человек из деревни Дасян сказал:

– Как велик Кун-цзы! Ученость его огромна, но он пока ни в чем не прославился!

Учитель, услышав это, сказал ученикам:

– Так, каким же делом мне заняться? Управлять колесницей или стрелять из лука? Лучше буду управлять колесницей!

XV, 13

Учитель сказал:

– Все кончено! Я не встречал еще человека, который любил бы добродетель так же, как женские прелести.

XIII, 5

Учитель сказал:

– Затвердил наизусть все «Триста песен», а назначь его на должность – не справится, отправь послом в чужое царство – не сумеет там ответить как должно. Хоть и много прочел – а что толку?

«Триста песен» – речь идет о сборнике «Канон песнопений» («Ши цзин»).

XIV, 44

Когда мальчик из деревни Цюэ передавал послание, некто спросил о нем Конфуция:

– Сможет ли он преуспеть?

Учитель ответил:

– Я вижу, что он сидит как взрослый, ходит как взрослый. Он не преуспеет, ибо стремится к скорому успеху.

XV, 4

Учитель сказал:

– Ю (Цзы Лу)! Сколь мало людей, знающих, что такое добродетель.

XV, 17

Учитель сказал:

– Трудно чего-либо добиться с теми, кто целыми днями болтает обо всем и ни разу не обмолвится словом о делах справедливости.

XV, 27

Учитель сказал:

– Льстивые речи пагубны для добродетели. Если не вникнешь в малые дела, погубишь великие замыслы.

*Три года ученики Конфуция соблюдали траур
и скорбели у могильного холма Учителя*

Тайное знание

Все китайские духовные учения, зародившиеся в эпоху Чжоу и дошедшие до сегодняшнего дня, отличает одна характерная черта: по своей внутренней сути они построены как медиумные и оккультные учения. Они учат тому, как «общаться» с окружающим миром, как устанавливать гармонию в обществе, как воспринимать и трактовать «веления Неба». И в отличие от классической греческой традиции, Конфуция, равно как и подавляющее число наставников его эпохи, нимало не интересовало ни происхождение мира, ни происхождение человека. Он не задавался вопросом, как устроен мир, откуда произошли вещи, окружающие нас. Конфуций намеренно далек от таких рассуждений. Существуют вещи, непостижимые для нашего сознания. Размышления, например, о космогонии и познаваемости мира лишь отдаляют от более насущных проблем. И Учитель говорил о другом: не о том, откуда произошли люди, но о том, какими они должны быть, об их моральных и этических качествах. Он думал не о происхождении Неба и Земли, а о том, как человек может понять их «волю» и не противоречить ей. Учение Конфуция – это прежде всего знания о человеческом в каждой личности, и в этом смысле вселенная для него антропоцентрична, т. е. человек в ней – центр воплощения импульсов Неба и велений духов.

Очень важно указание Сыма Цяня на то, что Конфуций наставлял в музыке. Естественно, речь идет о том, что он обучал воспринимать «правильную» музыку и отбрасывать ту музыку, что не соответствует ритуалу. Музыкальный строй вообще очень важен в магических ритуалах, поскольку способствует вхождению человека в особое соматическое состояние. И речь здесь идет не о красоте музыки, не ее эстетике, а о том, насколько точно она соответствует ритуальным действиям.

«Лунь юй» доносит лишь обрывочные сведения, как и в чем наставлял Конфуций. Очевидно, его традиция отличалась от школы Лао-цзы и Чжуан-цзы. Ее главное отличие состояло в том, что основной упор делался на соблюдение особых форм

общения с потусторонним миром, с духами, предками и их представителями на земле – правителями. Все это обобщенно и называлось *ли* – Правила, Уложения, Ритуал и т. д.

Это действительно было какое-то целостное и очень емкое Учение. Это Учение оказывается очень сложным для освоения, и оно отнюдь не заключалось лишь в выполнении каких-то норм поведения и ритуалов. Его сердцевина тяготеет к самым древним медиумным и шаманским комплексам – к особому чувству или переживанию, достигаемому в момент соприкосновения с силами Неба.

Истинное Знание для него – знание, заложенное в человеке при рождении, которое и составляет то Дао – Учение или Путь, который и стоит пестовать всю жизнь. Но, увы, далеко не все способны пробудить в себе такое врожденное знание, это доступно лишь высшим посвященным и мистикам древности. И тогда наступает период обучения, благодаря которому можно также достичь высшей мудрости, хотя эта мудрость будет по своему качественному уровню ниже, чем врожденное знание: «Высший – тот, кто обладает знаниями от рождения. За ним следует тот, кто приобретает знания благодаря учению» (XVI, 9). Сам же Конфуций, увы, не принадлежит к тем, кто получил высшее Знание от рождения. Он признается: «Я обладаю знаниями не от рождения. Я приобрел их лишь благодаря любви к древности и настойчивости» (VII, 20).

***Гигантская статуя Конфуция в храме Цюйфу,
в его родных местах***

По сути, этим признанием он расписывается в своей неспособности пробудить в себе то древнее Знание, которое заложено в некоторых людях от рождения. И ему приходится учиться – постигать знаки древности и изучать скрытый смысл ритуалов. И по этому же пути он ведет и своих учеников.

Кто же такие те, кто получает высшее Знание от рождения? Скорее всего, это та весьма обширная категория шаманов, магов, отшельников, которых могли именовать *у*, *си*, *сянь* и которые никогда не проходили систематического обучения. Да впрочем, им этого и не надо – ведь их служение основывается на неких априорных знаниях, ощущениях, прозрениях, знаках. Все это – вполне в духе архаической традиции, где медиум играет важнейшую роль в процессе установления контактов с потусторонним миром, но при этом не обладает никаким формальным знанием. Конфуцию это уже недоступно – призывая к возвращению к древности (а для него это вполне конкретная мысль о возвращении к неопосредованной и личностной связи с Небом каждого человека), он прекрасно понимает, что сам принадлежит к другой эпохе и другому культурному окружению. Он уважает древних магов и трепещет перед ними, равно как и перед посвященными мудрецами древности. Но сам может достичь таких знаний через обучение, а не через пробуждение этого мистического «пред-знания».

По сути, он создает одну из первых школ священнослужителей, где пытается через привитие формальных знаний, через передачу внутренней сути правил и ритуалов воспроизвести облик древнего мудреца, абсолютно открытого Небу.

Мудрость для него рождается не из обучения, а из пробуждения, из соприкосновения через Ритуал с некими высшими сферами. Эта мудрость интуитивна и внезапна. Это то, что противостоит точному расчету и заблаговременному продумыванию. Именно эта мудрость позволяет прозревать вещи и понимать людей безо всякого дополнительного обучения. Сам Конфуций говорит: «Не предполагать обмана и никого не подозревать в бесчестии, но сразу же rozpo-знать такое – разве не в этом мудрость?» (XIV, 31).

Истинное Знание передается вне слов – эта мысль прослеживается у всех проповедников той эпохи. Конфуций же одним из первых превращает передачу знаний именно в проповедь. Он впервые заговаривает о тайном, о том, что открыто передавать нельзя. Он разъясняет внутреннюю сущность ритуалов, стремится передать то, как можно открыть душу силам Неба. Он методично обучает, использует разные методы: проповедь, личный пример, чтение древних текстов. Но он отчаивается и в этих своих попытках наставить учеников именно словами. Как-то он признается своему ученику Цзы Гуну: «Я не хотел бы больше говорить (т. е. проповедовать – А.М.)». И объясняет пораженному ученику: «А разве Небо говорит? Между тем четыре сезона чередуются ежегодно как обычно. Все сущее рождается как обычно. А разве Небо говорит?» (XVII, 19).

Учение, что несет сам Конфуций, представляет собой далеко не только набор морализаторских наставлений и правил поведения. Это абсолютно живое и целостное учение. В беседах с учениками он именуется его Дао (Путь), и в его устах «Дао» близко к тому раннему значению, в котором его употребляли ранние мистические школы даосизма и сам Лао-цзы. Дао – это не столько некий высший принцип и не порождающее начало (даосы, например, для обозначения этого вселенского начала первоначально использовали термин «и» – «Единое»), а именно учение.

Учение это – закрытое, потаенное, в которое Конфуций посвящает лишь немногих своих учеников. Среди них много старательных и талантливых, но свое Дао он

передаст лишь немногим, другие окажутся недостойны его. И здесь недостаточно быть лишь добродетельным человеком. Его ученик Цзы Чжан спрашивает, что представляет собой Дао доброго человека. И Конфуций отвечает: «Такой человек не следует проторенными тропами, но ему никогда не войти во внутренние покои». Здесь и похвала настойчивости добродетельному человеку, и указание на то, что такой добродетельности мало, чтобы получить высшее Знание. Но что же нужно еще? Самораскрытие Небу!

«Лунь юй»: следовать Пути-Дао

I, 2

Ю-цзы сказал:

– Очень мало бывает людей, которые, обладая сыновней почтительностью и любовью к старшим братьям, склонны выступить против высших. И вовсе не бывает людей, которые не любили бы выступить против высших, но любили бы затевать смуту. Благородный муж все свои усилия сосредоточивает на корне. Когда корень заложен, то рождается Дао-Путь. Сыновняя почтительность и любовь к старшим братьям – это и есть корень человеколюбия.

Ю-цзы, или Ю Жо – ученик Конфуция, уроженец царства Лу, на 33 года моложе Учителя.

IX, 30

Учитель сказал:

– Человек, с которым можно вместе учиться, не всегда может оказаться тем, с кем будешь затем следовать Дао. Человек, с которым вместе следуешь Дао, не всегда может оказаться тем, с кем вместе утвердишься [в Дао]. Человек, с которым вместе утвердишься [в Дао], не всегда может оказаться тем, с кем можно будет оценить достигнутое.

Здесь под Дао подразумевается именно Учение, передаваемое Конфуцием.

XI, 20

Цзы Чжан спросил, что представляет собой Дао доброго человека. Учитель ответил:

– Такой человек не следует проторенными тропами, но ему никогда не войти во внутренние покои.

«Войти во внутренние покои» Учителя означает, что такому человеку никогда не получить посвящения или высшего Знания. Это связано с тем, что традиционно учитель передавал свои знания лучшим ученикам лишь во внутренних покоях дома, в стороне от любопытных глаз и ушей.

XIV, 3

Учитель сказал:

– В государстве, где царит Дао, говорить и действовать надо прямо. В государстве, лишенном Дао, действовать надо прямо, а говорить стоит сдержанно.

XIV, 28

Учитель сказал:

– У благородного мужа три Пути-Дао. Но, увы, ни по одному из них я не смог пройти до конца: человеколюбивый не печалится, мудрый не сомневается, храбрый не боится.

Цзы Гун сказал:

– Это как раз и есть Дао нашего Учителя!

XV, 29

Учитель сказал:

– Человек может возвеличить Учение-Дао, но само Дао не может возвеличить человека.

XV, 32

Учитель сказал:

– Все мысли благородного мужа – лишь о Дао, а не о еде. У тех, кто пашет землю, случается и голод. Тем, кто учится, может достаться хорошее жалование. А вот благородного мужа заботит лишь обретение Дао и не заботит бедность.

XV, 40

Учитель сказал:

– Люди, что следуют разными Учениями-Дао, не составляют общих планов.

XVI, 11

Учитель сказал:

– Я видел и слышал тех людей, что спешат осуществить добрые дела, чтобы успеть, и которые бегут от плохих дел, словно боясь обжечься. Но я не встречал и не слышал таких людей, что живут в уединении, дабы закалить свою волю, и поступают по справедливости, дабы распространить свое Дао.

XVII, 14

Учитель сказал:

– Тот, кто лишь повторяет услышанное о Дао, просто отходит от добродетели.

XIX, 4

Цзы Ся сказал:

– Даже в малом Дао есть достоинства, но если стремишься к возвышенной цели, этого будет недостаточно. А поэтому благородный муж не обращается к нему.

Цзы Ся – один из учеников Конфуция. Понятие «малое Дао» вызывало споры у ученых. Одни считают, что речь идет о неких «малых знаниях», например, земледелие, огородничество, врачевание, га-дание и т. п. По мнению других, «малое Дао» – это представители других учений. Нам же кажется, что речь идет о «внешних», несвященных знаниях, в то время как благородный муж должен опираться на истинное Дао, то есть на знания посвященного.

XIX, 7

Цзы Ся сказал:

– Ремесленники совершенствуют свое мастерство там же, где и работают. Благородный же муж постигает Дао через учебу.

XIX, 22

Гунсунь Чао из царства Вэй спросил Цзы Гуна:

– У кого учился сам Чжунни (т.е. Конфуций)?

И услышал в ответ:

– Путь-Дао Вэнь-вана и У-вана не сгинул на земле, а растворился в душах людей. Достойные наследовали великое, а недостойные – малое. Нет места, где бы не было Дао Вэнь-вана и У-вана. Разве не всюду мог учиться наш Учитель? И нужен ли для этого лишь один наставник?

Ритуал – метод связи с Небом

Важнейшим понятием для Конфуция становится *ли*, обычно переводимое как «Правила», «Ритуал» или «церемониал», а на самом деле – сложнейший свод правил и внутренних переживаний, устанавливающий связь человека с Небом. При этом ни Конфуций, ни его последователи никогда не давали четкого определения понятию *ли*. Впрочем, этого и не требовалось, поскольку ритуальное понималось как мистически-невыраженное, как «воля Неба», воплощенная в действиях человека. С внешней стороны содержание Ритуала могли составлять многочисленные поклоны, сложные формы подхода к правителю и вышестоящему чиновнику, формы обращения со старшим и равным себе, нормативы коммуникации в обществе. Ритуал не уравнивал людей, он, наоборот, очень четко определял их «энергетические ячейки» в мистическом пространстве общества. По существу, все эти действия – коленапреклонения, многослойные формулы обращения – вели к тому, что человек полностью подчинял свою энергетику энергетике правителя, растворял себя в потоке могущества, который идет от человека, который стоит выше его как по статусу, так и даже по месторасположению. Говоря иным языком, конфуцианство учило «взаимоотношению энергий», порою целиком уничтожая и растворяя того, кто не мог предоставить доказательств своего права на более высокий статус.

Реализация Ритуала-*ли* в повседневной жизни основывается на довольно сложной взаимосвязи человека и Неба, человека и человека, личности и государства. Например, человек должен с одинаковой искренностью и преданностью относиться и к Небу, и к правителю, и к своей семье. Это и есть единая система взаимосвязей на основе закона – Ритуала.

Очевидно, что для Конфуция *ли* – отнюдь не некие правила, придуманные людьми, он лишь осмыслен ими, переведен на уровень слов и жестов; в принципе, Ритуал существует абсолютно независимо от человека, он дан от природы, как всякий естественный закон. Следование этим нормам поведения должно привести и государство, и отдельного человека к процветанию, а игнорирование Ритуала лишь ускорит их гибель.

«Нельзя смотреть на то, что противоречит Ритуалу, нельзя слушать то, что противоречит Ритуалу, нельзя говорить то, что противоречит Ритуалу». В этом высказывании – исток и суть учения Конфуция. Подчиненность Ритуалу, правилам поведения, культурному началу – в этом коренится смысл жизни человека.

Ритуал – это место встречи небесного и земного, особого рода символическое действие, которое позволяет человеку познать себя в пространстве Космоса. Начиная с эпохи Чжоу именно Ритуал-*ли* становится фундаментальным понятием, вокруг которого строилась вся культура.

Понятие Ритуала-*ли* весьма сложно и многогранно, и сам Конфуций признавал, что «нелегко следовать Ритуалу-*ли*, древние – и те не все следовали». Это – поразительное признание! Конфуций понимает Ритуал именно как подвиг, внутреннее подвижничество, а отпадение от него будет являться хаосом в Поднебесной. Не всякий человек прошлого воплощал собой такой Ритуал, и здесь хорошо видно, что в отличие от того, что считают некоторые исследователи, Конфуций отнюдь не «стремился в прошлое», не был консерватором. Для него и само прошлое может быть полно недостатков, но там, где-то в далеких веках прошлой истории, жили люди типа Яо, Шуня и Чжоу-гуна, которые своим поведением могли показать, что есть истинное воплощение ритуального радения.

Воплощенный Ритуал удивительно сложен для исполнения и даже постижим далеко не для всякого. Но тем не менее есть определенные нормы поведения, которых способен придерживаться каждый человек. Это человеколюбие, долг, преданность, искренность, сыновняя почтительность, забота о младших, честность. Вот на этих качествах и основывалось этическое учение Конфуция, которое через много веков переросло в мощнейшую социальную и политическую доктрину.

Для Конфуция один из важнейших ритуалов – погребальный обряд. Смерть любого человека воспринималась не просто как обычная кончина, подчиненная законам природы; это некое космическое событие, уход из жизни носителя Культуры. Так можно ли пренебречь этим? Ведь и приход человека в мир, и его уход из жизни – звенья очень сложной цепи какого-то мистического процесса. Обычному человеку не дано понять, зачем он рождается и почему так быстро умирает, не успев совершить и малой доли того, что задумал. Для Конфуция ясно лишь одно – в самом факте человеческой жизни заложен глобальный смысл вообще человека как существа культурного, вся жизнь должна быть превращена в Ритуал, тем более ее завершение. И Конфуций активно проповедует тщательное соблюдение всех тонкостей похоронного обряда, а также соблюдение траура. Его ученик Цзэн-цзы замечает: «Если будем тщательно соблюдать все траурные церемонии, связанные с похоронами родителей, и должным образом чтить память предков, то добродетели народа возрастут» (I, 9). В этом, пожалуй, одна из основных сокровытых мыслей школы, сложившейся вокруг Конфуция: лишь поддержание постоянной связи с духами прямых предков может напитать мир благодатной энергией.

Он не терпит даже к малейшим нарушениям ритуала, и вряд ли его можно назвать «легким соседом». Он не садился на циновку, которая была «постлана неправильно» (X,12), никогда не говорил во время еды или сна. Он отказывался от

каши, которая была сделана не из обрушенного зерна, или от недостаточно мелко нарезанного мяса. Не употреблял мяса или вина, купленного на рынке (X, 8).

В Ритуале для него главное – внутреннее переживание, мистическое перевоплощение в тех духов, к которым обращены молитвы. Поразительным образом, призывая к церемониальной тщательности, Кун-цзы оказывается не догматиком и даже не дидактиком, но тем, кто требует ощущения больше, чем механического исполнения жестов. Когда его спрашивают о сути ритуальных правил, он ясно дает понять эту мысль: «Если речь идет об обычных обрядах, то откажись от пышности. При похоронных же обрядах лучше скорбеть, чем заботиться о тщательности исполнения этих обрядов» (III, 4).

Сколько раз он стремился объяснить сущность правильного поведения и истинного Ритуала, а от него отворачивались, к его словам не прислушивались, к нему самому относились порой с недоумением! И тогда Конфуций уходил. Однажды в одной местности Конфуций попытался вернуть народ к отправлению древних ритуалов, и народ возмутился.

В «Мэн-цзы» рассказывается истории о том, что «когда Конфуций был судьей в царстве Лу, его советам не следовали. Он участвовал в жертвоприношении, но после этого ему не дали, как надлежит, часть жертвенного животного. Поэтому он покинул царство, даже не дождавшись, пока с него снимут официальную шапочку. Тот, кто не понимает его, считает, что он поступил так из-за мяса, но тот, кто понимает его, знает, что он сделал так потому, что царство Лу не следовало истинному Ритуалу».

Правильно ли он поступил? Хорошо ли сделал, покинув официальный пост из-за такой, казалось бы, малости? И на это у Мэн-цзы есть замечательный ответ: «Поступки благородного мужа не всегда доступны пониманию обычного человека». Ведь Конфуций не просто не получил небольшой кусочек мяса жертвенного животного. Жертвоприношение – это установление магической связи с Небом и духами, а следовательно, по мнению Конфуция, кто-то попытался отлучить его от Неба. Этого душа посвященного наставника не может пережить, это – не по Ритуалу.

Действительно, истинное понимание Ритуала весьма затруднено – это не обычный церемониал, жесты которого можно просто заучить. Ритуал нужно пережить, ощутить душой. Но как сделать это, как заставить человека стремиться к постижению Ритуала и Культуры?

«Лунь юй»: Ритуал и Правила

I, 9

Цзэн-цзы сказал:

– Если будем тщательно соблюдать все траурные церемонии, связанные с похоронами родителей, и должным образом чтить память предков, то добродетели народа будут возрастать.

I, 12

Ю-цзы сказал:

– При воплощении ритуального радения наиболее ценимо достижение гармонии

[с Небом и духами]. Именно этим и был прекрасен Путь-Дао первых правителей. Малые и большие дела они вершили, исходя из этого принципа. Однако, когда встречались дела, что трудно осуществимы, они, владея этим принципом достижения гармонии, добивались такого единства [с Небом]. Вне ритуального радения такого не достичь!

I, 13.

Ю-цзы сказал:

– Если человек в своих искренних устремлениях приближается к справедливости, то словам его можно следовать. Если в своем почтении он близок к воплощению Ритуала, то избежит он и стыда, и позора. Если он опирается на тех, в ком не утрачены родственные чувства, то обретает внутреннюю стойкость.

III, 4

Линь Фан спросил о сути Ритуала.

Учитель ответил:

– Вопрос этот очень важен! Если речь идет об обычных обрядах, то откажись от пышности. При похоронных же обрядах лучше скорбеть, чем заботиться о тщательности исполнения обрядов.

III, 15

Учитель вошел в Великий храм, расспрашивая обо всем, что делалось.

Некто сказал:

– Кто это говорил, будто сын человека из Цзоу понимает Правила? Войдя в Великий храм, он расспрашивает буквально о каждой мелочи.

Учитель, услышав, ответил:

– Это как раз и соответствует Правилам.

«Человек из Цзоу» – имеется в виду отец Конфуция Шулян Хэ, который получил за службу во владение местечко Цзоу.

III, 18

Учитель сказал:

– Служение правителю с соблюдением всех правил некоторые люди могут признавать за лесть.

VI, 25

Учитель сказал:

– Этот кубок для вина не похож на кубок для вина. Так разве это кубок? Разве это кубок?

Возможно, речь идет о ритуальном кубке необычной формы. Конфуций узрел в этом нарушение Ритуала и был огорчен.

VIII, 2

Учитель сказал:

– Почтительность без Правил переходит в суетливость; осторожность без Правил переходит в трусость; смелость без Правил порождает смуту; прямота без Правил переходит в грубость.

Если благородный муж предан своим родственникам, то и в народе процветает человеколюбие; если он сам не забывает старых друзей, то и народ не утрачивает отзывчивость.

IX, 3

Учитель сказал:

– По Правилам шапки должны быть из пеньки, но ныне их делают из шелка. Это дешевле, и я следую за всеми. По Правилам следует [правителю] кланяться внизу у входа в залу, ныне же кланяются, когда он уже поднялся. Но вопреки всем, хотя это и вызывающе, я буду кланяться внизу.

Раскрытие тайного

Скорее всего, он был из той категории культовых служителей, которые имели способность напрямую общаться с духами, получать от них «указания», знаки и откровения. Именно поэтому Конфуций постоянно призывает «следовать Небу», «слушать Небо». Конечно, он не философ и не имеет никакого отношения к классическому пониманию философии – он не философствует, не размышляет, не пытается построить внятной теории. Он лишь отражает, рефлектирует на том высочайшем уровне духовного откровения, который может быть доступен лишь высочайшему магу и посвященному.

И вместе с этим он поразительным образом старается десакрализовать свой путь, вольно или невольно раскрывая своим ученикам мысль о том, что магический путь доступен каждому при соблюдении определенных правил в обучении и самосовершенствовании.

Конфуций принадлежал к тому типу учителей, которые, получив древние магические ритуалы служения духам и предкам, решили вынести их на уровень государственного служения. Конфуций – посвященный, «знающий», и он сам это неоднократно подчеркивает. Он мистик, отказывающийся говорить о тайном, дабы не увести людей от конкретных дел. На людях он не рассуждает о вещах сокровенных, более того, он старается всячески уйти от абстрактных рассуждений о тайном. Не случайно то, что в отличие от Лао-цзы, который рассуждал и о «тайно-утонченном», и о «темно-сокровенном» (*сюань*), Конфуций ни разу даже не обмолвился об этом, и это дало повод многим интеллектуалам последующих эпох считать, что именно Кун-цзы воистину знал о «тайном» и «сокровенном». И именно поэтому, постигнув их суть, оказавшись посвященным в Знание, отказывался говорить о них.

В какое учение, какое знание оказывается посвящен Кун-цзы? Это сложно описать в двух словах, однако достаточно даже бегло прочитать «Лунь юй», как перед нами открываются общие контуры того великого Учения, которое нес в себе Конфуций.

Прежде всего, он не создатель этого Учения – он лишь его передаточное звено, что сам неоднократно подчеркивает в своих речениях и беседах. Его заслуга в том, что об этом Знании он начинает говорить открыто, выносит на уровень обсуждений, споров и даже записей – вещь невероятная для более ранних магов. Это мистик, попытавшийся стать государственным советником и создавший, в общем, общедоступную школу.

Да и наставником может стать лишь тот, кто способен, преломив древние знания, воплотить их в новой конкретной ситуации: «Тот, кто, повторяя старое, способен найти новое, может стать наставником» (II, 11). Эти слова – отнюдь не абстрактное наставление, но абсолютно конкретный совет: достижение Знания происходит через изучение традиционных правил, песнопений и заклинаний. И такой человек, овладевший именно этой, тайной и сакральной, частью бытия, может считаться наставником.

У него есть лишь две постулата, на основе которых можно постичь мистическое Знание. Прежде всего, это «любовь к древности», во-вторых – это методичное обучение. Более высоким он считает врожденное знание, которое пробуждается в результате использования различных оккультных методов, например, звуков музыки. Это – «люди, которые делают что-либо, ничего при этом не зная», т. е. не изучая. Таковы древние шаманы и медиумы. Но не всем это дано, и сам Конфуций, увы, уже

не обладает такими врожденными знаниями. А значит, следует учиться, постигать и брать пример с древности. В противоположность таким медиумам и отшельникам-мудрецам, что имеют «знания от рождения», Конфуция признается: «Я, увы, не таков. Мне приходится многое слушать, выбирать из этого доброе и следовать этому. Мне приходится наблюдать многое и запоминать это. И все же такие знания вторичны» (VII, 28).

Конфуция окружают такие же люди, как и он сам – настойчивые в обучении, но тем, кому «знания не даны от рождения». Им необходимо много учиться, дабы проникнуть в Учение. Конфуций признается: «Я обладаю знаниями не от рождения. Я приобрел их лишь благодаря любви к древности и настойчивости в учебе» (VII, 20). Нет ничего «врожденного» – и в этом Конфуций отличается от архаичных медиумов, многие из которых обладали врожденными способностями к ощущениям. Но какую «древность» призывает постигать Конфуций? Быть настойчивым в обучении каким предметам, каким знаниям?

И ответ на этот вопрос не столь очевиден.

Как видим, его Учение не содержит прямых морализаторских призывов, не является проповедью нравственного и добродетельного как неких абстракций «правильной жизни». Конфуций очень конкретен и утилитарен в своей проповеди, призыв к соблюдению строгости духа и дисциплины тела, диетологических предписаний и соблюдения правил повседневной жизни – все это лишь подготовка тела и психики для возможности открытого и безболезненного общения с высшими силами. Не «правила» ради морали и гармоничной жизни, а гармония внутри ради самораскрытия духовным силам.

***Хотя к Конфуцию приходило много людей, его школа была невелика.
«Конфуций передает Учения» (XVI в.)***

На место врожденным свойствам, соматическому экстазу старого поколения магов и медиумов Конфуций ставит постоянную тренировку своих чувств и свойств,

постоянную работу над своими мыслями и устремлениями. Он действительно создает систему – систему внеэкстатического общения с духовными силами, которую, собственно, и стали затем принимать за некую «конфуцианскую философию». Мы же должны отличать устремления самого Конфуция, суть его личной проповеди от более поздних трактовок его фраз и идей, вписанный в общую ткань социально-политической культуры Китая.

О себе Конфуций отзывается критически, и, думается, не из-за наигранной скромности, а потому, что очень ясно осознает тот путь, по которому идет. Он ни разу не назвал себя благородным мужем, считая это состояние недостижимым пределом стремлений. Конфуций говорил: «У благородного мужа три пути. Но ни по одному из них я не смог пройти до конца: человеколюбивый не беспокоится; знающий не сомневается; смелый не боится». Перед нами три пути: отшельника и одинокого подвижника (человеколюбие), чиновника (знание) и военного (смелость). Но Конфуций действительно не стал ни одним из них – он стал светским проповедником.

Он ничего не скрывает – поразительным образом в нем нет ничего сокрытого, утаенного, есть лишь непонятое его учениками, которые, вероятно, воспринимают его именно как ментора, но не как носителя тайного знания. Однажды он открыто говорит: «Вы, ученики, полагаете, что я что-то скрываю от вас. Я ничего не скрываю от вас. Я ничего не делаю без вас. Таков я» (VII, 24). Он действительно стремится учить своим примером, той энергетикой, которую несет вокруг себя – и нередко сталкивается с непониманием, ведь многие привыкли именно к устным наставлениям. И он наставляет – иногда монотонно-долго, но чаще – кратко, точно и афористично.

«Лунь юй»: в поисках высшего Знания

II, 15

Учитель сказал:

– Учиться и не размышлять – бесполезно, размышлять и не учиться – впадешь в сомнения.

II, 17

Учитель сказал:

– Ю, научить ли тебя, как определить [обладаешь ли ты] Знанием? Если знаешь что-либо, полагай, что знаешь; а если не знаешь, полагай, что не знаешь. Уже это и есть Знание.

Ю – Чжун Ю (Цзы Лу), ученик Конфуция.

IV, 8

Учитель сказал:

– Если утром познаешь Дао, то вечером можешь умирать.

V. 28

Учитель сказал:

– Даже в небольшой деревушке с десяток дворов непременно найдется человек столь же прямодушный и искренний, как я. Но не найдется человека, столь же ревностного в учении.

VI, 20

Учитель сказал:

– Тот, кто познал [Учение], не сравнится с тем, кто любит претворять его в жизнь, осуществлять. Но даже любящие претворять Учение в жизнь не сравнятся с теми, кто способен наслаждаться сделанным.

VII, 20

Учитель сказал:

– Я обладаю знаниями не от рождения. Я приобрел их лишь благодаря любви к древности и настойчивости.

IX, 8

Учитель сказал:

– Обладаю ли я Знанием? Увы, нет. Но если простой человек обратится ко мне с вопросом, то я, даже не обладая Знанием, спрошу его, в чем причина и каковы последствия, а после этого все подробно ему объясню.

IX, 11

Янь Юань со вздохом сказал:

– Чем больше я взираю на Учение [моего Учителя], тем возвышеннее оно мне кажется. Чем больше стараюсь проникнуть в него, тем непроницаемее оно оказывается. Я вижу его впереди, но вдруг оно оказывается позади. Но наставник искусен, он умеет завлечь людей, он обогащает меня познаниями, сдерживает меня, посвящая в Правила. Я хотел отказаться от постижения его Учения, но уже не смог. И когда я отдал все свои силы, оно будто бы встало передо мной. И ныне я хочу следовать ему, но не способен этого сделать.

IX, 18

Учитель, стоя на берегу реки, сказал:

– Все проходящее подобно этому потоку, что не останавливается ни днем, ни ночью.

XIII, 20

Цзы Гун спросил:

– Кто может называться служивым мужем (ши)?

Учитель ответил:

– Тот, кого стыд может удержать от неправедных поступков. И тот кто, посланный в другое царство, справится с любым поручением – вот его и можно называть служивым мужем.

Цзы Гун вновь спросил:

– Прошу объяснить мне, кто может следовать за ним?

Учитель ответил:

– Тот, кого его община признает обладающим сыновней почти-тельностью и кого его клан признает обладающим любовью к старшим братьям.

Цзы Гун сказал:

– Осмелюсь спросить, кто может следовать за ним?

Учитель ответил:

– Тот, кто правдив в словах и решителен в делах, пусть и маленький чело-век, может следовать за ним.

Цзы Гун спросил:

– А каковы те, кто занимается делами правления ныне?

Учитель ответил:

– Увы, что можно сказать о людях, чьи способности столь ничтожны?

XIII, 29

Учитель сказал:

– Если добродетельный человек будет обучать людей семь лет, то их можно посылать даже на войну.

XIV, 24

Учитель сказал:

– В древности учились, чтобы совершенствовать себя. Ныне же учатся, чтобы похваляться перед другими.

XVI, 9

Конфуций сказал:

– Высший – тот, кто обладает знаниями от рождения. За ним следует тот, кто приобретает знания благодаря учению. За ним следует тот, кто приступил к учению, лишь столкнувшись с трудностями. Того же, кто, столкнувшись с

трудностями, все равно не приступил к учению, народ причисляет к низшим.

XVII, 3

Учитель сказал:

– Лишь высшая мудрость и низшая глупость никогда не меняются.

Падший Феникс

Но здесь происходит неожиданное – Учитель оказывается отторгнутым той традицией, тем Учением, которое сам же и старался проповедовать. Он – человек, который вынес мистические знания на уровень государственного служения и открытого преподавания, – оказывается подвергнут остракизму со стороны тех носителей Учения, которые продолжали проповедовать его в закрытых школах.

Вероятно, именно из-за отхода от традиции закрытости школы на Конфуция постоянно обрушивалась критика. Более того, как можно судить из ряда высказываний, записанных его учениками, выпады эти исходили не столько от власть предержащих, которые как раз с радостью привечали мудреца, но от последователей других школ. Вот один такой эпизод:

«Чань Цзюй и Цзе Ни вместе пахали. Кун-цзы, проезжая мимо, послал Цзы Лу (одного из своих лучших учеников – А.?М.) разузнать их о переправе.

Чан Цзюй спросил:

– А кто это правит, сидя на повозке?

Цзы Лу ответил:

– Это Кун Цю.

И услышал вопрос:

– Не луский ли это Кун Цю?

– Да, это он, – ответил Цзы Лу.

– Так этот сам должен знать, где находится переправа».

Уже в этом ответе звучит тонкая издевка над Конфуцием, который сам учил людей как совершенствовать себя – не случайно «переправа» стала синонимом спасения, самосовершенствования. Но далее Чань Цзюй и Цзе Ни еще жестче высказываются в отношении Конфуция, обращаясь к его ученику Цзы Лу: «Посмотри-ка, что творится! Вся Поднебесная бушует и вышла из берегов. С кем ты хочешь добиться перемен? Ты следуешь за тем, кто избегает плохих людей! Не лучше ли последовать за теми, кто избегает этого мира?» (XVIII, 6).

«Те, кто избегает этого мира» – типичное обозначение мистика-отшельника, человека «сокровенных знаний», идеального образа носителя Истины. Конфуций в глазах встречных, как видно, к таковым не относится. Он слишком социализирован, открыт, для того чтобы быть мистическим учителем. Он «избегает плохих людей» –

излишняя морализация никогда не была чертой тайной традиции. И он уже отпал от нее.

А вот другой эпизод:

«Чусский безумец Цзе Юй, проходя мимо Кун-цзы, пропел:

– О Феникс, Феникс! Как же упала твоя добродетель! Нельзя осуждать людей за то, что было, а то, что будет – еще будет. Брось всё! Ныне опасно участвовать в управлении!» (XVIII, 5).

Это предупреждение Конфуцию значительно серьезнее, чем-то, о котором сказано выше. Это прямое обвинение и даже угроза. Почему? Для этого прежде всего постараемся понять, кем мог быть «чусский безумец». Почему безумец? Почему именно из царства Чу?

Чусский безумец: «О, Феникс! Как же упала твоя добродетель! Брось все!» (художник Ма Юань, XIII в.)

Дело в том, что именно южная область Чу еще во времена Конфуция сохраняла мощные традиции шаманизма и медиумизма. Оттуда выходили маги, гадатели, которых за их эксцентричное поведение именовали «безумцами» – именно под таким названием подобная категория людей фигурирует, например, у «Чжуан-цзы». И там очевидно, что речь идет об особой категории посвященных, что непосредственно

общаются с небом, отличаются «безумными речами» и необычным поведением. Именно к ним идут за советом, именно они предсказывают великие события. И вот такой человек сталкивается с Конфуцием. И прямо обвиняет его в полном падении и отпадении от традиции древних.

Он называет Конфуция «Фениксом» – это символ магического могущества, а в ранних культурах это еще и посредник между миром мертвых и миром живых, подобно дракону и некоторым другим птицам. Феникс появляется в государстве как знак процветания и благоденствия. Этот чусский маг обращается к Конфуцию как представителю той традиции магов и медиумов, к которой принадлежит сам. Но тут же открыто и при учениках обвиняет Конфуция в том, что, по сути, тот перестал быть частью той традиции, в которой воспитывался. Его магическая сила – «благодать» – уменьшилась. Он стал использовать свои знания не для магического управления силами, но для общества. Конфуций пошел на службу к правителям и занялся делами управления, сколь бы ничтожными эти усилия ни были. Но он давал советы, пытался правителей и чиновников наставлять на истинный путь и, самое главное, – открыто проповедовал перед людьми непосвященными. И отшельник призывает его наконец отказаться от погони за служебной карьерой и оказания услуг неправедным правителям. Конфуций же страстно стремился оказаться полезным практически любому, даже не самому праведному правителю, откликаясь на любой призыв. И вот он получает хлесткую пощечину от человека, который действительно является частью древней традиции.

Примечательно и то, что происходит после того, как чусский отшельник обвинил его в отпадении от традиции: «Конфуций сошел с повозки, намереваясь побеседовать с ним, однако тот быстро удалился и Кун-цзы не смог с ним побеседовать». Конфуций, как и в первый раз, пытается объяснить, пояснить суть своих поступков. Но, увы, с ним не хотят говорить – он оказывается уже «не вхож» в это сообщество.

Поразительно, что в историях его жизни нет ни одного упоминания о том, что его поступки одобряли сами отшельники, мистики и бродячие посвященные. Наоборот, все они самым резким образом осуждают его. Какой-то отшельник в царстве Вэй, услышав, как Конфуций бьет в каменный колокол (скорее всего, это было частью магического ритуала), откровенно говорит ему: «Эти удары рождают у других лишь раздражение: ах, никому не понять меня... Ну и пусть никому не понять тебя – остановись, наконец!» (XIV, 39). Он, вероятно, действительно многих начинает просто раздражать.

Отшельниками он просто презираем и не принимаем, а на его учеников они смотрят с сожалением, как на людей обманутых и ведомых ложным путем. Это поразительно и обидно для самого Конфуция – ведь он сам видит в этих людях идеал скромного и неприхотливого служения людям, нестяжательства и открытости Небу. Сам он не таков и он вынужден постоянно делать выбор между критической оценкой социальной действительности, страстным желанием пойти на службу и проявить себя. Более того, отшельники и посвященные мистики просто отказываются признавать его за Учителя. Один из них прямо объясняет ученику Конфуция Цзы Лу: «Свои четыре конечности он не утруждает, да и пять видов знаков друг от друга не отличит – какой же это Учитель!» (XVIII, 7).

В мудрости Конфуция сомневались многие, и далеко не только посвященные мистики и отшельники. Аристократы и сановники открыто или вполголоса критиковали Конфуция за его странное поведение, злословили в его адрес, а некоторые даже считали, что некоторые ученики Конфуция превзошли своего

Учителя и в мудрости, и в административном умении. Действительно, и Цзы Лу, и Цзы Гун – ближайшие последователи Учителя – заняли высокие посты на уездном уровне и, в общем, показали себя очень умелыми администраторами, не в пример своему наставнику. Однажды Цзы Гуну даже передали слова, которые услышали при дворе в царстве Лу: «Цзы Гун в мудрости своей превосходит Чжунни (т. е. Конфуция)». Примечательно, что здесь, как и во многих других случаях, Конфуция не называют Кун-цзы – «мудрец Кун». Для внешнего мира он не мудрец и не Учитель, а просто – Чжунни, как и полагается по его личному имени. Но Цзы Гун ведет себя так, как и подобает преданному ученику. Он пытается пояснить, что мудрость Конфуция настолько велика, что обычному человеку ее не разглядеть: «Возьмем для сравнения стену, что окружает дом и двор. Стена моего дома – людям по плечу, и всякий прохожий может увидеть, что есть в доме стоящего. А вот стена дома Учи–теля достигает многих жэней, и тот, кто не нашел ворот, чтобы войти, не увидит ни величавости храма предков, ни богатства построек» (XIX, 23). Но увы, в любом случае, при своей жизни Учитель много раз был и не понимаем, и гоним, и подвергался насмешкам.

Ученики вынуждены нередко отстаивать честь своего Учителя. Так, Цзы Гун заявляет, что «Очернить Чжунни невозможно» (XIX, 24) или «С Учителем никто не может сравниться, как невозможно по лестнице вскарабкаться на Небо» (XIX, 25).

Порою Учитель старается поддерживать отношения с теми мистиками и отшельниками, которые жили в царстве Лу и Вэй, но не находит у них ни понимания, ни одобрения. Уже очевидно, что они представляли собой уже другую категорию людей и относились к Конфуцию и как к младшему, и как к нерадивому отступнику от истинного Пути. Так, отшельник из царства Лу некий Вэйшэн Му обращается к Конфуцию по имени, что уже указывает на его старшинство, причем не столько по возрасту и званию, сколько в некоем неписаном «табеле о рангах» посвященных учителей: «Цю! Что ты здесь засел? Ты что, хочешь показать нам здесь свое красноречие?».

Ситуация сложилась очень тонкая: Конфуций призван правителем царства Вэй – человеком, о котором ходили не самые добрые истории. И старый отшельник тонко издевается над Конфуцием, который и здесь пытается себе найти место для проповеди или даже лести (фраза может быть истолкована двояко). И Конфуций оправдывается: «Нет, я здесь лишь потому, что ненавижу упрямство (или «мне претит невежество») такого правителя» (XIV, 32). Но вряд ли это может объяснить поведение Конфуция, который решил служить правителю Лин-гуну, про которого все говорили, что он «не следует Дао». Но именно ему решает служить Конфуций!

Он действительно в период своей зрелости и странствий вынужден постоянно оправдываться и объяснять как своим ученикам, так и многим другим людям суть своего поведения. Конфуций объясняет ученикам, которые с разных сторон слышат упреки в адрес учителя о том, что, по сути, он лукавит, что пытается сочетать несочетаемое: социальную и государственную деятельность с духовным обучением и ритуальными посвящениями. «Все же неразумно отказываться от службы», – объясняет Конфуций. И тут же упрекает тех, кто уходит в отшельничество: «Тот, кто хочет остаться чистым, нарушает принципы отношений между правителем и чиновниками».

Он ищет себе оправдание в том, что и древние мудрецы также были отвергнуты и они также были гонимы и не поняты. Это его в известной мере успокаивает и даже приближает к статусу высоких посвященных древности. «Отверженными были Бо И, Шу Ци, Юй Чжун, И И, Чжу Чжан, Люся Хуэй и Шао Лянь» (XVIII, 8). Причина проста –

они «не отказались от своих устремлений и не опозорили себя». Он ценит их и за то, что они могли «приспосабливаться к обстоятельствам» – это как бы объяснение тому, почему сам Конфуций вынужден служить даже неправедным правителям. Но поразительным образом эти мудрецы древности либо сумели возглавить целый народ, либо, наоборот, удалялись в отшельники, становясь магами и медиумами. Конфуцию же не доступно ни то, ни другое. Он потерялся, он страдает и ищет оправдание – не перед другими, но прежде всего перед самим собой.

К концу жизни Конфуций подходит разочарованным, усталым человеком (художник Хуан Чжэнь, XIX в.)

Это – трагическая жизнь великого учителя, который самым тезисом о служении правителю пытается оправдать многие свои противоречивые поступки и неудачи. По сути, порою ему некому служить – ведь Конфуций часто оказывается гоним или просто прохладно принимаем при дворах правителей.

Записи его учеников, обобщенные в «Лунь юе», открывают нам настоящую драму жизни великого наставника – человека, который стремился с помощью магических знаний привнести порядок в общество. Но он оказывается отторгнут как самими мистиками, так и некоторыми правителями, которые очень редко по-настоящему пользовались его советами.

«Лунь юй»: отвергнутый и гонимый

VII, 5

Учитель сказал:

– О, как я опустился! Уже давно не вижу во сне Чжоу-гуна.

Чжоу-гун – сын чжоуского Вэнь-вана (XI в. до н. э.), один из наиболее чтимых Конфуцием правителей древности, основатель царства Лу.

IX, 9

Учитель сказал:

– Феникс не прилетает, Хуанхэ не шлет своих знамений! Конец мне!

Самый яркий пример крушения надежд Конфуция и отпадения от мистической традиции – Небо в виде знамений перестало говорить с ним.

XIV, 21

Чэнь Чэнцзы убил правителя царства Ци Цзянь-гуна.

Кун-цзы, совершив ритуальное омовение, пошел на аудиенцию к лускому царю Ай-гуну и сказал:

– Чэнь Хэн (Чэнь Чэнцзы) убил своего государя. Прошу покарать его.

Ай-гун ответил:

– Доложи главам трех семей!

Кун-цзы вышел и сказал сам себе:

– Поскольку я также занимаю сановный ранг, следующий за высшим рангом дафу, то я не мог не доложить лично правителю. А он говорит: «Доложи главам трех семей!»

Учитель доложил главам трех семей, но и они отказались. Конфуций и им сказал:

– Поскольку я занимаю сановный ранг, я не мог не доложить.

Чэнь Чэнцзы был советником правителя царства Ци – Цзянь-гуна (484–481 гг. до н. э.) и, убив 480 г. до н. э. своего правителя, нарушил все нормы ритуальной морали. Конфуций отправляется к правителю своего царства и требует покарать нарушителя, послать войска, и восстановить справедливость. Но Ай-гун, используя бюрократическую процедуру, по сути, отказывается. Также отказываются и главы трех семей – Ци, Мэн и Сунь, в чьих руках фактически находилась власть в государстве. Это – яркий пример того, что советы Учителя часто приходились «не ко двору» правителям того времени и их политическая целесообразность для них была не ясна. Конфуций также подчеркивает, что он

требует покарать нарушителя, потому что сам Конфуций занимает пост и должен выполнять свои обязанности.

XIV, 32

Вэйшэн Му сказал Кун-цзы:

– Цю (т. е. Конфуций)! Что ты здесь делаешь? Наверное, опять хочешь продемонстрировать свое красноречие?

Конфуций ответил:

– Я не собираюсь проявлять красноречие. Я здесь лишь потому, что мне претит невежество правителя.

Вэйшэн Му, предположительно, был отшельником и мистиком из царства Лу. Здесь он, называя Конфуция по имени, тонко насмехается над ним, так как Конфуций решил пойти на службу в царство Вэй к правителю Лин-гуну, известному своим несправедливым поведением.

XIV, 35

Учитель сказал:

– Никто не знает меня.

Цзы Гун спросил:

– Почему так вышло, что Вас никто не знает?

Учитель ответил:

– Не ропщу на Небо, не виню людей. Изучая низшее, я постигаю высшее. И если кто и знает меня воистину, то не Небо ли это?

XIV, 38

Цзы Лу заночевал у ворот Шимэнь.

Утром стражник спросил:

– Откуда пришел?

Цзы Лу ответил:

– Я из учеников Конфуция.

Тогда стражник сказал:

– А, это тот, кто, зная, что ничего не получится, все же продолжает свое дело!

Старец с тляпкой, что встретился ученикам Конфуция: «Свои четыре конечности он не утруждает, да и пять видов злаков друг от друга не отличит – какой же это Учитель!»

Радости Конфуция

И все же Конфуций не был именно абстрактным любителем и поклонником древности – для него важны были души тех людей, которые жили в этой древности. Он любил не абстрактное время, а поклонялся конкретным духам прошлого, которых молил об удаче.

Не случайно Конфуций первой же фразой «Лунь юя» подчеркивает: «Изучать и своевременно повторять изученное (в другой трактовке «и претворять в жизнь» – А. М.) – не в этом ли радость?» Обычно эта сентенция понимается как стремление изучать древность, заветы предков и первоправителей, «Канон песнопений» и «Канон перемен». Но, возможно, к этому следует прибавить еще и изучение методов и смысла древних магических учений?

Эта фраза, произнесенная великим наставником, справедливо считается одной из центральных идей его проповеди – живя внутри традиции, постоянно обращаться к ней, «повторять изученное». Она многократно цитировалась и комментировалась, и, несмотря на некоторые разночтения, все комментаторы сходились на том, что Конфуций призывает обращаться к уже сказанному или свершенному великими мудрецами. Чжу Си в XIII в., на чьи комментарии и на чье понимание опирались все дальнейшие переводчики, также считал, что понятие «учиться» здесь равносильно понятию «подржать».

Первый переводчик «Лунь юя» на русский язык П.С. Попов (1910), опираясь на средневековый комментарий Чжу Си, дает здесь абсолютно традиционную трактовку, вошедшую с небольшими вариациями в большинство последующих переводов: «учиться и упражняться». Грамматически этот перевод абсолютно точен, но где-то внутри фразы существует некий ускользающий контекст, который может явиться определяющим для всей проповеди Конфуция. Учится – чему? Упражняться – в чем? Ведь в этой первой фразе – суть всего Учения, возможно, разгадка тайны многовековой устойчивости учения Конфуция. Если Конфуция воспринимать как некоего абстрактного мудреца, занимающегося праздными экзистенциальными рассуждениями, характерными для западной философии, то такое понимание будет, безусловно, верным. Но, как можно видеть из всего контекста жизни Кун-цзы, он был человеком абсолютно конкретных действий и ясно сформулированных мыслей. Поразительным образом Конфуций очень утилитарен, прагматичен в своей мудрости, и в этом, думается, заключена одна из причин «долгожительства» конфуцианства вообще. И значит, перед нами – не просто общее рассуждение, а вполне конкретный совет или указание.

Кажется, существует еще один смысл, который подразумевал Конфуций и который значительно точнее соответствует мистико-магическому настрою конфуциевой проповеди. Он связан с тем понятием, которое обычно переводится как призыв Конфуция «повторять изученное» (*си*). Иероглиф *си* в древних текстах, в основном, действительно обозначал «повторять». Но не только «изученное», а повторять второй раз моление или вопрошение к духам в практике медиумов. Семантически иероглиф *си* восходил к другому значению: «птица, летающая много раз», изображался в виде двух «крыльев» сверху и графемы «солнце» снизу. Повторение вопрошения к духам делалось для того, чтобы уточнить предсказание духов, и считается, что гадатели обычно дважды повторяли свой вопрос, например, во время предсказаний на основе методики «Канона перемен» («И цзин»). В частности, именно в этом смысле и используется иероглиф *си* в «Каноне перемен», причем существует предположение, что для предсказания результата происходящего события использовалось три вопроса или три гексаграммы. Это и было «повторять вопрошение к духам». Даже сегодня многие китайские гадатели, соблюдая древние традиции, считают, что у духов следует вопрошать по крайней мере дважды.

И тогда все фраза Конфуция приобретает совсем иное звучание: «Изучать [сказанное духами] и вопрошать у них вновь – не в этом ли радость?» Это – сентенция, вполне достойная древнего мистика, очевидно, ни в малой степени не выбивающаяся из общего контекста той эпохи.

Дополнительный ключ к первой фразе мы можем встретить буквально через несколько абзацев. Один из лучших учеников Конфуция Цзэн-цзы говорит: «Я ежедневно трижды вопрошаю себя: отдал ли все свои душевные и физические силы тому, кому советовал в делах? Не был ли в обращении с другом неискренен? Повторял ли то, что передано?» (I, 4). Речь здесь идет именно о повторном вопрошении (*си*) того, что передано самой традицией (*чжуань*).

Но все же ключевое слово здесь не «изучение и повторение», как может показаться на первый взгляд. Вчитаемся еще раз в первую фразу «Лунь юя», понимая, что зачин собрания духовных наставлений Учителя не может быть случайным: «Изучать и вопрошать вновь – не в этом ли радость? Вот друг приехал издалека – разве не в этом радость?» «Радость» – вот что является здесь центром переживания, ключевым словом во всей этой фразе. Это не только радостное возбуждение, свойственное обычному человеку, это затаенное ликование от чувства соприкосновения с Высшими силами. Именно как «великую радость», в частности,

переживал даос свое озарение, и именно так стало обозначаться просветление в буддизме. Это – не чувство, это достижение особого состояния. Вот почему записи слов Конфуция начинаются именно с этой фразы: в ней описывается, от чего можно испытать озарение.

От чего еще Конфуций испытывает радость, ликование, наслаждение? От музыки и от чтения древних песнопений. Когда Конфуций говорит о «радости», для него это понятие наполнено именно ритуальным смыслом, переживательным, священным. Это не просто хорошее настроение и не легкость ощущения бытия – в этом плане Конфуций не подвержен обыденным эмоциям. Это ликование души, возвышенное состояние от слияния с высшими силами – духами предков. Он испытывает «радость от музыки», когда, услышав ритуальную мелодию, на три месяца перестает чувствовать вкус пищи (VII, 14), а в другой раз его «веселит» одно из песнопений «Ши цзина» (III, 20).

Становится понятным и то удивительное почтение, которое испытывал Конфуций к сборнику древних песнопений «Ши цзин» («Канон песнопений»). Он неоднократно цитировал «Ши цзин», советовал своим ученикам начинать собственное воспитание именно с чтения этого канона. В сущности, там не много говорится собственно о форме ритуалов, зато немало внимания уделено именно связям с духами предков, опосредованию мира земного и мира духовного, молениям. Не менее уважительное отношение Конфуций проявлял и «Канону исторических преданий» («Шу цзин») – обширной компиляции различных событий, охватывающей период с XXIV по VIII вв. до н. э. и рассказывающей о деяниях идеальных мудрецов-правителей, что жили в гармонии с Небесными силами.

Все это дает нам возможность несколько по-иному осознать название труда, в котором собраны высказывания Конфуция, – «Лунь юй», обычно переводимого как «Суждения и беседы». Однако в древности *лунь* также обозначало дощечку, на которой записывались вопросы к духам, и таким образом, оригинальное название труда Конфуция могло восприниматься как «Вопросы к духам и ответы на них», которые и передавались через самого Конфуция.

«Вот друг приехал издалека – разве не в этом радость?»

Из диалогов Конфуция следует, что Учитель, безусловно, осознавал некую миссию, лежащую на нем. Она, по-видимому, заключалась в реконструкции идеальной гармонии прошлого. Все его поклонение сводилось к культу идеальных предков, как реальных, так и полумифологических. Предметом его восхищения были Вэнь-ван, его сын Чжоу-гун, он видел их по ночам, обращался к ним за советами. Конфуций даже учился исполнять мелодии на музыкальных инструментах не для того, чтобы, скажем, постичь эстетику музыки, а стремясь «узреть волоски на бровях» у того, кто когда-то сочинил эту древнюю мелодию. И в этом плане Учитель был чрезвычайно мистичен: он искренне стремился не просто к абстрактному прошлому, но желал соприкоснуться с духами предков, например, с Чжоу-гуном, с Юем, войти с ними в духовную связь.

«Лунь юй»: радость истинного Знания

I, 1

Учитель сказал:

– Учиться и своевременно претворять в жизнь – разве не в этом радость? Вот

друг пришел издалека – разве это не радость? Люди его не знают, а он не хмурится, – это ли не благородный муж?

I, 4

Цзэн-цзы сказал:

– Я ежедневно трижды вопрошаю себя: отдал ли все душевные и физиче–ские силы тому, кому советовал в делах? Не был ли в обращении с другом неискренен? Повторял ли то, что мне преподавали?

Цзэн-цзы (Цзэн Шэнь) – один из лучших учеников Конфуция, был моложе Учителя на 46 лет.

I, 14

Учитель сказал:

– Если благородный муж не думает о насыщении в еде, не заботится об удобном жилье, в делах усерден, в речах осторожен, способен сам ради исправления сблизиться с теми, кто обладает Дао, про такого можно сказать, что он любит учиться.

Цзюньцзы: идеал мистического знания

Во всех рассуждениях Конфуция ярче всего проступает фигура некоего «благородного мужа» *цзюньцзы* – идеального типажа, точки устремлений каждого служивого мужа. Под воздействием этого идеала сформировалась вообще вся моральная парадигма китайской культуры. Благородный муж «без гнева строг», он «безмятежен и спокоен» и логически противостоит «маленьким людям» (*сяожэнь*), которые не способны понимать и соблюдать ритуальную сторону жизни, испытывать человеколюбие, уважение к старшим, выполнять свой долг перед правителем.

Цзюньцзы принято переводить как «совершенный муж» (П.Попов,) «благородный муж» (Л.?С. Переломов) или «достойная личность» (В.?М. Алексеев), «достойный муж» (Сухоруков), на английский – как *gentlemen*, хотя суть его образа значительно более глубока, чем просто достойное ритуальное поведение. Прежде всего, он тот, кто «познал волю Неба» (XX, 3), – и именно это отличает его от обычных людей.

«Благородный муж» превратился в символ всей конфуцианской традиции, в точку устремления каждого служивого чиновника или достойного мужа китайского общества. Чинность, спокойность манер, невозмутимость, преданность в служении, ритуальность поведения – именно таким конфуцианец предстал публике. По сути, все конфуцианские труды так или иначе пытаются трактовать, какими качествами должен обладать *цзюньцзы* и как этого достичь.

Конфуций и его последователи не часто могли встретить этих благородных мужей среди современников, да и себя они таковыми не считали. Их идеал находился в далеком прошлом, которое мудрецы неизменно называли не иначе как «высокой древностью». В качестве идеальных благородных мужей выступали многие правители Древнего Китая.

Как ни странно, подлинные биографии древних мудрецов никого в Китае не

интересовали. Ведь полнотой истины не обладает никто, поэтому и не имеет смысла обсуждать, реальны ли все рассказы о «совершенно мудрых» древности. Значительно важнее те идеальные черты, которые им приписывались. Это не просто пример для подражания и не веселые побасенки из жизни Древнего Китая. Ведь все эти люди – Хуан-ди, Фуси, Чжоу-гун, Вэнь-ван – являются предками каждого китайца. То, что было присуще предкам, должно быть свойственно и их последователям, а значит, люди изучают свои изначальные качества, «себя в утробе».

Например, знаменитый основатель династии Чжоу-гун воплощал идеал благородного мужа, который, прежде чем что-то сделать, всу тщательно обдумывал; он не решался приступать к делу сразу – ведь сначала надо проникнуть в суть вещей, в глубину событий. И конфуцианец Мэн-цзы называет его образцом именно такой добродетели: «Если вдруг встречалось то, что он не мог полностью понять, он склонял свою голову и погружался в раздумья. Если было необходимо, он мог думать дни и ночи напролет. И если ему наконец удавалось найти ответ, он спокойно садился ждать рассвета». Одновременно это могло звучать и как упрек правителям – современникам Мэн-цзы, которые, не раздумывая, пускались в военные авантюры, разоряя свое царство.

Антиподом *цзюньцзы* является особый типаж – *сяожэнь*, это слово принято переводить как «маленький человек», «мелкий человек» или «никчемный человек». Речь идет, естественно, не о его социальном положении, не о позиции в обществе, а об отпадении от идеала поведения. «Мелкий человек» не обладает благодатью, действует, повинаясь импульсам, а не велениям Неба. А вот *цзюньцзы* «требователен к себе», в отличие от «мелкого человека», который «требователен к другим»(XV, 21).

Идеалу благородного мужа чуждо слепое и подчас жестокое реформаторство. Наоборот, он вращается в древность, черпает из нее, а потому терпелив и снисходителен по отношению к другим. Один из учеников Конфуция – Цзы Ся утверждал, что человек должен дружить лишь с равными себе и сторониться людей более низкого происхождения. Казалось бы, в этом нет ничего удивительного, ибо именно так предписывали нравы того времени. Но истинный мудрец не боится оказаться униженным дружбой с «не равным ему». Наоборот, он своим присутствием облагораживает все вокруг. Да и вообще, легко ли совершенному найти человека, подобного себе? И поэтому один из учеников Конфуция Цзы Чжан возражает Цзы Ся, повторяя мысли своего учителя: «А вот мне довелось слышать другое: благородный муж почитает выдающихся, но сходится и с заурядными, поощряет способных, но терпит и к бесталанным. И если, положим, я имел бы очень много достоинств, разве я не смог бы с кем-нибудь поладить? А если, допустим, я не имел бы никаких достоинств, другие бы сами отвергли меня, а не я – их?!» (XIX, 3).

Да и вмешиваться благородный муж в людские дела не должен – он лишь способствует им, помогает, ибо «благородный муж содействует людям в их добрых делах и не содействует в дурных. А вот мелкий человек – наоборот». Думы благородного мужа всегда о возвышенном, о самом трепетном и недостижимом в культуре.

Легендарный правитель древности Шунь. «Совершенствовать себя, чтобы принести спокойствие народу, – разве не это заботило Яо и Шуня?»

Но вот еще одна важнейшая черта *цзюньцзы* – он посвящен в Учение, он знает Дао. «Все мысли *цзюньцзы* – о Дао, а не о еде. Цзюньцзы заботит обретение Дао и не заботит бедность» (XV, 32). Конфуций уподобляет мысли о Пути стремлению голодного человека добыть пищу. Чтобы размышления действительно обратились к достижению Пути, необходимо желать достичь Пути так же сильно, как голодный страдает от отсутствия пищи, думать о нем так же постоянно, как молодого чиновника ни на мгновение не покидает мысль об удачной карьере и о большом жалованье, ибо в этом – его будущее.

Есть еще одно существенное различие между *цзюньцзы* и мелким человеком. *Цзюньцзы* является посвященным в Знание. Он, по сути, и является носителем этого знания. Для Конфуция *цзюньцзы* это вообще идеал посвященного мудреца, который несет свои знания через вечность от древних мудрецов к современникам. Его отличие от других – не менее умудренных и достойных мужей – именно в том, что он не просто способен честно и искренне служить правителю или способствовать установлению гармонии в народе. *Цзюньцзы* как раз и осуществляет связь между Небом и миром людей. Он бесстрашен, честен и строг к себе и к людям. Конфуций отмечает лишь три вещи, перед которыми *цзюньцзы* испытывает благоговейный трепет и даже страх: «перед велением Неба, перед великими людьми и перед словами мудрецов». А вот «мелкий человек не понимает воли Неба, не испытывает перед ним благоговейного трепета, бесцеремонен с великими людьми и презирает слова мудрецов» (XVI, 8). Как видим, все «страхи» *цзюньцзы* – метафизического характера, связанные либо с отношениями с Небом, либо с духами предков и великих людей, чью волю и Учение *цзюньцзы* должен осуществлять на земле. И в этом плане *цзюньцзы* не столько «благородный муж», сколько окультуренный образ древнего мага, мистика и таинственного носителя знаний.

Причудливая трансформация произошла с образом *цзюньцзы* в западной литературе, в основном под воздействием мнения средневековых китайских комментаторов и современных китайских авторов. Мистик и носитель метафизического знания *цзюньцзы* превратился в некоего «достойного мужа», классический образ честного служителя, сановника и советника правителей. А вот главная составляющая *цзюньцзы* – его мистическая посвященность и способность осуществлять функции медиума между миров умерших мудрецов и ныне живущих людей – оказалась просто «вымыта» из его облика.

Цзюньцзы – это образ идеализированного и окультуренного мага, введенный Конфуцием и его последователями. В основном, это было сделано из-за того, что сам Конфуций искал оправдание собственной роли и облику – облику человека, что, обладая магическими познаниями и Учением-Дао, не только служит разным правителям, но и с радостью готов предлагать себя любому, кто призовет его на службу.

Хорошо известно, что конфуцианство как таковое сформировалось значительно позже жизни патриархов этого учения: Конфуция, Мэн-цзы, Сюнь-цзы. И пониманием сути конфуцианства, включая и трактовку смысла *цзюньцзы*, мы обязаны, скорее, неоконфуцианству X–XIII вв., а затем и конфуцианскому ренессансу эпох Мин и Цин. Естественно, что в тот момент, когда конфуцианство из личного учения Конфуция превратилось в государственную морально-политическую доктрину, многие ранние черты мистического, присутствовавшие в самом духе учения Конфуция, исчезли. Они были заменены на мораль и государственно-политическую софистику. А поэтому, внимательно вглядываясь в слова Конфуция, записанные его учениками, мы с интересом обнаруживаем в облике *цзюньцзы* такие черты, которые не позволяют понимать этот термин лишь как «благородный муж». Итак, насколько «благороден» традиционный китайский благородный муж?

Прежде всего *цзюньцзы* обладает абсолютным мастерством, феноменальными способностями «уметь все». Один из лучших учеников Конфуция Цзэн-цзы замечает: «Тот, кому можно поручить воспитание сироты ростом в шесть *чи* (138 см, т. е. не достигшего 15-летнего возраста – А.М.), кому можно доверить управление царством размером в сотни ли, и кто при этом не оступится перед лицом трудностей – разве это не *цзюньцзы*? Конечно же, это *цзюньцзы*!» (VIII, 6).

Этот *цзюньцзы*, как ни поразительно, не должен знать ничего особенного, равно как и обладать полнотой знаний. Да и сами эти знания получены не столько от обучения, сколько в виде небесного мистического посыла, и в этом плане лично *цзюньцзы* не должен много «знать». Сам Конфуций как-то вопрошает: «А многими ли знаниями должен обладать *цзюньцзы*? Совсем немногими» (X, 6). Таким образом, «знать» должен обычный человек, *цзюньцзы* же получает свои знания отнюдь не от учения. Именно здесь – корень понимания сути знаний *цзюньцзы*: они не от мира сего.

Незнание, равное абсолютному знанию, «неумение» *цзюньцзы* как проявление высшей, запредельной умелости – не переключается ли все это с образом даосского мага и мудреца? Ведь именно Дао «не знает, но все вершится само собой», «не действует, но нет ничего того, что оставалось бы несделанным». *Цзюньцзы*, как следует из слов Конфуция, может ничего не знать, но вершит все лишь своим внутренним состоянием, своей энергетической мощью. Кстати, некоторые комментаторы усматривали в этой фразе Конфуция о *цзюньцзы*, что «не обладает знаниями», намек на самого себя, но вряд ли это так – Конфуций как раз неоднократно подчеркивает, что сам он *цзюньцзы* не является.

Так же как и даосский маг, *цзюньцзы* учит лишь своим присутствием, передавая культуру (*вэнь*) именно как энергетическую субстанцию. Он может поселиться среди варваров, и там тотчас исчезнут грубые нравы (IX, 14).

***«В делах посвященный муж следует Правилам,
в речах скромн, в свершениях – правдив»***

Цзюньцзы, по сути – тот же маг и медиум, посредник между миром людей и духов, который благодаря своему знанию ритуала способен вступать в контакт с Небом. Абсолютное воплощение *цзюньцзы* – это сам правитель, который, как мы видели выше, является самым важным медиумом в общении человека и духов.

Для Конфуция *цзюньцзы* – это, прежде всего, воплощение идеала прошлых эпох, а не просто честный служивый муж современности. И это очень важная черта *цзюньцзы* – он идеал прошлого, он тот, кто способен осуществить связь эпох, передать импульс мистической мудрости от мудрецов прошлых поколений к современным правителям. И в этом смысле он выполняет ту же посредническую

медиативную роль, что и архаические медиумы.

Конфуций постоянно подчеркивает эту обращенность *цзюньцзы* в прошлое. Еще в молодые годы, когда ему было лишь 29 лет (для Китая это еще даже не возраст зрелости, когда умер видный чиновник из области Чжао Цзы-чан, Конфуций замечает: «Из жизни ушел благодатный человек прошлых эпох!» [13, гл. «Чжао-гун», 49.21б]. Таким образом, для Конфуция *цзюньцзы* – это маг, обладающий идеалами прошлого и обративший свои умения на проповедь гармонии в государстве своим примером.

Своим присутствием *цзюньцзы* устанавливает абсолютное равновесие, гармонию и созвучие всех вещей, определяемое термином *хэ*. Существует еще и *тун* – «взаимотождественность», или *датун* – «великая тождественность всего всему», «великое взаимосоответствие», также ведущее к покою в Поднебесной. Однако есть принципиальная разница между *хэ* и *тун*, мысль о которой проводил Конфуций. *Хэ* предусматривает многообразие мира и идей и даже некоторое разномнение, ограниченное, впрочем, определенными и порою очень строгими рамками «соответствия ритуалу». Например, объединение инь и ян дает в конечном счете разнообразие мира, однако инь и ян не тождественны (*тун*) друг другу.

И все же *хэ* позволительно лишь «человеку культуры», лишь *цзюньцзы*. «Мелкий человек» не знает *хэ*, равно как и недоступно *хэ* варварам, не подверженным нормам китайской культуры. Культура-*вэнь* в китайской традиции существует лишь как китайская культура – именно так судило конфуцианство.

Цзюньцзы характеризуется и особо трепетным отношением к родителям и к предкам, не случайно понятие «сыновняя почтительность» превратилось в конфуцианстве в одно из важнейших требований к воспитанию человека. Очевидно, что Конфуций, а за ним и многие конфуцианцы проповедовали не просто уважение к родителям, но необходимость установления особой магической связи с предками, в том числе и с душами давно ушедших. Собственно, забота о родителях является лишь частным случаем культа предков, и именно духи предков дают человеку возможность воспитать в себе *жэнь*. Интересно одно из замечаний Конфуция на вопрос, почему он отказывается от официальной должности. Наставник в ответ цитирует древний сборник «Шу цзин» («Канон истории»): «Достаточно лишь обладать сыновней почтительностью, и, будучи добрым братом, человек уже может оказывать влияние на правителей» (II, 21). И здесь проступает смысл жизни самого *цзюньцзы* – не столько служить правителю, сколько найти возможность проявить на практике свое магическое Учение. Но вся драма такого служения заключена в том, что он заранее знает, что во всей своей полноте Учение не может быть претворено в жизнь. «*Цзюньцзы* идет на службу, дабы выполнить свой долг, а о том, что его Дао неосуществимо, он знает заранее» (XVIII, 7). В этом – возвышенная трагедия посвященного мужа древнего Китая, с которым ассоциировал себя и Конфуций: он не может не служить, не применять своих знаний на практике, отчетливо понимая, что служит недостойным и неблагодарным, безотзывчивым на Учение.

«Лунь юй»: благородный муж

I, 8

Учитель сказал:

– Если благородный муж не солиден видом, он не будет пользоваться авторитетом, и его ученость тогда не прочна. Он стремится к верности и

искренности; не дружит с теми, кто ему не ровня и не боится исправлять ошибки.

I, 15

Цзы Гун спросил:

– Что Вы скажете, если человек беден, но не льстит? Или про того, кто богат, но не заносчив? Учитель ответил:

– Неплохо! Все же его не сравнить с бедным, но испытывающим радость [от того, что обрел Путь-Дао], или с богатым, но любящим Ритуал.

Цзы Гун спросил:

– Не об этом ли говорится в «[Каноне] песнопений»:

[Изделие из слоновой кости] сначала вырезают, а затем шлифуют. [Изделие из яшмы] вначале гранят, а затем полируют?

Учитель ответил:

– Цы! С тобой наконец-то можно говорить о «Каноне песнопений»! Когда говорю о прошлом, ты уже знаешь, что последует в будущем.

II, 13

Цзы Гун спросил каков должен быть достойный муж.

Учитель ответил:

– Сперва исполняет задуманное, и лишь потом об этом говорит.

II, 14

Учитель сказал:

– Благородный муж объединяет людей, не будучи пристрастным к ним; маленький же человек пристрастен к людям и посему и не способен их объединить.

III, 7

Учитель сказал:

– Благородный муж ни в чем не соперничает. И если необходимо, то только в стрельбе из лука! Вежливо уступая дорогу, он с приветствиями поднимается на помост для стрельбы, а когда сходит, то выпивает чарку вина. Такое соперничество – для благородных мужей!

IV, 11

Учитель сказал:

– Благородный муж думает о добродетели, а низкий – о спокойствии;

благородный муж боится закона, а низкий – жаждет корысти.

IV, 16

Учитель сказал:

– Мысли благородного мужа – только о справедливости, мысли маленького человека – лишь о выгоде.

IV, 24

Учитель сказал:

– Благородный муж медлителен в словах, но скор в делах.

IV, 27

Учитель сказал:

– Благородный муж, обладая обширными познаниями в культуре (вэнь), если будет к тому же постоянно сдерживать себя Правилами, не уклонится от истины

VI, 26

Цзай Во спросил:

– Если человеколюбивому скажут: «В колодец упал человеколюбивый», бросаться ли ему вслед за ним?

Кун-цзы ответил:

– Зачем же ему это делать? Благородный муж может отправиться к колодецу спасать упавшего, но бросаться тотчас в колодец не стоит. Ведь его могут обмануть, и нельзя, чтобы он оказался обманутым.

VIII, 6

Цзэн-цзы сказал:

– Тот, кому можно поручить воспитание юного принца ростом всего в шесть чи, кому можно доверить управление царством размером в сто ли, кто не дрогнет в чрезвычайной ситуации – не благородный ли это муж? Да, это благородный муж.

Шесть чи = 138 см. Речь идет о юном отроке.

VIII, 7

Цзэн-цзы сказал:

– Не бывает ученого мужа без широты ума и твердости духа. Его ноша – человеколюбие, так разве не тяжела она? Только смерть прерывает его путь – разве это не дальний путь?

IX, 14

Учитель хотел удалиться к восточным варварам.

Кто-то сказал:

– Как можно? Ведь там грубые нравы!

Учитель ответил:

– Там, где поселяется благородный муж, исчезают грубые нравы!

IX, 28

Учитель сказал:

– Лишь с наступлением холодов мы познаем, что сосна и кипарис опадают последними.

Здесь – символика благородного мужа, который не изменяет принципам даже в самых суровых испытаниях.

XI, 21

Учитель спросил:

– Можно ли считать благородным мужем того, кто лишь превозносит чужие суждения? А может, он только притворяется?

XIII, 26

Учитель сказал:

– Благородный муж держится ровно и с достоинством, но без высокомерия. Мелкий же человек высокомерен и не держится ровно и с достоинством.

XIV, 23

Учитель сказал:

– Благородный муж стремится вверх, а вот мелкий человек опускается все ниже.

XIV, 27

Учитель сказал:

– Благородный муж испытывает стыд, если сказанное им претворить невозможно.

XIV, 42

Цзы Лу спросил о сути благородного мужа. Учитель ответил:

– Он совершенствует себя, чтобы достичь почтительности.

Цзы Лу спросил:

– Неужели это все?

Учитель ответил:

– Он совершенствует себя, чтобы принести спокойствие другим.

– Неужели это все?

Учитель сказал:

– Он совершенствует себя, чтобы принести спокойствие народу. Совершенствовать себя, чтобы принести спокойствие народу, – разве не это заботило Яо и Шуня?

Яо и Шунь – идеальные правители древности.

XV, 2

Во время пребывания в царстве Чэнь у Конфуция и его учеников кончилось продовольствие. Все сопровождавшие Учителя, изнуренные голодом, не могли даже подняться.

Цзы Лу раздраженно спросил:

– Выходит, и благородному мужу случается находиться в безвыходном положении?

Учитель ответил:

– Благородный муж, оказавшись в безвыходном положении, переносит бедствие со стойкостью, маленький же человек в безвыходном положении становится безрас-судным.

XV, 18

Учитель сказал:

– Благородный муж всегда исходит из чувства справедливости. Это проявляется в том, что в делах он следует Правилам, в речах скромн, завершая дела, правдив. Именно таков благородный муж.

XV, 19

Учитель сказал:

– Благородный муж печалится о том, что не проявил свои способности, но не печалится о том, что люди не знают его.

XV, 20

Учитель сказал:

– Благородный муж обеспокоен тем, что после смерти имя его не будет прославлено.

XV, 21

Учитель сказал:

– Благородный муж требователен к себе, мелкий человек требователен к другим.

XV, 22

Учитель сказал:

– Благородный муж строг, но не склонен к ссорам, легко сходится с людьми, но в

сговор не вступает.

XV, 23

Учитель сказал:

– Благородный муж возвышает людей не за их слова, но он и не отвергает сказанное лишь потому, что оно было произнесено недобродетельным человеком.

XV, 34

Учитель сказал:

– Благородный муж может не разбираться в малом, но способен взять на себя ответственность за большое. Мелкий человек не способен взять на себя ответственность за большое, но может разобраться в малом.

XV, 37

Учитель сказал:

– Благородный муж тверд, но не упрям.

XVI, 8

Конфуций сказал:

– Благородный муж лишь испытывает трепетное благоговение лишь перед тремя вещами: перед велением Неба, перед великими людьми и перед словами мудрецов. Мелкий человек, не понимая воли Неба, не испытывает перед ним благоговейного трепета, бесцеремонен с великими людьми и презирает слова мудрецов.

XVI, 10

Учитель сказал:

– Существует девять правил, о которых благородный муж помнит. Он помнит, что взирая на что-либо, должен видеть ясно. Помнит, что, слушая кого-либо, должен слышать отчетливо. Помнит, что выражение лица должно быть приветливым. Помнит, что манеры его должны быть почти-тельными. Помнит, что в словах должен быть искренним. Помнит, что в делах следует соблюдать осторожность. Помнит, что в случае сомнений следует спросить совета. Помнит, что не должен забывать о последствиях своей гневливости. Помнит, что при возможности приобрести он должен исходить из чувства справедливости.

XVI, 7

Учитель сказал:

– Благородный муж должен остерегаться трех вещей. В молодости, когда кровь и жизненная энергия еще не окрепли – избегать любовных утех. В зрелом возрасте, когда кровь и жизненные силы достигли крепости, – избегать драк. В старости, когда и кровь и жизненная энергия ослабели, – избегать жадности.

Кровь и жизненная энергия (сюэ ци) – в традиционных китайских представлениях являются двумя важнейшими составляющими жизненности человека, которые формируют его физическое тело и психические свойства. Этот совет Конфуция в целом очень точно соответствует традиционным предписаниям древнейших школ мистических практиков.

XVII, 24

Цзы Гун спросил:

– Испытывает ли благородный муж отвращение к кому-либо?

Учитель ответил:

– Да. Он испытывает отвращение к тем, кто говорит о недостатках других людей. Он испытывает отвращение к тем, кто, находясь внизу, клеветает на тех, кто стоит над ним. Он испытывает отвращение к тем, кто проявляет

храбрость, но не соблюдает Ритуалы. Он испытывает отвращение к тем, кто действует решительно, но необдуманно.

Учитель спросил:

– А ты, Цы, к кому испытываешь отвращение?

Цзы Гун ответил:

– Испытываю отвращение к тем, кто принимает верхоглядство за знание, наглость за храбрость, доносительство за прямоту.

XIX, 9

Цзы Ся сказал:

– Есть три лика у благородного мужа: посмотришь на него издали – он величествен и важен, подойдешь поближе – обходителен и мягок, услышишь его речи – он строг и требователен.

XIX, 21

Цзы Гун сказал:

– Ошибки благородного мужа подобны затмению Солнца или Луны: когда он ошибается, все видят это, когда же он исправляется, все благоговеют.

«Лунь юй»: мелкий человек

I, 3

Учитель сказал:

– В тех людях, чьи речи хитры, а выражение лица вкрадчиво, редко встретишь человеколюбие!

VI, 21

Учитель сказал:

– С тем, кто превзошел посредственность, уже можно рассуждать о возвышенном; с тем же, кто не достиг даже уровня посредственности, даже не стоит рассуждать о возвышенном.

VII, 37

Учитель сказал:

– Благородный муж неизменно безмятежен и спокоен, а мелкий человек встревожен и обеспокоен.

VIII, 11

Учитель сказал:

– Да будь у человека способности хоть самого Чжоу-гуна – если он заносчив и жаден, то на прочие его качества и смотреть не стоит.

IX, 26

Учитель сказал:

– Даже командующего тремя армиями можно лишит его поста, но невозможно заставить простолюдина отказаться от своих намерений.

XIII, 25

Учитель сказал:

– Благородному мужу легко служить, но ему трудно угодить. Если, стремясь угодить ему, нарушаешь Учение-Дао, он будет недоволен. Он использует людей на службе согласно их способностям. Мелкому же человеку трудно служить, но легко угодить. Если, стремясь угодить ему, ты нарушишь Учение-Дао, он все равно будет доволен. Он использует на службе лишь тех людей, которые способны на любой проступок.

XIV, 6

Учитель сказал:

– Бывает, и среди благородных мужей встречаются не обладающие человеколюбием, но среди мелких людей никогда не встретишь человеколюбивого.

XVII, 12

Учитель сказал:

– С виду он кажется грозным, а в душе трус – вот таков мелкий человек. Он подобен грабителю, проникающему в дом через окно или перелезающему через стену.

XVII, 13

Учитель сказал:

– Деревенщина, что пытается быть добродетельно-лицемерен со всеми, просто губит добродетель.

XVII, 15

Учитель сказал:

– Можно ли вместе с низким человеком служить правителю? Пока он не получил должности, он боится, что не получит ее. Когда же он получает ее, то боится ее потерять. Из-за этой боязни он готов пойти на все.

Учитель сказал:

– Женщины и мелкие люди с трудом поддаются воспитанию. Сблизись с ними – перестают слушаться, отделишься – начинают ненавидеть.

«Редко говорил о человеколюбии»

Какое качество считается основным в благородном муже? Конфуций, а за ним и многие его последователи, именуют его *жэнь*. Обычно это понятие на русский язык переводят как «гуманность», «человеколюбие», «благопристойность», однако такое значение практически не вытекает непосредственно ни из одного из контекстов. Такой перевод, безусловно, верен в контексте традиционного подхода к учению Конфуция, но вряд ли точно передает изначальный смысл его слов. Скорее, это попытка следовать в контексте морально-этической составляющей *цзюньцзы*: если *цзюньцзы* именно «благородный муж», то он обладает именно «человеколюбием».

Жэнь – понятие важнейшее как для Конфуция, так и для всей его школы. У этого слова много переводов: «гуманность», «человеколюбие», «милосердие», «доброта», на английский его переводили как goodness (A. Walley), benevolence (D. Lau). *Жэнь* – это основная характеристика правильной, добродетельной жизни. Четвертая книга «Лунь юя» содержит массу высказываний Учителя о «человеколюбии» в самых разнообразных контекстах и с самыми разными оттенками. Эта часть открывается «Если в общине царит человеколюбие-*жэнь*, это прекрасно. Разве можно считать мудрым того, кто поселяется там, где не царит человеколюбие?» (IV, 1).

Для Конфуция человек является человеком лишь постольку, поскольку он живет в соответствии с Правилами и Ритуалом. «Человек – и без *жэнь*! Да о каком же Ритуале может идти речь!» (III, 3) – восклицает он, показывая, что именно *жэнь* определяет меру ритуально-священной связи между человеком и потусторонним миром.

Что же такое *жэнь*? Непосредственно к «гуманности», «любви к людям» это понятие не имеет прямого отношения. Мы, скорее, определим это как способность постоянно сохранять связь с Небесными силами, с духами предков. Это то, что как раз и характеризует всякого истинного мага, медиума и шамана – умение вступать в контакт с иным миром и передавать его веления и знаки в наш мир. Собственно, эта мысль отражена и в самом написании иероглифа *жэнь*, который состоит из графемы «человек» и двух горизонтальных черт. Человек как часть вселенской триады соединяет собой два других начала – Небо и Землю. Вот он – медиатор, медиум. Именно тот, кто способен объединить собой Небо и Землю, пропустить сквозь себя их энергию и обладает *жэнь*.

Конфуцианец Мэн-цзы понимает под *жэнь* способность «установить связь между родственниками» или «любить родителей». Как видно, собственно, ни о какой любви к людям речи не идет, то есть здесь нет места для абстрактного человеколюбия или, тем более, для «гуманности». Кажется, Древний Китай вообще не оперирует терминами морали, это, скорее, технический термин, описывающий суть связи между человеком и Небом (включая мир духов), которая как бы матрицируется на земле в виде «правильного отношения» человека к своим родителям – потенциальным кандидатам на пребывание в мире духов.

«Мудрый наслаждается, глядя на воду, человеколюбивый наслаждается, глядя на горы» (XVII в.)

В сборнике изречений Конфуция «Лунь юй», как подсчитали исследователи, этот термин упомянут 109 раз, а косвенно обыгрывается еще чаще. При этом его ученики, что составляли «Суждения и беседы», внезапно записывают поразительную фразу. Оказывается, «Учитель редко говорил о выгоде (*ли*), о судьбе (*мин*) и о *жэнь*» (IX, 1). Это звучит странным диссонансом в традиционном изложении образа Учителя. – ведь именно понятие *жэнь* является, как представляется многим, центром проповеди Конфуция. И вдруг он «редко говорит о *жэнь*!» Комментаторы и историки решили разъяснить ситуацию, предложив около десятка контекстуальных трактовок и скорректированных переводов на *байхуа* – современный китайский язык. Например, фразу следует понимать так, что Конфуций просто избегал «рассуждать о человеколюбии». Другие же считают, что Конфуций как раз «одобрял беседы о человеколюбии», при этом «избегал бесед о выгоде». Все эти трактовки имеют право на существование, но сам текст в чистом виде свидетельствует лишь об одном – Конфуций действительно «редко говорил о *жэнь*».

Но ведь он же постоянно упоминает о *жэнь* в разных контекстах – и «Лунь юй», записанный теми же его учениками, ярко свидетельствует об этом! Ответ здесь, думается, заключен в причудливой связи трех понятий, заключенных в этой фразе: выгода, судьба и т. н. человеколюбие (*жэнь*). Конфуций редко *разъяснял* их смысл – именно так следует понимать намек его учеников. Он считал эти понятия

невозможными для логического понимания, они лежат за пределами объяснений. И не случайно суть понятия *жэнь* он не разъясняет, а показывает на примерах. И именно из-за этой сокрытости непосредственной сути, а заодно и неудачного перевода на русский язык *жэнь* как «человеколюбия» или «гуманности» (прямого аналога в русском языке, действительно, нет) изменилось и само понимание сути проповеди Конфуция.

Разглядеть суть *жэнь* может нам помочь само написание этого иероглифа – китайцы в древности научились очень точно выражать сакральную суть понятий не через многословные разъяснения, а через символический рисунок-идеограмму.

Примечательно, что само написание иероглифа *жэнь* никак не связано с моральным фактором, зато непосредственно указывает на какую-то посредническую роль между небом и землей. Иероглиф «жэнь» записывается как графема «человек» слева и «два» справа, таким образом, человек здесь явно олицетворяет посредническую или, скорее, объединительную функцию между Небом и Землей, образуя в совокупности священную триаду Небо-Человек-Земля. Это можно понять как изображение человека, соединяющего собой Небо и Землю, как аналог «мирового древа» или «мировой оси».

Именно человек позволяет Небу совокупляться с Землей, он канал небесных эманаций, благодатных энергий (*дэ*), которые снисходят на землю. Перед нами – очевидное изображение посреднической функции мага и медиума. И именно это свойство *жэнь* и является основным, что отличает *цзюньцзы* от остальных людей. Кстати, здесь же становится понятной понимание Мэн-цзы *жэнь* как особой способности «установить связь между родственниками» – родственниками, ныне живущими, и их предками в загробном мире.

Таким образом, *жэнь* – это способность установить через себя связь между Небом и Землей, опосредовать собой, своим внутренним состоянием связь с ушедшими предками.

Однако далеко не каждый человек способен осуществлять медиативную функцию между Небом и Землей, т. е. обладает *жэнь*. Но вот поразительный факт: Конфуций признается, что ни совершенномудрый человек, ни благородный муж – *цзюньцзы* ему в жизни не встретились (VII, 26). И в данном случае *цзюньцзы* оказывается именно идеалом традиции, абсолютным обладателем могущества-*жэнь*, который уже не встречается в реальной жизни.

Примечательно, что *жэнь* в отличие от многих других качеств нельзя обучиться, его можно именно получить, достичь, воспринять: «Разве *жэнь* далеко от нас? Стоит устремиться к *жэнь* – и *жэнь* тотчас приходит». Примечательно, что *жэнь* не приходит из воспитания, столь ценимого Конфуцием, воспитание лишь открывает канал для этого *жэнь*. Как-то Конфуций обмолвился, что самые добродетельные люди древности Бо И и Шу Ци «искали *жэнь* и обрели *жэнь*» (VII, 15).

Это особое мистическое чувство, подобное переосмыслению и пере-ощущению всего предшествующего опыта. Не случайно мудрецы учат именно «вызреванию» человеколюбия внутри человека, а отнюдь не привитию его. Мэн-цзы замечает: «Пять злаков (т. е. рис, два типа проса, пшеница и бобы – А.М.) являются наилучшими из всех. Но если же они не вызревают, то оказываются еще худшими, чем даже чертополох. Таково и человеколюбие – достигается оно, лишь [окончательно] созрев».

Как видно, именно к «человеколюбию», к «любви к людям» *жэнь* отношения не имеет, это, скорее, «способность к посредничеству», которая и характеризует истинного *цзюньцзы*. Сам же *цзюньцзы* разумеется не «благородный муж», но медиатор между священными силами Неба и земными делами. Собственно, Конфуций считал, что *цзюньцзы* выполняет важную миссию установления ритуального диалога между Небом и Землей через свою способность *жэнь*: «Ибо ноша его тяжела, а путь долог. Он считает *жэнь* своей ношей – разве это не тяжело? И лишь со смертью его путь подходит к концу. Так разве не долог ли он?» (VIII, 7).

Одному из учеников не удалось уловить смысл высказывания Учителя, и тогда Конфуций уточнил: «Воспитывать прямоту и избегать искривлений. И тогда можно кривое выпрямить». *Жэнь* – отнюдь не «качество для себя», для удовлетворения собственного тщеславия, но именно «для исправления кривого», т. е. для служения людям. И в этом смысле оно может трактоваться как «человеколюбие».

Чтобы достигнуть *жэнь*, действительно нужен нравственный подвиг, который может потребовать от благородного мужа даже пожертвовать собой. Пожертвовать – но не унизиться.

Легендарный правитель Яо был для Конфуция образцом «человеколюбия» – способности поддерживать связь с Небом

Некий Цзай Во спросил Конфуция:

– Если человеку, что обладает *жэнь*, скажут, что это *жэнь* – в колодце, последует он за ним или нет?

– Благородный муж-*цзюньцзы* может уйти, но не может пасть, он может даже показаться обманутым, но обманутым не будет, – ответил Конфуций.

Очевидно, что под *жэнь* подразумевается отнюдь не моральная категория, а мистическое переживание, которое в буддийской культуре называется освобождением «*цзе*», в даосской – озарением (*мин*, *у*) и свидетельствует о наступлении измененного состояния сознания. Поскольку человеколюбие есть один из основных признаков «благородного мужа» конфуцианства, то оказывается, что *цзюньцзы* и есть человек, переживший мистическое озарение и заново осмысляющий этот мир уже как пространство мистического опыта. Разумеется – и это неоднократно подчеркивает и Конфуций и Мэн-цзы – *цзюньцзы* может болеть, переживать и даже сомневаться. В этом он абсолютно реалистичен и вновь прагматичен в отличие от даосского мифологического идеала бессмертных, выросших из практики вполне реальных медиумов и шаманов.

«Лунь юй»: человеколюбие

III, 3

Учитель сказал:

– *Человек – и не обладает человеколюбием! Разве может он постичь суть Ритуала? Человек – и не обладает человеколюбием! Разве он способен постичь музыку?*

IV, 1

Учитель сказал:

– *Прекрасно то поселение, где пребывает человеколюбие. Можно ли назвать мудрым того человека, что поселился в местах, где нет человеколюбия?*

IV, 2

Учитель сказал:

– *Лишенный человеколюбия не может долго пребывать в бедности, но он и не сможет долго пребывать в радости. Человеколюбивый находит в человеколюбии покой, а мудрый извлекает из человеколюбия пользу.*

IV, 3

Учитель сказал:

– *Лишь тот, кто воистину обладает человеколюбием-жэнь, способен и любить*

и способен ненавидеть.

IV, 4

Учитель сказал:

– Если у кого есть искреннее стремление к человеколюбию, то он не сотворит зла.

IV, 5

Учитель сказал:

– Богатство и знатность – вот к чему стремятся все люди. Если не установить им Дао для достижения этого, то они этого и не достигнут. Бедность и презрение – вот что ненавидят все люди. Если не установить им Дао для избавления от этого, то они от этого сами так и не избавятся. Если благородный муж утратил человеколюбие, то как он может носить столь высокое имя? Благородного мужа даже на время трапезы не покидает человеколюбие – оно постоянно с ним: и в мирской суете, и в бедах.

IV, 6

Учитель сказал:

– Я не видел любящих человеколюбие и ненавидящих то, что лишено человеколюбия. Любящий человеколюбие – нет ничего выше этого. Ненавидящий то, что лишено человеколюбия, проявляет человеколюбие и не допускает соприкосновения с тем, что лишено человеколюбия. Может ли кто-нибудь целый день оставаться человеколюбивым? Я не видел людей, у которых хватило бы на это сил. По-видимому, такие люди есть, но я не видел их.

VI, 23

Учитель сказал:

– Мудрый наслаждается, [глядя] на воды, человеколюбивый наслаждается, [глядя] на горы. Мудрый ценит движение, человеколюбивый – покой. Мудрый обретает счастье, человеколюбивый – долголетие.

VI, 30

Цзы Гун сказал:

– Вот если бы нашелся человек, который, щедро одаривая народ, мог бы помочь всем! Что бы Вы сказали о нем? Можно ли его назвать человеколюбивым?

Учитель сказал:

– Не только человеколюбивым, но и непременно – мудрым. Ведь об этом пеклись даже Яо и Шунь. Что же такое человеколюбивый? Если он хочет крепко стоять на ногах, то делает так, чтобы и другие крепко стояли на ногах. Если он хочет, чтобы его дела шли хорошо, он делает так, чтобы и у других дела шли хорошо.

Быть в состоянии смотреть на дру–гих, как на самого себя, – вот кого можно назвать овладевшим искусством человеколюбия!

VII, 30

Учитель сказал:

– Разве человеколюбие далеко от нас? Стоит лишь устремиться к человеколю–бию – и человеколюбие приходит.

XII, 1

Янь Юань расспрашивал о человеколюбии. Учитель объяснил ему:

– Преодолеть себя и вернуться к Правилам – в этом заключается человеколюбие. Если однажды преодолеешь себя и возвра–тишься к Правилам, то вся Поднебесная назовет тебя обладающим человеколюбием. Быть или не быть человеколюбивым зависит от самого себя – разве может это зависеть от других?

Янь Юань вновь обратился с вопросом:

– Позвольте узнать, как этого добиться?

Учитель ответил:

– Не смотреть на то, что не соответствует Правилам. Не слушать то, что не соответствует Правилам. Не говорить то, что не соответствует Прави–лам. Не делать то, что не соответствует Правилам.

Янь Юань ответил:

– Хоть я и недостаточно сообразителен, позвольте мне отныне следовать этим словам.

XIII, 12

Учитель сказал:

– Если у власти в государстве окажется истинный правитель, то всего лишь через поколение в нем воцарится человеколюбие.

XIII, 19

Фань Чи спросил о том, как ведет себя человеколюбивый муж. Учитель ответил:

– В своем доме веди себя скромно, к делам относись со вниманием, с людьми будь искренним. И даже если отправляешься к варварам – и там не забывай об этих принципах.

XIII, 27

Учитель сказал:

– Если человек тверд, решителен, прост и не бросает слов на ветер, то он близок к человеколюбию.

XIV, 1

Сянь спросил:

– Что постыдно?

Учитель ответил:

– Думать о лишь жаловании, когда в государстве царит Дао, и продолжать думать о жаловании, когда государство лишилось Дао, – вот это и как раз постыдно.

Сянь сказал:

– Когда я смогу избавиться от тщеславия, самомнения, злобы и алчности – можно ли считать это человеколюбием?

Учитель ответил:

– Ты свершишь трудное дело, но достигнешь ли ты человеколюбия – я не знаю.

Юань Сянь бы учеником Конфуция, уроженцем царства Лу.

XIV, 4

Учитель сказал:

– Тот, кто действительно обладает добродетелью, непременно произносит правильные речи. Но не всегда тот, кто произносит правильные речи,

добродетелен. Обладающий человеколюбием непременно отважен, но отважный не обязательно человеколюбив.

XV, 9

Учитель сказал:

– Если служивый муж по-настоящему целеустремлен и обладает человеколюбием, он не будет пытаться сохранить жизнь ценой отказа от человеколюбия. Более того, он пожертвует собой ради достижения человеколюбия.

XV, 10

Цзы Гун спросил, как стать человеколюбивым. Учитель ответил:

– Истинный мастер, желая хорошо сделать свое дело, прежде всего должен наточить свой инструмент. Поэтому в каком бы царстве ты ни был, служи лишь мудрейшим из сановников и дружи лишь с теми служивыми мужьями, кто человеколюбив.

XV, 35

Учитель сказал:

– Человеколюбие народу нужнее, чем вода и огонь. Мне случалось видеть, как люди гибли от воды и огня, но никогда не видел, чтобы погибали от человеколюбия.

XV, 36

Учитель сказал:

– В человеколюбии не уступай даже своему учителю

Суровая добродетель

Так человеколюбив ли, гуманен сам Конфуций? С позиции понимания гуманности в западной традиции, разумеется, нет. Он не «любит людей» абстрактно и безадресно, он не проповедует гуманность как образ мыслей. Для него люди – лишь инструмент восстановления равновесия в Поднебесной. Он готов ими жертвовать, если те хотя бы на мгновение отпадают от ритуальной целостности или нарушают Правила.

История донесла до нас всего лишь несколько эпизодов такой жесткости Конфуция. Самый известный из них – случай с Шаочжэнь Мао. Этот эпизод описан, в частности, в «Исторических записках» Сыма Цяня: «На 14-м году правления Дин-гуна, когда Кун-цзы исполнилось 56 лет, он, будучи *да-сыкоу* (одна из чиновничьих должностей), стал временно исполнять обязанности *сяна* (первого советника правителя – А.?М.)... Вскоре он казнил луского дафу Шаочжэнь Мао за то, что тот затеял смуту против правящих». Описание это позднее – с момента жизни Конфуция прошло почти пять веков. Есть здесь и явные ошибки: как показали исследования, Конфуций, конечно же, не мог занимать столь высокую должность – быть первым советником правителя в родном царстве. Скорее всего, он был просто *сыкоу* – одним

многочисленных чиновников при местном дворе.

Многие более поздние китайские комментаторы считали эту запись либо ошибкой, либо подделкой – формально на это указывал и поздний характер появления этих сведений. Да и мыслимо это, чтобы Конфуций, проповедовавший «человеколюбие», казнил человека? Да и в самом «Лунь юе» такого эпизода не встречается.

В разных источниках этот эпизод обрастал самыми живописными подробностями. Якобы тело Шаочжэнь Мао было на три дня выставлено во дворце правителя (такие сведения есть в сборнике «Кунцзы цзяюй»), сам же Шаочжэнь Мао вобрал в себя все пять злодейских качеств, которые только могут присутствовать в человеке, в том числе лживость, уклончивость в поведении, записывание пакостных дел («Сюньцзы»).

Но все это как раз в духе Конфуция – строжайшим образом покарать человека, который нарушил ритуальные Правила, который, по сути, тем самым перестал быть человеком. Судя по всему, Шаочжэнь Мао нарушает один из важнейших постулатов *чжунцзюн* – преданность правителю. Тем самым он обрывает связь, благодаря которой благодатная энергия Неба передается от правителя через чиновников (каковым и был казненный) на народ. Звено в этой цепи допустило сбой, и Конфуций просто вынимает его из цепочки взаимосвязей небесных сил и земных контрагентов.

Вряд ли следует понимать, что Конфуций лично казнил высокого сановника-*дафу*, он просто отдал указание об «упорядочивании» в соответствии с его мыслью об «упорядочивании вещей» (*чжэн мин*).

Действительно, в «Лунь юе» нет подобного эпизода, но, думается, там нет многих эпизодов из жизни Конфуция: во первых, «Лунь юй» не является хронологической биографией Конфуция, а во-вторых, ученики, очевидно, не записывали многие эпизоды, которые казались им «непонятными».

Мудрец проводит время в раздумьях о Правилах и мудрецах

древности (художник Цюй Хуа, XIV в. Альбомный лист)

Зато ученики записали другой, не менее показательный эпизод: Конфуций отдает указ казнить простых музыкантов и танцоров. Возможно, ему показалось, что акробаты-простолюдины просто насмеялись над его государем. Но самое главное – они нарушили ход ритуальной встречи двух носителей благодати. И он повелевает казнить актеров.

Нет, он не обидчив, и тем более, не кровожаден. Он просто с железной волей и поразительной логикой проводит в жизнь свою мысль об «упорядочивании вещей». Каждый должен выполнять строго отведенную ему роль во вселенской архитектонике, тот же, кто нарушает эту симфонию упорядоченных звуков, должен быть исторгнут.

Уже в поздний период своей жизни, скорее всего, в 481 г., вернувшись после долгих странствий в родное царство Лу, он вновь требует войны. Советник правителя царства Ци Чэнь Чанцзы убил своего господина, царя Цзянь-гуна. Конфуций обращается к правителю царства Лу Ай-гуну с просьбой послать войска и покарать убийцу. Сам эпизод весьма показателен – речь идет о делах соседнего царства, к которому сам Конфуций формально не имеет никакого отношения. И все же он требует вторгнуться войсками в Ци, подчеркивая нарушение Ритуала – ведь Чэнь Чанцзы убил того, кому служил.

Ай-гун колеблется, он не хочет самостоятельно принимать решение о начале войны и посылает Конфуция рассказать об этом главам трех местных влиятельных кланов. Конфуций про себя шепчет слова, как бы объясняя то ли себе, то, окружающим, почему столь настойчиво требует войны: «Поскольку я в ранге, следующем за *дафу* (т. е. высших сановников – А.?М.), то не могу не доложить». Главы трех семей отказались посылать войска (XIV, 21).

В этом весь пафос учения Конфуция – ритуальная связь с Небом не должны прерываться ни на мгновение. Жертвоприношения, соблюдения повседневных правил, самосовершенствование, казни отступников, – все это единый ряд мер упорядочивания Поднебесной. Всего лишь ошибка, упущение – и мир начнет разваливаться, еще глубже окунется во вражду, в хаос и смуту. Его не интересуют дела человеческие как таковые, он не человеколюбив и не гуманен – для него важнее сохранить связь с духами и мудрецами прошлых поколений. Вот именно эта способность и есть *жэнь*.

Конфуций вполне осознает свою миссию и свое значение. Его решительные уходы от правителей, что отказались слушать его совета, – яркое тому подтверждение. Даже когда его друзья преподносят Конфуцию подарки, «будь то повозка или лошади, но не жертвенное мясо, сам не кланялся» (X, 23). Подарки он принимает как должное воздаяние за свои знания и наставления, в вот жертвенное мясо адресовано духам, и именно за сам Ритуал он благодарит друзей поклоном.

В общении Конфуций нередко строг и нелюбезен. Осуждение в его устах – норма речи, одна из основных тем обсуждений с учениками. И в этом он также далек от отшельнического типажа мистика, отстраненного от мирских дел. Скорее, наоборот, в последний период его жизни критика, осуждение становятся все более частыми чертами его поведения. Конфуций всегда учит на примерах, обсуждая поведение правителей современности и мудрецов прошлых поколений, и волей-неволей вынужден кого-то критиковать, кем-то восхищаться. Он то осуждает правителя царства Вэй Лин-гуна (XIV, 19), то журит своих учеников.

В Конфуции удивительным образом сочеталась ритуальная трепетность, мистицизм, с одной стороны, и абсолютный прагматизм государственного служаки, холодный расчет и мудрость решений. Вообще, он крайне осторожен в поступках и решениях. Когда заболевшему Конфуцию вельможа из его царства Лу приносит лекарство, мудрец вежливо отказывается: «Я еще не разобрался, что это за лекарство, поэтому не смею его опробовать» (X, 16).

Мудрый Учитель, наставлявший в человеколюбии, мог быть суров и беспощаден, он мог гневаться и клеймить словом. Однако не следует забывать, что Мудрец Кун был поистине великим Учителем, человеком, с которым «говорило Небо». Он чувствовал те потоки духовной благодати, которые недоступны другим людям. Он понимал внутренний священный смысл любого, даже не значительного события и слышал за ним всю симфонию мира. А значит, он мог делать безошибочный выбор между следованием истинному Ритуалу и его подделкой, фактически – между следованием священной истине и имитацией мудрости. Поэтому, чтобы иметь право на гнев или осуждение, надо по крайней мере приблизиться к тому духовному свету, который исходил от великого Учителя и до сих пор освещает всю китайскую нацию.

Он прекрасно понимает, что тайный закон отпадения от Дао не действует автоматически – не всякий, кто сошел с великого Пути, автоматически теряет право на управление. Например, он рассуждает о правителе царства Вэй Лин-гуне, считая, что тот сошел с Пути-Дао. Его ученик Канцзы спрашивает:

– Так почему же он не потерял царства?

– У него Чжуншу Ю ведает приемом гостей из других царств, Чжу То – жертвоприношениями, Вансунь Цзя – военными делами. При таких людях как он может потерять царство? (XIV, 19).

Теоретически Лин-гун за свое беспутство должен был потерять мистическое право на правление царством, сгнуться, умереть, утратить трон. Но этого не приходит, более того, Лин-гун пребывал на царстве 42 года, и это в известной степени для учеников расходится с самим пафосом учения Конфуция о праве на царство. Но диалог происходит уже в поздний период жизни Конфуция, когда он смотрит на мистику царствования и жизни вообще как на вещь значительно более многогранную и сложную, чем ему казалось ранее. Оказываются, мудрые советники и сановники, отвечающие за жертвоприношения и другие государственные дела, способны скорректировать ситуацию. Именно так он оправдывает перед учениками ситуацию, которая, исходя из всех его предыдущих наставлений, произойти просто не могла бы. В общем, как бы не разочаровывающ был этот вывод для учеников Кун-цзы, но несправедливые и утратившие связь с Небом могут править долго и успешно.

Прогуливаясь в бамбуковых зарослях. Ду Цзин (XVI в.)

Вообще, изначальное конфуцианское учение – очень сурово, очень жестко, накладывает чрезвычайно строгие требования на человека. Во времена самого Конфуция – это не просто «учение книжников», но Путь подвижников. Нарушение Ритуала на этом Пути есть величайшее преступление. Однажды Конфуций осудил своего ученика Цай Во за то, что тот соблюдал по родителям траур лишь в течение года, а не трех лет, и назвал его при этом «не обладающим жэнь», т. е. утратившим посредническую связь с Небом.

Он очень суров, практически нетерпим к любым нарушениям Ритуала и не принимает по этому поводу никаких объяснений. Нарушение ритуала для него – это не ошибка в самом «чине» церемониала или в технике исполнения каких-то обычаев, это вещь значительно более страшная – разрыв связи с самим Небом, безвозвратное отпадение от истины небесных сил.

Один из эпизодов его жизни рассказывает, что как-то властитель царства Ци прислал правителю царства Лу певичек, которых он с радостью принял. «Три дня при дворе не занимались делами правления. Кун-цзы покинул царство» (XVIII, 4). Дело в том, что пока правитель со своими вельможами развлекался с красавицами, был заброшен основной ритуал царства, который поддерживал связь между Землей и

Небом – жертвоприношения в храме Неба и Земли. Отныне благодать покидает эту территорию, и Конфуций не видит ни малейшей возможности даже задерживаться там, где больше не слышно «велений Неба».

И тем страшнее и драматичнее та часть его поздней жизни, когда он сам чувствует этот «отпадение от Неба».

«Лунь юй»: осуждаю нерадивых

III, 22

Учитель сказал:

– Гуань Чжун – человек ограниченный!

Некто спросил:

– Так Гуань Чжун был бережлив?

Учитель ответил:

– Он владел тремя домами. Среди его подчиненных [каждый занимал одну должность] он не допускал совместительства. Как же можно говорить о его бережливости?

– Хорошо, может быть, Гуань Чжун разбирался в Правилах?

Учитель ответил:

– Как только правитель его царства построил перед воротами дворца заслоны, Гуань Чжун тотчас поставил такие же заслоны. Правитель царства для дружеских приемов госуда–рей соорудил земляную стойку для опрокинутых чарок – Гуань Чжун построил такую же стойку. Если Гуань разбирался в Правилах, то кто же в них не разбирался?

Гуань Чжун – первый советник правителя царства Ци.

III, 26

Учитель сказал:

– Как я должен относиться к тем, кто, пребывая наверху, лишен великодушия, при исполнении Правил непочтителен и на похоронах не скорбит?

IV, 9

Учитель сказал:

– Со служивым мужем (ши), который желает постичь Дао, но при этом стыдится плохой еды и бедной одежды, даже заговаривать не стоит.

V, 19

Цзы Чжан сказал:

– Цзы Вэнь из царства Чу трижды становился первым советником – и на лице его не было радости. Трижды получал отставку – и на лице не было досады. Оставляя свой пост, он непременно знакомил преемника со всеми делами. Что можно сказать о таком человеке?

– Что он истинно предан, – ответил Учитель.

– А был ли он истинно человеколюбивым? – спросил Цзычжан.

– Не знаю, – сказал Учитель. – Да и можно ли это считать проявлением истинного человеколюбия?

Цзы Чжан продолжал:

– Когда Цуй-цзы из царства Ци убил своего правителя, у Чэнь Вэнь-цзы было десять четверок коней – он бросил их все и бежал. А прибыв в другую страну, заявил: «Здесь правитель – совсем как наш Цуй-цзы». И снова бежал. Прибыл еще в одну страну и опять заявил: «Здесь правитель – совсем как наш Цуй-цзы». И снова бежал. Что можно сказать о таком человеке?

– Что он истинно честен, – ответил Учитель.

– А был ли он истинно человеколюбивым? – спросил Цзычжан.

– Не знаю, – сказал Учитель, – можно ли это считать проявлением истинного человеколюбия?

V, 24

Учитель сказал:

– Кто говорил, что Вэйшэн Гао честен? Некто попросил у него уксуса, а тот выпросил у соседа и дал уксус.

VI, 29

Учитель сказал:

– Придерживаться неизменной середины – вот наивысшая добродетель. Но, увы, сколь мало людей, что способны следовать этому!

VIII, 10

Учитель сказал:

– Когда почитают смелость и презирают бедность, быть смуте. И когда ненавидят лишенных человеколюбия, быть смуте.

VIII, 12

Учитель сказал:

– Нелегко найти человека, который, проучившись всего лишь три года, не мечтал бы получить казенное жалованье.

VIII, 16

Учитель сказал:

– Заносчив и не прям, невежественен и не кроток, не обладает способностями, и к тому же не честен – такого рода людей я просто не понимаю.

XIII, 24

Цзы Гун спросил:

– Что Вы скажете о том, кого любят все односельчане?

Учитель ответил:

– Никчемный человек.

– А что скажете о том, кого ненавидят все односельчане?

– И этот человек никчемный. Лучше, если человека любят хорошие односельчане, а недобрые – ненавидят.

«Размышлять и не учиться – губительно»

Выявление культуры в себе – это вечное учение, образование. Процесс учения для Конфуция составляет часть постижения глубинной сути Ритуала-ли. Более того – нет особой разницы между учителем и учеником, и лучшим наставником оказывается именно тот, кто лучше всех учится сам.

Он готов обучаться сему, что соответствует либо Ритуалу, либо приближает его к состоянию ритуального единства с Небом. Известно, что, когда Учитель заходил в Большой или Великий храм, посвященный Чжоу-гуну, основателю царства Лу, он задавал много вопросов.

Кто-то заметил:

– Кто говорил о том, что сын человека из Цзоу (отец Конфуция Шулян Хэ происходил из местечка Цзоу – А.М.) что-то понимает в Ритуале? Стоит ему зайти в Великий храм, как он тотчас начинает задавать массу вопросов буквально о каждой мелочи.

Конфуций, услышав это, ответил:

– Задавать вопросы – само по себе уже и есть соответствие Ритуалу-ли (III, 15).

Конфуций вновь и вновь подчеркивает необходимость учения (*сюэ*), это становится важнейшим моментом его проповеди. Именно с учением он связывает совершенствование человека, а точнее, «выявление человеческого в человеке». Пустые раздумья без изучения канонов губительны. Внутри себя все равно не найдешь того, чем обладала «высокая древность», поэтому ей следует целенаправленно обучаться. «Я часто целые дни не ем и целые ночи не сплю, все думаю, но от этого нет пользы. Лучше уж учиться».

Для Конфуция учение есть не просто изучение Ритуалов, а изучение примеров древности, поступков и настроения сознания древних правителей. Надо изучать примеры их жизни и размышлять, постоянно размышлять над ними, воплощая внутри себя их образы, впуская в себя их дух. «Учиться и не размышлять – напрасная трата времени; размышлять и не учиться – губительно».

Учиться надо всегда и везде, не стесняясь учиться даже у прохожего и простолюдина. «Идя в компании двух человек, я все равно найду, чему научиться у них. Хорошие качества я постараюсь перенять, а узнав о плохих чертах у других, я постараюсь исправить то же самое у самого себя».

И в этом мотиве вечного служения вновь проступает суть личности самого Конфуция. Он уже не надеется прозреть истину путем медитаций и раздумий. Только учиться, только накапливать знания, только читать древние каноны и размышлять над поступками мудрецов – именно в этом залог совершенствования человека, считает Учитель. Он признается в этом сам, расписываясь в своей бессилии достичь чертога высшего знания лишь медитациями и откровениями, как это было у ранних мистиков: «Бывало, что дни и ночи я проводил в раздумьях – без сна и без пищи, но все тщетно. Лучше уж учиться!» (XV, 31).

И он закладывает основы светского обучения – передача мистического знания уже недоступна для него. Конфуций создает открытую школу, подчеркивая благотворительно-возвышенный характер своего обучения: он готов обучать за символическую плату – «за связку сушеного мяса» (VII, 7). Но это подчеркивает и ритуальный характер обучения, поскольку именно связкой сухого мяса могли приносить жертвы духам.

***«Благородный муж держится ровно и с достоинством,
но без высокомерия» (Чжан Лин. «Достойный муж
в осеннем лесу», XVI в.)***

Казалось бы, что здесь удивительного? Разве не во всех странах проповедники, мессии, просто мудрецы стремились образовывать людей и подчеркивали

необходимость учения?

Но Учитель не передает информацию, в нашем понимании, он ничему, собственно, и не учит. Он не расскажет, как надо жить. Он существует в этом мире как нравственный ориентир, как указатель Пути. Сам указатель еще не гарантирует, что человек сумеет дойти до конца Пути, но это уже залог того, что дорога выбрана правильно.

Учитель передает себя, свой образ, свой духовный облик. Ученик не столько воспринимает информацию, сколько воспроизводит в себе Учителя. Он, как говорили китайцы, ступает «ему в след», не случайно иероглиф «ту» («ученик») можно перевести как «тот, кто идет следом». Китайские наставники понимали это как мистическое перевоплощение ученика в своего Учителя. А отсюда и странный метод обучения Конфуция: кажется, он говорит ни о чем, всю жизнь проводит в беседах, а не в чтении лекций.

Он заставляет ученика соучаствовать в работе своей мысли, требует от него живого сопереживания, добиваясь передачи знаний «от сердца к сердцу». И когда в словах уже нет необходимости, нужен лишь просветленный учитель рядом. «Не поговорить с человеком, с которым стоит поговорить, – значит, потерять человека. А говорить с человеком, с которым не стоит говорить, – значит, терять слова. Мудрец не теряет ни слов, ни людей» (XV, 8).

Конфуций учит на примерах из древности, он рассказывает бесконечные истории о правителях и мудрецах, живших сотни лет назад. Для него история – не набор фактов, его не очень интересует, когда и что произошло, как это интересовало бы современного историка. Конфуцию важно другое: как повел себя человек в той или иной ситуации, сумел ли проявить человеколюбие, выполнил ли свой долг, не нарушил ли Ритуал? История для китайцев будто соткана из забавных анекдотов, но в них заключен немалый смысл. Учитель заставляет учеников как бы выверять себя древностью – и в этом заключается сам метод Учения Конфуция.

Но вот вопрос: чему следует учиться? Сам Учитель говорил: «Я не отношусь к тем, кто родился со знаниями. Я люблю древность и благодаря этому, проявив понятливость, приобрел их».

А значит, учиться надо лишь одному – древности, точнее, тому порядку, который существовал когда-то у предков, чтобы воспроизвести его в сегодняшней жизни. Именно «учиться», а не «изучать». Ведь изучение предусматривает определенный метод, сложную теорию, проверку этой теории практикой. Для конфуцианцев такое «изучение» древности было неприемлемо, человек должен был своим сердцем, своим сознанием прикоснуться к древним мудрецам. Это было чисто мистическое проникновение.

Как-то ученик Конфуция Цзы Гун спросил своего Учителя:

– Почему Кун Вэнь-цзу прозвали «вэнь» («Просвещенным»)?

Конфуций ответил:

– Он был быстр и способен в учении. Он не стыдился испросить совета у тех, кто стоит ниже по положению. Вот почему его именовали «вэнь».

Конфуций делает основной упор на обучении, однако полагает, что даже в

образовании надо придерживаться срединного Пути, который и есть Дао. Не случайно Конфуций говорит: «Если естество в человеке одолеет культуру – получится дикарь. Если культура одолеет естество – получится книжник. Лишь тот, в ком естество и культура уравновешены, может стать благородным мужем».

«Лунь юй»: постигай Учение и бойся его утратить

VII, 7

Учитель сказал:

– Даже если кто-то принесет мне лишь связку сушеного мяса, я никогда ему не откажу в обучении.

VII, 8

Учитель сказал:

– Я не наставляю тех, кто не стремится к знанию. Я не обучаю тех, кто не сгорает от нетерпения получить Знание. Я не повторяю своих наставлений тому, кто не способен по одному углу отыскать три остальных.

VII, 22

Учитель сказал:

– Даже если мне встретятся три человека – и у них непременно найдется чему поучиться. Возьму то, что есть в них хорошего, и буду этому следовать. А на том, что есть в них дурного, постараюсь себя исправить.

VII, 18

Учитель постоянно говорил о «Каноне песнопений» («Ши цзин»), «Каноне истории» («Шу цзин») и соблюдении Правил. Вот в этих вещах он мог наставлять без усталости!

VII, 25

Учитель обучал четверем наукам: культуре (вэнь), [истинным] поступкам, преданности и искренности.

VIII, 8

Учитель сказал:

– Воодушевляйся «Каноном песнопений» («Ши цзин»), опирайся на Правила, совершенствуйся музыкой.

VIII, 17

Учитель сказал:

– Постигай Учение так, словно боишься не обрести его, а получив – бойся

утратить.

IX, 6

Первый советник спросил у Цзы Гуна:

– Не является ли Учитель посвященным мудрецом? Почему у него столь много талантов?

Цзы Гун ответил:

– Само Небо щедро наделило его совершенной мудростью и столь многими талантами.

Учитель, услышав это, сказал:

– Что знает обо мне первый советник! В молодости я был беден, поэтому освоил многие презренные занятия. А многими ли знаниями должен обладать благородный муж? Совсем немногими.

XV, 39

Учитель сказал:

– Передавая Учение, не делай различий по происхождению людей.

XVII, 8

Учитель сказал:

– Ю! Знаешь ли ты шесть слов, которые приводят к шести ошибкам?

– Нет, – ответил Цзы Лу.

– Ну, тогда слушай. Стремление к человеколюбию без любви к учебе ведет к глупости. Стремление к Знанию без любви к учебе приведет к неустойчивости в жизни. Стремление к честности без любви к учебе приведет к тому, что будешь наносить вред людям. Стремление к прямоте без любви к учебе приведет к горячности. Стремление к мужеству без любви к учебе приведет к смуте. Стремление к твердости без любви к учебе приведет к сумасбродству.

XVII, 9

Учитель сказал:

– Дети мои, почему же никто из вас не изучает «Канон песнопений» («Ши цзин»)? О, «Канон песнопений»! Ведь с его помощью можно развить воображение и расширить кругозор, стать более общительным и научиться иронии. Из него можно узнать, как вблизи служить отцу, а вдали – правителю, как называются птицы и звери, травы и деревья.

XVII, 10

Учитель спросил Боюя:

– Читал ли ты «Песни царства Чжоу» и «Песни царства Шао» из «Канона песнопений»? Тот, кто не читал их, подобен человеку, что уперся в стену!

«Песни царства Чжоу» («Чжоу нань») и «Песни царства Шао» («Шао нань») – две части из «Канона песнопений», в которых идет речь о самосовершенствовании и добродетельных нравах, в том числе добропорядочных нравах жен правителей в южных царствах.

Радостный и безмятежный

Как-то правитель области Шэ попросил ученика Конфуция Цзы Лу рассказать ему о его Учителе, но Цзы Лу ничего не ответил. Узнав об этом, Конфуций произнес: «Почему бы тебе не сказать об этом просто так: это такой тип человека, который забывает о еде, стараясь решить какую-нибудь проблему, что повергла его в глубокие раздумья, который столь преисполнен радости, что забывает о своих заботах, и который не замечает даже натиска старости».

Ученики оставили немало записей о Конфуции в повседневной жизни. Они разбросаны по всем главам «Лунь юя», хотя большая часть их содержится в седьмой главе. Это просто фиксация поведения Мудреца для будущих поколений – запись без трактовки, без объяснений, без комментариев самого Учителя, в расчете на то, что

лишь в дальнейшем можно будет понять сам масштаб личности и смысл его поведения. Ну что может нам дать упоминание о том, что Конфуций «поднимался на повозку, держа спину прямо и ухватившись за веревочные поручни. Сидя в повозке, назад не смотрел, быстро не говорил, распоряжений не давал» (X, 26)? А вот и другой «отчет» о привычках Учителя: «Когда он спал, то не лежал как мертвый; когда был дома, то не сидел как при гостях» (X, 24), т. е. на коленях на циновке. «Обычно ел немного и от имбиря никогда не отказывался. Он не ел испортившуюся рыбу или протухшее мясо» (X, 8) – разве можно как-то по-другому? «В тот день, когда он плакал, он не пел» (VII, 10) – интересно, насколько это действительно значимо? Но все эти незначительные описания и эпизоды – части, из которых складывается мозаика личности Конфуция. Что здесь сущностно, поистине значимо, а что мелочно и никчемно, не знают даже его ученики. Поэтому они и записывают все, что сами подмечают, позволяя последующим поколениям давать оценки.

По словам учеников, он «ласков, уважителен, скромн, уступчив» (I, 10), поэтому всегда располагал к себе людей. Когда его не одолевали дела, он был радостен и безмятежен (VII, 3).

Как всякий наставник, он превыше всего ценит именно дела, а не рассуждения, и с этой точки зрения Конфуций не философ, то есть не тот, кто «любит мудрствовать», а тот, кто настраивает мысли других так, чтобы те действовали безошибочно, безукоризненно и в соответствии с Ритуалом. «У того, кто беззастенчиво произносит слова, с трудом исполняются дела» (XIV, 20). Для него *цзюньцзы* тот, кто «прежде претворяет слова в дело, а затем следует им» (II, 13).

Сам Конфуций, судя по описаниям эпизодов его жизни, во всем стремился следовать канону *цзюньцзы*, был, как и *цзюньцзы*, «строг, но не склонен к ссорам, легко сходится с людьми, но не вступает ни с кем в сговор» (XV, 22). Кун-цзы действительно не примыкал ни к какой партии или группировке (*дан*) и стремился сохранять независимость своих суждений. Обстановка не благоприятствовала такому поведению: заговоры, группировки, фракции стали нормой жизни того времени, Конфуций же, открыто участвуя в политической борьбе, все же оставался над суетой и по настоящему был близок лишь со своими учениками.

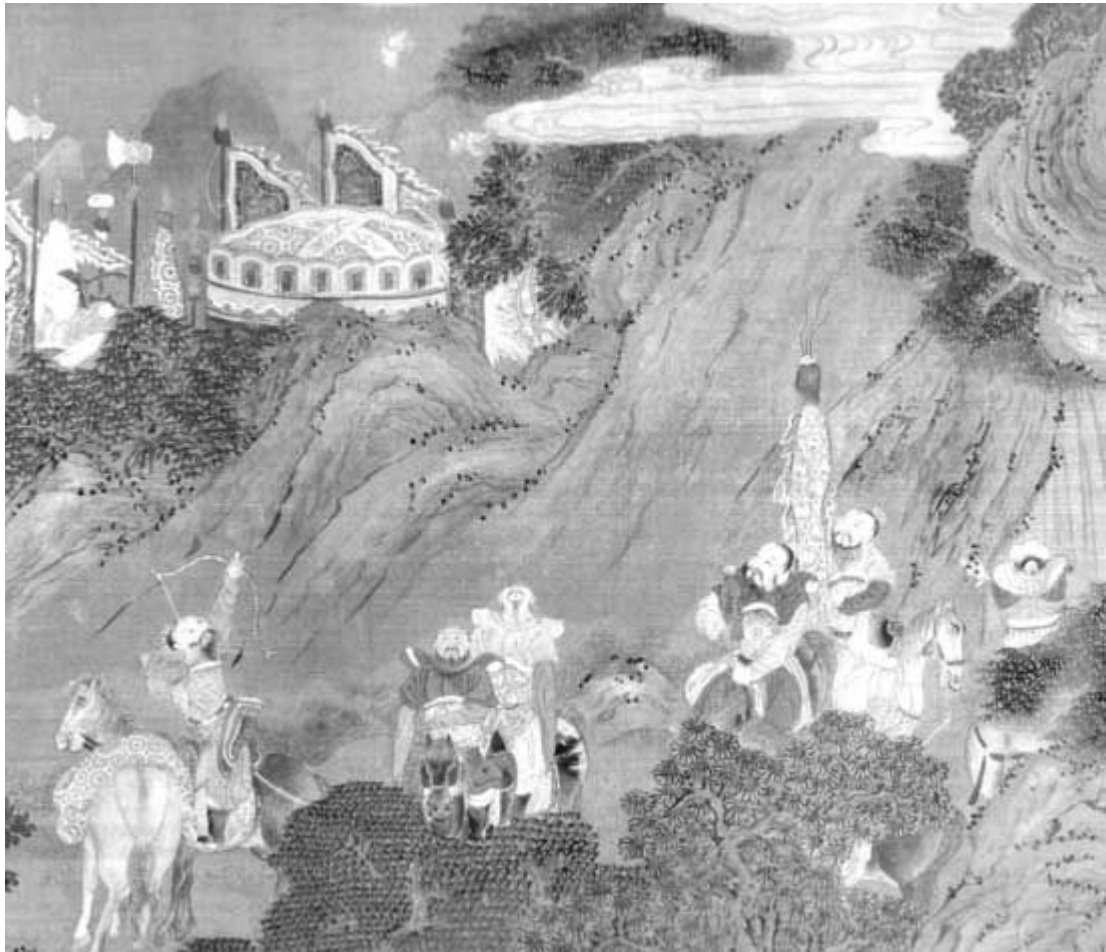
Как-то его ученик Цзы Гун спрашивает:

– Что можно сказать о человеке, если вся деревня его любит?

– Это никчемный человек, – ответил Конфуций.

– А что можно сказать о человеке, которого вся деревня ненавидит?

– И это никчемный человек, – сказал Конфуций. – Было бы намного лучше, если бы хорошие люди из этой деревни его любили, а дурные – ненавидели.

***Правитель древнего Чжоу Вэнь-ван на охоте
(изображение XI в.). Подобно своему идеалу,
Конфуций «стрелял птицу летящую
и не стрелял птицу сидящую»***

В этом – ответ на загадку его кажущейся раздражительности и нетерпимости: он просто не желает быть, как он сам замечает, человеком «с ловкой миной и льстивой речью».

Он чрезвычайно требователен к себе – отсюда и такая кажущаяся желчность и нетерпимость к мелочам. Ведь «если к самому себе будешь более требовательным, чем к другим, то избежишь обид» (XV, 15).

Вообще, в повседневной жизни он чрезвычайно педантичен и своим примером воплощает суть потаенного ритуального радения.

Он живет в постоянном трепетном страхе утратить связь с предками и духами. Жертвоприношение для него – не спорадический ритуал, но постоянное действие. Даже когда он вынужден был питаться простой кашей или овощной похлебкой, он всегда оставлял немного для жертвоприношений «и делал это с большим благоговением» (X, 11).

Более того, многие пассажи из «Лунь юя» рассказывают нам, что Конфуций

печалился, порою плакал, предавался радости, «не отказывался от вина, но и не напивался допьяна», т. е. представлял собой вполне обычного китайца, отличного от идеала даосского отшельничества, с той лишь разницей, что каждое его действие соответствовало ритуалу. Таким образом, Конфуций «не был радостен или печален без повода», – а значит, важно не то, что он делал, но то, что он все свершал в «соответствии с Ритуалом». Не случайно сам Учитель не садился даже на циновку, которая «лежала не по Ритуалу».

Он вообще очень восприимчив к внешним явлениям: он плачет от музыки и ликует, встретив друга. Один из лидеров «Учения о сокровенном» метафизик Ван Би (226–249) в своих ранних трудах был настолько поражен многими явными проявлениями радости и горя у Конфуция и счел его поведение слишком «человеческим», что первоначально весьма низко ценил его. Но по здравым размышлениям Ван Би счел, что именно таким и должен быть мудрец – испытывающим те же чувства, что и любой человек, с той лишь разницей, что мудрец, в отличие от простолюдина, никогда не бывает захвачен этими чувствами и не находится у них в плену.

Конфуций абсолютно гармоничен в своем поведении, у него все – вовремя, все в соответствии с Ритуалом и обстановкой. Он не излишен и не докучлив – великое умение, доступное лишь талантливым наставникам и советникам.

Примечательно, что Конфуций, будучи, очевидно, женатым, очень мало говорит о противоположном поле. И если упоминает, то чаще всего в негативном контексте. Он признается, что не «встречал еще человека, который ценил бы благодать так же, как женские прелести» (XV, 13), он сравнивает «маленького человека» с женщинами: «когда с ними сблизиваешься, они перестают тебя уважать, а когда отдаляешься – начинают ненавидеть».

Много было высказано версий по поводу такого нелицеприятного отношения к женщинам и практически полного отсутствия упоминаний о них в «Лунь юе», что может показаться тем более странным, если учесть, что в ту эпоху развлечения с «певичками», содержание наложниц и плотские прелести являлись нормативом культуры. Предполагали, например, что причина такого отношения Конфуция к женскому полу кроется в его крайне неудачной семейной жизни. Сам он не проповедовал целибат, по-видимому, разделял ложе с женой, но во время поста «покидал комнату, где обычно спал» (X, 7). Как бы то ни было, в путешествиях Конфуций предстает всегда без семьи, лишь в окружении учеников.

Поразительно, но Кун-цзы с пониманием относится к стремлению к достатку, если это не задевает жизни других людей, к традиционным поборам сановников. Есть лишь одна вещь, которая недопустима – нарушение ритуального единства. Все остальное может существовать, если происходит ко времени и «по справедливости». Например, он явно одобряет поведение аристократа и сановника царства Вэй некоего Гунсунь Ба, прозванного Гуншу Вэньцзы. Тот все мог делать в меру, что и ценил Кун-цзы: «Он говорит так, чтобы никого не утомить. Когда он весел, он смеется, но так, чтобы никого не задеть. Когда надо взять по справедливости, он берет, но так, чтобы ни у кого не вызвать осуждения» (XIV, 13).

Скромность и служение – вот основной критерий конфуцианского пути. Но начинается этот путь исключительно со служения духам предков. Именно в этом, а не в изучении каких-то трактатов видит Конфуций залог обретения благодати. «Младшие братья и сыновья, находясь дома, должны проявлять почтительность к родителям, выйдя за ворота – быть уважительным к старшим, в делах – осторожными, в словах – правдивыми... Если у них после осуществления всего этого

еще останутся силы, то следует потратить их на изучение культуры-вэнь» (I, 6). *Вэнь* – очень емкое понятие, здесь его можно воспринимать и как изучение древней литературы (например, особо почитаемый Конфуцием «Канон песнопений»), и как постижение ритуалов, изучение других «гражданских наук», противопоставленных в чжоусской культуре военному делу (у). Важно другое: перед культурой-вэнь, как бы мы ее здесь ни трактовали, следует служение родителям и старшим вообще, что, в свою очередь, и предопределяет развитие человека именно как «существа культуры», вымеряет меру человеческого в человеке.

Есть и другой критерий проявления культуры в человеке – это знание меры допустимого и достаточного. Животное, увидев пищу, стремится съесть столько, сколько может. Хищник будет преследовать жертву, пока сам не упадет от истощения. Но человеку должно быть свойственно осознание меры, или, как однажды назвал это сам Конфуций, «золотой середины». Правда, высказал он это замечание с немалым оттенком грусти. «Золотая середина – это добродетельный принцип, и является он наивысшим принципом, но народ уже давно не обладает им».

«Когда Учитель спал, то не лежал, словно мертвый»

(художник Лю Гуйдао, XIII в.)

Сам же Учитель никогда не требовал себе больше, чем ему было необходимо для жизни: «Рыбу ловил удочкой, а не сетью, использовал стрелу с веревкой, охотясь на летящих птиц, и никогда не стрелял в птиц, устроившихся на ночлег».

По этому же критерию Конфуций оценивал и своих учеников: «Ши чрезмерен, Шан отстаёт. Чрезмерность так же плоха, как и отставание».

Такой же умеренности нужно следовать и при исполнении Ритуалов: например, праздничная песня не должна быть разнузданной, печальная – не должна слишком ранить душу.

Конфуций, говоря о знании меры, о «золотой середине», преисполнен особо осторожного отношения к жизни, боязни поступить не в соответствии с Ритуалом. Даже обдумывание своего поступка должно быть подчинено Ритуалу. Однажды Ци

Вэнь-цзы из царства Лу признался, что трижды думает перед тем, как предпринять какой-нибудь шаг. «И двух раз достаточно», – поправил его Конфуций, ибо Ритуал предписывает обдумывать предстоящий поступок именно дважды.

«Лунь юй»: облик Учителя

VII, 4

Когда Учителя не одолевали дела, он был спокойным, радостным и безмятежным.

VII, 9

Если Учитель оказывался рядом с человеком в трауре, он никогда не наедался досыта.

VII, 10

В тот день, когда Учитель плакал, он не пел.

VII, 13

Учитель был особенно осмотрителен во всем, что касалось поста, войны и болезней.

VII, 19

Правитель области Шэ спросил у Цзы Лу, каков Учитель Кун как человек. Тот не сумел ответить.

– Отчего же ты не ответил ему так, – сказал Учитель: – В трудах забывает о пище, в радости забывает о горе и совсем не думает о наступающей старости. Этого было бы достаточно.

Шэ-гун – правитель уездного города или области Шэ в уделе Чу.

VII, 27

Учитель всегда ловил рыбу удочкой и не ловил сетью. Стрелял птицу летящую и не стрелял птицу сидящую.

VII, 32

Когда Учитель оказывался с теми, кто пел, то, если пели хорошо, он просил начать сначала, а затем присоединялся и сам.

VII, 38

Учитель был мягок, но строг; внушителен, но не зол; почтителен, но сдержан.

IX, 4

Учитель был свободен от четырех недостатков: предвзятых взглядов,

категоричности в суждениях, упрямства и самовозвеличивания.

IX, 10

Учитель, встречая людей в траурных одеяниях, или в ритуальных шапках и одеждах, или слепых, даже если они были и моложе его, всегда вставал, а проходя мимо них, всегда убыстрял шаги.

X, 1

В родной деревне Кун-цзы не был многословным, хотя и казался простодушным, а в главном храме предков и при дворе был красноречив, хотя и краток.

X, 6

Конфуций не оторачивал своего воротника темно-красной или коричневой материей [в знак траура]. Не использовал для домашнего платья материи красного или фиолетового цветов [как цветов промежуточных, более идущих женскому полу]. В летний зной носил однослойный халат из тонкого или грубого льняного полотна, который при выходе из дому он непременно одевал поверх исподнего платья. Поверх [придворной] шубы из черного барашка он надевал однорядовый халат, поверх пыжиковой шубы [для представления посланников и гостей при дворе] носил белый халат, а поверх лисьей шубы [для жертвоприношений для защиты урожая] одевал желтый длинный меховой халат с коротким правым рукавом.

Во время поста он всегда носил спальное платье длиною в полтора роста. В домашней жизни он использовал пушистые лисьи и енотовые меха. По окончании траура одевал на пояс всевозможные привески. Если это было не парадное платье, то оно непременно скашивалось сверху. Барашковую шубу и черную шапку не надевал, когда шел выражать соболезнования. Первого числа каждого месяца он непременно одевался в парадное платье и являлся ко двору.

На левом боку висели в качестве привесок: утиральник, нож, оселок, маленькое шило для развязывания узлов и зажигательное металлическое зеркало. На правой стороне: кольцо для натягивания лука, дерево для вытирания огня в пасмурную погоду, большое шило из слоновой кости, кисть и ножны (Прим. П. Попова).

Парадное платье одевалось для представления ко двору и для жертвоприношений. Оно изготавливалось из прямых полотнищ с оборками вокруг пояса.

X, 7

Во время поста Конфуций всегда менял обычное платье и привычную пищу, а также всегда менял место, где обычно спал.

Речь идет, скорее всего, о том, что «меняя пищу и платье», Конфуций отказывался от имбиря и лука, которые вызывают резкий запах, вина, а также одевал чистые полотняные одежды. «Меняя место», Конфуций покидал комнату, дабы не находиться в одном помещении с женой.

X, 8

Если каша была не из отборного обрушенного зерна, если мясо было нарезано не достаточно мелко, если каша от долгого хранения прогоркла, ничего этого он не ел. Испортившуюся рыбу и протухшее мясо не ел. Продукты, чей вид и запах изменились, также не ел. Плохо сваренное не ел, несвежее не ел. Неправильно разделанное мясо не ел. Если не было соответствующей приправы, не ел. Хотя бы мяса было и много, не ел его больше, чем риса. Лишь в вине не ограничивал себя, но допьяна не напивался. Вина и мяса, что куплены на рынке, не употреблял. А вот без имбиря никогда не обходился. Ел он немного.

X, 10

Во время еды он не вступал в беседу, во время сна не говорил.

X, 11

Хотя бы пища его состояла из простой каши или овощного супа, он непременно отделял немного для жертвоприношений и делал это с большим благоговением.

X, 12

Если циновка была постлана неправильно, он не садился.

X, 13

Когда жители его деревни собирались на церемонию распития вина, он поднимался со своего места лишь после того, как выйдут старики.

X, 16

Когда Канцзы преподнес лекарство, Учитель с поклоном принял его, сказав:

– Я еще не разобрался, что это за лекарство, поэтому не смею опробовать.

Канцзы – аристократ из царства Лу.

X, 17

Сгорела конюшня. Учитель, только что вернувшийся из дворца, спросил:

– Люди не пострадали?

А о лошадях даже не спросил.

X, 21

Войдя в Великий храм, он расспрашивал о каждой мелочи.

X, 22

Если умирал друг и некому было похоронить его, он говорил:

– Я похороню.

X, 23

Принимая подарки друзей, будь то повозка или лошади, но не жертвенное мясо, в ответ не кланялся.

X, 24

Когда он спал, то не лежал, словно мертвый; когда был дома один, то не сидел, как при гостях.

X, 25

Когда он встречал человека в траурном одеянии, хотя бы и недавнего знакомого, он менялся в лице. Когда встречал кого-либо в цере-мониальной шапке или слепого, как бы часто ни видел их, всякий раз был с ними почти-телен. Когда, сидя в повозке, он встречал человека, одетого в траур, то отвечивал поклон, опершись на поручни. Когда встречал людей, несущих подвор-ные списки населения, был так же почтителен и с ними. При виде роскошного угощения непременно вставал с выражением почтения на лице. Во время грозы и бури он всегда менялся в лице.

X, 26

Когда он поднимался на повозку, то держал спину прямо, ухватившись за веревочные поручни. Сидя в повозке, назад не смотрел, быстро не говорил и

распоряжений не давал.

Мистерия государственного служения

Его миссия, как он считает, заключается прежде всего в передаче мистического откровения на уровень управления государством и Поднебесной вообще. Именно ради этого он пошел на то, чтобы оставить жизнь затворника-медиума и посвятить себя не только воспитанию учеников, но и наставничеству правителей. Официальные должности, которые он иногда занимает – не более чем инструмент для такого наставничества, просто возможность быть ближе к правителю, дабы направлять его. Он, как и многие служивые мужья *ши* того времени, готов безболезненно оставить свою должность, если ему кажется, что его советам не следуют, а царство выпадает из магического пространства соприкосновения Неба и Земли. Он как-то говорит: «Птица выбирает дерево. Как же дерево может выбирать птицу?» [13, гл. «Ай-гун», 58.27-а-б].

И здесь проступает еще одно отличие Конфуция и Учителей его времени от мистиков-медиумов архаики. Они очень четко определяют свой объект для передачи знания – правители, высшие сановники царств. Именно они должны стать инструментами воплощения Небесной воли, переданной на землю через медиумов, подобных Конфуцию, пускай даже сами об этом и не догадываясь. Такой «инструментальный», жестко прагматичный подход Конфуция к власти предрешающим пронизывает всю его проповедь. Здесь и глубокая убежденность, что самостоятельно правитель не способен осознать истинную суть вещей, и отсюда – необходимость в наставнике, получающем небесные откровения; здесь и решимость немедленно покинуть такого правителя, если тот не способен быть инструментом в руках наставника и, как следствие, не может принести гармонию и энергетику благодати в мир.

Проповедь Конфуция социализирована, она абсолютно не похожа на древнюю индивидуалистическую традицию мистиков раннего Чжоу, он стремится обратить свое мистическое Знание именно на общество, дать правителям и сановникам магический инструмент для управления делами земными. Но именно эту часть его проповеди слышат меньше всего, а с веками этот мотив окажется окончательно погребен под рассуждениями о социально-политических мотивах конфуциева учения. Нечто подобное случилось с проповедью куда более оккультного учения – с наставлениями Лао-цзы.

Конфуций покидает лоно мистических школ и активно включается в социальную и политическую жизнь царств. У него есть, безусловно, план усиления верховной власти государя. Он многое делает именно для того, чтобы его царство Лу сумело подавить другие царства, причем дает советы, не боясь кровопролития. Именно по его совету два видных сановника-*дафу* из царства Лу сумели в кровавом столкновении разгромить отряды Гушань Буню и Шусунь Чжэ из соседних областей.

Большинство служивых мужей Поздней Чжоу любили рассуждать именно о политике, о том, как урегулировать отношения между враждующими царствами. А вот Конфуций предлагает людям не столько политическое или духовное учение, сколько чисто этическую систему. Важно сначала исправить людей, очистить их, вернуть к нормам поведения, а все остальное – и государство в том числе – постепенно само придет в равновесие. Надо больше интересоваться не политикой или экономикой, а состоянием души человека. Время показало, что это наиболее удачный вариант «жизненной философии»: с одной стороны, он признавал мир «тонких» материй, мир

духов, общения с Небом, с другой – призывал больше обращать внимание на соблюдение простейших этических норм в повседневной жизни. Правда, сами по себе эти нормы, или особые правила поведения, – Ритуал – имели исключительно священный, надчеловеческий характер.

Ученые мужи у правителя во время угощения

(изображение с каменной стелы)

Но воплотить в реальности самые простейшие нормы поведения не так легко, как кажется на первый взгляд. Даже если очень подробно и доступно объяснить человеку, как он должен себя вести, то вряд ли стоит ожидать, что он тотчас изменится.

Нормы поведения в семье Конфуций переносит на правила поведения в государстве, объявляя, что «вся Поднебесная – одна семья». Так же, как в семье, здесь должны царить сыновняя почтительность и преданность по отношению к правителю, а тот в свою очередь обязан проявлять отеческую заботу, справедливость, выражать благодарность и милость к своим «сыновьям». Главным же стержнем взаимоотношений должно стать человеколюбие. Это, конечно, вполне традиционное, хотя и весьма расширенное продолжение культа предков, но это и

абсолютно небывалая, прочная система взаимоотношений человека и государства, государства и священных сил Неба.

Каждый должен находиться на предназначенном ему месте – в этом залог гармонии отношений в стране. Конфуций называет это *да тун* – «великое взаимоподобие», которое понимается как основной и, увы, утопический принцип взаимоотношения между людьми, некая предельная этика жизни. Он призывает «исправить имена» (*чжэн мин*) – привести все явления в соответствие с их функциями. Этим принципам должны были в равной степени подчиняться государь и чиновники, муж и жена. «Правитель должен быть правителем, подданный – подданным, отец – отцом, сын – сыном», – наставлял Конфуций. Каждый способен выполнять свой долг, «быть таким, каким следует быть», лишь на основе все тех же моральных категорий сыновней почтительности, человеколюбия и других подобных качеств.

Его страшно тяготит нарушение гармонии и баланса магических сил в Поднебесной, причем для него это прежде всего равновесие между внутренней сущностью мира и его внешним выражением. «Имя» (*мин*) для Конфуция, равно как и для многих мистиков древности, есть явление сущностное, не случайное. Это также тяготеет к архаическим шаманским культам, где лишь одно произнесение имени или названия предмета могло мистическим образом либо породить вещь, либо изменить ее сущность. А поэтому именами и названиями нельзя жонглировать как попало – ведь неверное слово порождает и неверное явление в мире. Именно поэтому посвященный муж (*цзюньцзы*) тщательно следит за своими славой: «в них не должно быть и крупички неточности».

И если ошибка в названии и имени простибельная для простолюдина, то она абсолютно непростибельна для *цзюньцзы*, поскольку именно он должен своими словами, молитвами и заклинаниями упорядочивать этот мир.

И для Конфуция здесь становится очевидной причина развала отношений гармонии в Поднебесной – потеря соответствия между именем и сущностью, произносимым звуком и явлением, которое он должен обозначать. Некие люди называют себя «достойными правителями», но не способны выполнить свои функции, приведя народ к процветанию. Правитель перестал быть истинным правителем, чиновник – праведным чиновником, отец – отцом, сын – сыном. Поэтому надо вернуться к истинному смыслу этих названий, привести их в соответствие с внутренней сутью вещей.

Но почему же именно это оказывается столь важным для Конфуция? Разве недостаточно соблюдать правила и ритуалы, почтительность к родителям и старшим, заботиться о младших? Да, этого достаточно лишь в том случае, если все эти принципы действительно реализуются на практике, а не представляют собой лишь притворство и механистическое следование правилам, против чего всегда выступал Учитель. «Название», или «имя», (*мин*) в архаической традиции не просто звук – оно порождает сущности, оно формирует реальность. И ошибка в имени тотчас воплощается в искажении реальности.

Но его мысль об «упорядочивании названий» уже многим непонятна и вызывает отторжение. В эпоху политических интриг, военных походов, смены административных моделей управления царствами столь мистическая концепция возвращения к неким «истинным названиям» кажется уже непонятной, уже слишком далекой от действительных нужд правителей. Никто не возражает против введения справедливых законов и установления эффективных налогов, но воспринять всю

концепцию *чжэнмин*, положив ее в основу управления, так никто и не согласился. Это была еще одна почти утопическая идея Конфуция, принесенная им из мира мистики в мир государственных дел и политических споров. Но он продолжает настаивать!

Как только его собираются пригласить в управление царством Вэй, он тотчас предлагает начать с «исправления названий». Даже его ученик Цзы Лу поражен: «Неужели, Вы, Учитель, собираетесь продолжать настаивать на этом?!» Но Конфуций непреклонен – «исправление названий» должно быть произведено, и только это может мистическим образом исправить все беды Поднебесной. Более того – такое «исправление названий» порождает целую цепочку изменений в мире. И речь уже идет не о каких-то «именах», но о восстановлении утраченной связи человека и Неба, о возрождении древнейшей традиции гармонии мира духов и мира людей. Конфуций объясняет непонятливому Цзы Лу: «Если названия не соответствуют своей сущности, то и слова противоречат действительному положению вещей. Если слова противоречат положению вещей, то и дела не будут исполняться. А когда дела не исполняются, то Правила и музыка оказываются недейственными. Если Правила и му-зыка недейственны, то наказания не будут справедливы. А когда наказания не справедливы, то народ не знает, как с пользой распорядиться силой своих рук и ног». Значит, государству надо заниматься тем, чтобы привести всех людей, в том числе и чиновников, в соответствие с их функциями и способностями.

Чжоуский правитель на прогулке в сопровождении слуг

Этому предложению Конфуцию поучаствовать в делах управления царства Вэй предшествовала история, которая, в общем, была характерна для той эпохи. Но она неприятно поражает стареющего Учителя. Наследник правителя царства Вэй Куайтуй, стыдясь развратного поведения своей матери Наньцзы, решил умертвить ее. Но план проваливается, и ему приходится бежать из царства. Отец бежавшего –

правитель царства Лин-гун, ошеломленный вероломством сына и нарушением всех приличий, решает сделать своим наследником второго сына – Ина, но тот отказывается. Вскоре правитель умирает, и его вдовствующая правительница вновь хочет передать престол Ину, но вновь получает отказ. И тогда престол приходится передать сыну бежавшего старшего сына – Чу-гуну, внуку умершего правителя. Сам же Чу-гун враждовал со своим отцом. Итак, в одном семействе получается так, что все враждуют со всеми. Младший сын, нарушая все правила сыновней почтительности, отказывается принять трон, старший сын устраивает заговор против своей же матери. Поэтому Конфуций и требует, что прежде всего надо «восстановить истинный порядок названий».

Его отношение к официальному участию в делах управления могло показаться странным для служивого мужа того времени. С одной стороны, он никогда не стремился получить официальный пост, хотя ему неоднократно предоставлялась такая возможность. С другой стороны, он действительно все время служил правителям, иногда занимал невысокие должности и никогда не жаловался на то, что его советы не принимались во внимание. Но он подчеркивал, что все же в делах реального управления участвует, и его роль здесь значительно выше, чем роль чиновника средней руки. Он управляет именно мистическим образом, устанавливая равновесие между Небом и правителем.

Отношения Конфуция с государством были странными и необычными. Он несколько раз занимал официальные посты, но понимал, что ни на одном из них так и не смог добиться воплощения своего нравственного идеала.

Отвечая на вопрос, почему он сторонится прямого участия в управлении царством, он очень тонко подчеркивает эту особенность «сокрытого управления»: «В «Каноне истории» говорится: «Когда надо проявлять сыновнюю почтительность – проявляй ее, будь дружен со старшими и младшими братьями». В этом и кроется суть управления. Таким образом, я уже участвую в управлении. К чему же непременно занимать высокий пост?» (II, 21). Здесь примечательны две вещи. Во-первых, сам мотив косвенного, мистического сокрытого управления, когда дела в государстве творятся не путем прямого администрирования, а установления некоего равновесия между мудрейшими. Мотив этот не нов – он вообще звучит у мистиков того времени, достаточно вспомнить, например, Лао-цзы: «Лучший правитель – тот, о котором народ не знает».

В другой раз Конфуций согласился принять пост. Какие же аргументы понадобились, чтобы убедить его? К мудрецу обратился некий Ян Хо, занимавший одну из высших чиновничьих должностей в царстве Ци и влиявший на политику царства Лу:

– Можно ли назвать человеколюбивым человека, который, накопив богатства, позволяет государству сбиться с пути? Я бы таковым не назвал его. Можно ли назвать мудрым такого человека, который, будучи всегда готовым участвовать в общественной жизни, всегда отклоняет такую возможность? Я бы таковым не назвал его. Дни и месяцы уходят. Время не на нашей стороне.

Конфуций ответил кратко:

– Хорошо, я приму пост.

Обладая тайным Учением, известным мастерством наставника и большими духовными силами, он может сделать выбор – укрыться от людей, став

отшельническим Учителем, окруженным небольшим количеством учеников, или подарить свои знания достойным правителям. Что он выберет? Конечно, последнее. Его философия – это философия именно служивого мужа. Уединенное отшельничество и скитания по царствам с учениками есть лишь вынужденное явление. Он, как сам признается, «ждет ценителя» и не стесняется сравнения себя с «куском прекрасной яшмы». Его ученик Цзы-гун прямо спрашивает Учителя о его выборе: «Вот кусок прекрасной яшмы. Спрятать ли нам ее в шкатулку или же постараться продать ее за хорошую цену?» Конфуций не задумывается: «Продать, продать!» (IX, 13). Но вот исток истинной драмы – достойного «покупателя» не находится. Он вышел из чертогов древних посвящений и магических ритуалов, он готов использовать их силу на благо служения любому достойному правителю.

Он хочет, чтобы его позвали, он не может понять, как достойный и искренний муж может оказаться не востребованным в этой жизни. Он искреннее и честно, некорыстолобовиво и с открытым сердцем предлагает использовать эти знания для установления гармонии в царствах. Гармонии не земной, но гармонии небесной, что устанавливается между Небом и людьми. Увы, это уже не нужно, как и не нужен такой странный персонаж, как Конфуций, отделившийся от мира древних мудрецов, но так и не способный овладеть практицизмом государственного чиновника. Короткий его период государственной службы оказался не очень удачным. Конфуций оказался плохим чиновником. Он действительно страдает от этого, он причитает: «Я не был использован на государственной службе» (IX, 7).

Но что может составить тот стержень, тот движитель, который заставляет человека служить в этой жизни? Конечно же, долг (*и*). Не приказ, не закон, а внутренний нравственный долг. А подчинение приказам – это просто выполнение долга. Долг – ключевое понятие в проповеди Конфуция. Подданный должен служить государю, государь – заботиться о подданных.

Где истоки этого долга? Естественно, в глубокой древности, когда все жили, опираясь на нравственные понятия, которые и старался вернуть к жизни Конфуций. Для Конфуция существует понятие долга как продолжения человеколюбия и справедливости, как части Ритуала. Долг заключен прежде всего в том, что мистический Ритуал жизни необходимо исполнить до конца.

Долг... Долг во всем, и вся жизнь – как высшее долженствование. В конечном счете долг по отношению к государю, к отцу, к старшим всегда оборачивается долгом человека перед Небом,

Конфуций – реалист в управлении государством, хотя как политик он все же не состоялся. Так или иначе, он отмечал: «Если руководить народом с помощью законов и призывать порядок с помощью наказаний, народ будет стремиться избежать наказаний и не будет испытывать стыда. Если же руководить народом с помощью добродетели и вносить в народ порядок с помощью Ритуала, то народ познает стыд и исправится».

Смута и волнения опасны тем, что народ отвлекается от своих основных обязанностей: не пашет землю, бросает ремесла, да и просто уходит в другие царства. Он точно говорит: «В государстве, где царит хаос, люди не живут».

Сам же народ надо кормить и воспитывать – вот два шага, которые должен предпринимать каждый правитель по отношению к своим подданным. Воспитание народа становится вообще одним из лейтмотивов всей жизни Конфуция, не случайно он вошел в историю именно как Учитель, наставник. Его ученик Жан Ю спрашивает Учителя, когда они направляются из родного царства Лу в Вэй:

- Когда народ столь многочислен, то как же его направлять?
- Прежде всего, надо дать ему разбогатеть, – ответил Учитель.
- А когда он разбогател, – вновь спросил Жан Ю, – то как его дальше направлять?
- А вот теперь его надо воспитать (XIII, 9).

Однако само воспитание имеет в устах Кун-цзы особый смысл. Это прежде всего привитие людям ритуальных навыков и норм поведения, при которых «чиновник всегда бы оставался чиновником, отец – отцом, сын – сыном», когда бы четко соблюдался исходный порядок вещей во вселенной. Воспитание – не передача знаний, не обучение канонам (это должно быть доступно избранным), а выработка способности следовать высшим предписаниям. Но – и это очень важно для Конфуция – сначала народ надо накормить, голодный и озлобленный человек своей энергетикой способен лишь разрушить гармонию Поднебесной.

Он не осуждает и не отрицает материальное благополучие, хотя сам никогда не был богатым, а иногда и бедствовал. Более того, для него достаток – необходимое условие воспитания народа. В другой раз он говорит: «Быть бедным и не роптать – трудно. Быть богатым и не зазнаваться – легко» (XIV,10).

И если сам Конфуций очень жестко относится к тем, кто нарушает Ритуал как форму общения с духами предков, то он чрезвычайно снисходителен к тем, что нарушает обиходные правила.

Однажды властительный князь Цзи Кан-цзы предложил достаточно простой способ

решения конфликтов:

– А что, если убивать тех, кто Пути-Дао не следует?

– Если управляете, – ответил Конфуций, – зачем же убивать? Если сами устремитесь к добру, то и народ станет добрее. Нрав правителя подобен ветру, а нрав народа – траве. Куда дует ветер, туда и клонится трава.

Конфуций решительно отвергает убийства как способ урегулирования дел в государстве, ибо несправедливые подданные – это вина правителя, именно он должен воспитывать их своим примером.

Великий Учитель, несмотря на все его многочисленные неудачи в самостоятельном управлении областью, в истории выступает не как романтик «первобытного утопизма», но как жесткий прагматик, он постоянно говорит об умении «использовать»: «использовать людей», «пользоваться ритуалом», «использовать подданных», «использовать народ в надлежащую пору» (1, 5). И порою он кажется дидактиком управления, неким древним типом «менеджера-управленца» (не случайно сегодня столь популярным в КНР стало образ «конфуцианского бизнесмена» – удачливого, но честного). Но нет, за каждой его фразой скрывается подтекст, абсолютно понятный слушателям и читателям последующих поколений, подтекст, описывающий ритуальное поведение человека в мистическом пространстве бытия. Конфуций выступает как мудрый проводник-шаман, обучающий людей тому, как пройти по этому могучему, пугающему и одновременно имманентно присущему пространству, не ошибаясь и не сгибнув. Именно для этого конфуцианцы в своих работах столь большой упор делают на сакральные слова, столь схожие с архаическими заговорами – не таковы ли термины «ритуал», «человеколюбие», «долг» и другие конфуцианские понятия? Конфуций в какой-то мере сыграл дурную шутку: он заставил все последующие поколения китайцев, впрочем, равно, как и западных исследователей, спорить о том, что означают эти понятия, как следует их трактовать, как поступать в соответствии с их истинным смыслом (*чжэн и*). Но как раз «истинного смысла» у них и нет, это – слова-пустышки, некие путеводные вехи, которые сами по себе ничего не означают, кроме как вонзенных в землю палок, и лишь указывают на потенциальное наличие правильного пути, пути по этому мистическому пространству, которое в своей совокупности уже недоступно людям времен Конфуция.

Лишь правитель в полной мере может обладать и магическими способностями-*жэнь*, и благодатью-*дэ*. Воспринимая их от Неба, он, как медиум, спускает это на своих ближайших чиновников и на народ, устанавливая гармонию в Поднебесной. И поэтому Конфуций служит правителю не как начальнику, но как воплощению этой силы. И решительно уходит, если эта благодать иссякает из-за нарушения Ритуалов.

Правители, по его мнению, есть и у других, «варварских» народов. Но правители не благодатны, а вот китайцы (в ту пору еще протокитайская этническая общность *ся*), даже оставшись без правителей, могут сохранять благодать (III, 5).

Перед истинными правителями, которые сохраняют постоянную связь с Небом, он благоговейно трепещет. К правителю он относится именно как к носителю благодатной энергии. Тот для него не столько человек, сколько персонифицированный дух, в котором воплощается вся энергетика предков. Когда Конфуций заболевает и правитель приходит его навестить, хотя мудрец и болен, но все равно принимает правителя по ритуалу Он отворачивает голову от востока, так как по ритуалу правитель должен сесть в западном углу, и Конфуций поворачивается

к нему лицом. А поскольку Учитель лежит и не может одеться, то просто накрывается парадной одеждой и перекидывает поверх пояс – теперь он готов встретиться с воплощенным духом (X, 19). Стоит правителю вызвать его к себе, он отправляется к нему пешком, даже не дожидаясь, пока запрягут лошадей (X, 20), а переступая порог зала правителя, он «сгибался до пола», и голос его начинал дрожать.

Жизнь Конфуция – постоянное служение. Служение правителю, духам, долгу. Он служит постоянно, он держит себя в дисциплине сознания и тела ежемгновенно.

«Лунь юй»: искусство управления государством

I, 5

Учитель сказал:

– При управлении государством, что способно выставить тысячу боевых колес–ниц, сохраняй благоговейную сосредоточенность и добивайся доверия народа. Будь экономен в расходах и жалея людей. Используй народ в надлежащую пору.

I, 10

Цзы Цинь спросил Цзы Гуна:

– Когда Учитель приезжал в какое-нибудь государство, он непременно хотел узнать о методах управления. Он сам вопрошал или ему рассказывали?

Цзы Гун ответил:

– Учитель получал все это, ибо был приветлив, открыт, уважителен, скромн и уступчив. Да и стремления его были иные.

Цзы Цинь – возможно, один из учеников Конфуция. Цзы Гун – ученик Конфуция.

II, 1

Учитель сказал:

– Осуществление правления, опираясь на добродетель, подобно Полярной звезде. Кажется, она замерла на своем месте, а все другие звезды движутся вокруг нее.

II, 3

Учитель сказал:

– Если наставлять народ путем правления, основанного на законе, и поддерживать порядок через наказания, то народ станет избегать наказаний и лишится чувства стыда. Если наставлять народ путем правления, основанного на добродетели, и поддерживать порядок путем использования Ритуалов, то у народа появится чувство стыда и он исправится.

VI, 2

Чжун Гун спросил о Цзысан Боцзы.. Учитель ответил:

– Годится – он нетребователен.

Чжун Гун сказал:

– Разве можно управлять народом, будучи нетребовательным и к себе, и к поступкам других? Разве сочетание нетребовательности к себе и к поступкам других не является собой слишком уж большую нетребовательность?

Учитель ответил:

– Да, ты абсолютно прав.

Цзысан Боцзы – его личность не идентифицирована. Возможно, это пер–сонаж легендарного памятника древности «Чжуан-цзы» Цзысан Ху. По другой версии, речь может идти о Цзысане, видном чиновнике при дворе циньского правителя Му-гуна.

II, 19

Ай-гун спросил:

– Как заставить народ повиноваться?

Конфуций ответил:

– Если возвышать честных над бесчестными, народ будет повиноваться. А если возвышать бесчестных над честными, то народ слушаться не станет.

Ай-гун – правитель царства Лу в 494–466 гг. до н. э.

VI, 8

Цзи Канцзы спросил Конфуция:

– Можно ли Чжун Ю привлечь к управлению?

Учитель ответил:

– Ю – человек решительный. Какие могут быть сомнения в допуске его к управлению?

Цзи Канцзы вновь спросил:

– Ну, а Цы можно ли привлечь к управлению?

Учитель ответил:

– Цы – человек разумный. Какие могут быть сомнения в допуске его к управлению?

Цзи Канцзы спросил:

– А вот Цю можно ли привлечь к управлению?

Учитель ответил:

– Цю – человек талантливый. Какие могут быть сомнения, допускать его до управления или нет?

VIII, 9

Учитель сказал:

– Народ можно принудить [следовать указанному пути], но нельзя заставить его понять, ради чего это следует делать.

XIII, 1

Цзы Лу спросил о сущности правления. Учитель ответил:

– Прежде всего побуждай народ своим личным примером, а затем дай ему возможность усердно трудиться.

Цзы Лу попросил пояснить, что это значит, и Учитель сказал:

– Никогда не ленись.

XIII, 2

Чжун Гун, став управляющим в семье Цзи, спросил о сущности управления. Учитель ответил:

– Будь примером для тех, кто служит рядом с тобой, мелкие ошибки прощай, талантливых – выдвигай.

Чжун Гун спросил:

– А как же узнавать талантливых и выдвигать их?

Учитель ответил:

– Выдвигай лишь тех, кого знаешь. А если среди тех, кого не знаешь, найдутся талантливые, то разве они останутся неизвестными для людей?

XIII, 6

Учитель сказал:

– Если сам правитель прям, то народ все исполняет и без приказов. Если же правитель не прям, то народ не будет повиноваться, сколько бы приказов ни издавалось.

XIII, 11

Учитель сказал: *«Сто лет у власти в государстве добрые люди – и вот уже*

нет жестокостей и казней». Как верны эти слова!

XIII, 15

Дин-гун спросил:

– Можно ли за счет лишь одного слова достичь процветания страны?

Кун-цзы ответил:

– Одним словом такого не свершить. Впрочем, говорят: «Быть правителем очень трудно, да и сановником быть также нелегко». Если правитель понимает, сколь трудно его управление – разве это не близко к тому, когда одним словом можно достичь процветания страны?

Тогда Дин-гун вновь спросил:

– А можно ли одним словом погубить государство?

Кун-цзы ответил:

– Одним словом такого не свершить. Впрочем, говорят: «При управлении государством нет у меня иной радости, кроме той, когда никто не перечит ни единому моему слову». Если никто не перечит праведным словам, разве это плохо? Но если никто не перечит неправедным словам, не близко ли это к тому, когда одним словом можно погубить государство?

XIII, 16

Шэ-гун спросил, в чем сущность истинного правления. Учитель ответил:

– Надо добиться такого положения, когда вблизи радуются, а издалека стремятся прийти.

XIII, 17

Цзы Ся стал главой уезда Цюйфу. Он спросил Учителя о сущности правления. Учитель ответил:

– Не торопись и не гонись за мелочами. Будешь торопиться – не дос–тигнешь цели. Погонишься за мелочами – упустишь большое дело.

XIV, 17

Цзы Гун сказал:

– Разве Гуань Чжун был человеколюбивым? Когда Хуань-гун убил Гунцзы Цзю, то он не только не покончил с собою, но и стал первым советником Хуань-гуна.

Учитель ответил:

– Гуань Чжун, став первым советником Хуань-гуна, помог ему сделаться гегемоном [среди царств], объединил и выправил Поднебесную. Народ до сих пор пользуется его благодеяниями. Если бы не Гуань Чжун, мы ходили бы с распущенными по спине волосами и запаховали одежду на левую сторону, как варвары. Разве мог он умереть, закончить свои дни как безвестный просто–людин – в придорожной канаве?

Речь идет об истории, когда Хуань-гун убил своего брата Гунцзы Цзю. Первый наставник и советник Гунцзы Цзо покончил с собой, отказавшись служить новому господину. Другой же наставник, Гуань Чжун, остался жив и даже не покинул службы, как того предписывали традиции. Конфуций видит заслугу Гуань Чжуна в том, что он помог Хуань-гуну восстановить процветание в царстве. Гуань Чжун был одним из основателей школы легистов.

XIV, 19

Учитель, рассуждая о правителе царства Вэй Лин-гуне, сказал, что он сошел с Дао. Канцзы спросил:

– Если так, то почему же он не потерял царство?

Учитель ответил:

– У него Чжуншу Ю ведает приемом гостей из других царств, Чжу То – жертвоприношениями, Вансунь Цзя – военными делами. При таких советниках как он может потерять царство?

Правитель царства Вэй Лин-гун процарствовал 42 года (534—493 гг. до н. э.) и отличался беспутством и несправедным поведением. Но его достойные чиновники сумели сохранить его правление – здесь Конфуций выделяет роль добродетельных служивых межей, которые даже при недобром правителе могут исправить положение.

XIX, 10

Цзы Ся сказал:

– Благородный муж прежде всего должен добиться доверия народа, и только после этого может понуждать его трудиться. Не добившись доверия, он обрекает себя на роль насильника. Сначала он добивается доверия и правителя, и только после этого может его увещевать. Если не добьется доверия, его

увещевания посчитают за злословие.

XX, 2

Цзы Чжан обратился с вопросом к Конфуцию:

– Что требуется для успешного управления государством?

Учитель ответил:

– Надо почитать пять хороших качеств и избавляться от четырех скверных качеств – вот тогда можно успешно управлять государством.

Цзы Чжан спросил:

– Что такое «пять хороших качеств»?

Учитель ответил:

– Это когда благородный муж добр, но не расточителен. Когда он понуждает народ к труду, но не вызывает его гнева на вышестоящих. Когда он желает обрести что-то, но не испытывает алчности. Когда он величав, но не высокомерен и, наконец, когда грозен, но не свиреп.

Цзы Чжан спросил:

– Как понимать «добр, но не расточителен» и другие слова?

Учитель ответил:

– Приносить народу пользу, исходя из того, что выгодно народу, – это доброта, но не расточительность, не так ли? Если народ понуждать к посильному труду, разве будет он гневаться? Если желать человеколюбия, можно ли говорить об алчности? Благородный муж не выказывает пренебрежения к людям, будь их много или немного, и к делам, будь они великие или малые, – разве это не величие без высокомерия? Благородный муж сообразно Правилам носит одежду и шапку, взгляд его полон достоинства, поэтому люди взирают на него с уважением – это и значит быть грозным, но не свирепым, не так ли?

Цзы Чжан спросил:

– А что же такое «четыре скверных качества»?

Учитель ответил:

– Когда вместо того, чтобы воспитывать людей, их казнят, – это называется жестокостью. Когда, не предупредив заранее, требуют немедленного исполнения – это называется насилием. Когда медлят с распоряжениями, но настаивают на их скором выполнении, – это называется пагубным для дела. Когда обещают награду, но проявляют скардность при выдаче ее – это чиновничья мелочность.

Учитель, что стал Колоколом

Ученики для того Конфуция, который вошел в историю, – часть его образа, обрамление его мудрости и передача традиции. Как-то, обращаясь к ним, он говорит: «Небо скоро сделает вашего Учителя языком колокола» (или в, другом переводе – «сделает Колоколом») (III, 24). Трактовка здесь не сложна – этот деревянный язык колокола должен пробуждать звуки, отклики в душах учеников и последователей на много веков вперед. Он предвидит это и сообщает об этом откровении своим ученикам.

Именно ученики сыграли, пожалуй, самую важную роль в сбережении образа Конфуция. Их было более сотни, но лишь несколько десятков вошли в историю. Именно они бережно и непредвзято записывали изречения своего учителя, вероятно, сами до конца не понимая, важно или нет для вечности то или иное его высказывание.

Сколько прямых учеников было у Учителя? Казалось бы, исторические свидетельства и генеалогические книги школы должны были донести до нас их точное число, ведь это, по существу, указатель на линию преемственности мудрости от Конфуция к последующим поколениям. Но здесь повторяется та же ситуация, что и с биографией Конфуция. За кажущейся ясностью и логичностью изложения скрываются путаница, разночтения и несуразности. Безусловно одно: точное количество учеников Конфуция не известно, что, впрочем, не удивительно – далеко не все следовали за Конфуцием во всех его странствиях или постоянно находились рядом. С другой стороны, часть людей могли назвать его своим учителем даже в том случае, если Конфуций лишь раз побеседовал с ними. В анналы истории вошла цифра три тысячи учеников – именно так свидетельствуют «Исторические записки» Сыма Цяня, которые, однако, как мы уже знаем, передают, в основном, предания, а не реальные факты того периода [12, гл. «Кунцзы чжуань», с. 1938]. Это, конечно, колоссальное, почти невероятное число, и сегодня трудно предположить, чем руководствовался составитель «Исторических записок» в этом пассаже его «Жизнеописания Конфуция». Но лишь семьдесят или семьдесят два ученика стали считаться ближайшими последователями – именно это число чаще всего фигурирует в различных биографиях Конфуция. Об этом пишет «Мэн-цзы», упоминается в труде другого философа «Ханьфэй-цзы», в трактате даосского толка «Хуайнань-цзы» и некоторых других. Говорит о них и Сыма Цянь, причем в несколько странном контексте: он пишет о том, что среди учеников Конфуция тех, «кто был искушен в шести искусствах, было семьдесят два человека». Речь идет о классических «шести искусствах», в которых должен был упражняться всякий достойный аристократ эпохи Чжоу: ритуалах, музыке, стрельбе из лука, управлении колес–ницей, письме и искусстве счета.

Примечательно, что Сыма Цянь выделяет эти семь десятков учеников из всех остальных не столько по принципу близости к самому Конфуцию, сколько по их совершенству в «шести искусствах». Тем самым он, по сути, признает, что не в состоянии объяснить сам метод выделения «ближайших последователей» Учителя. Да и само число ближайших учеников для Сыма Цяня было не очень ясным – он просто передавал разные версии, сводя их воедино: он то говорит о семидесяти двух учениках, то о семидесяти семи. Более того, он перечисляет по именам лишь тридцать шесть из них, при этом шесть имен вообще не встречаются в «Лунь юе», а часть персонажей фигурируют в «Лунь юе» не как ученики Конфуция, а как просто люди, которые встречались с ним. Разумеется, он не выдумывает эти имена, Сыма Цянь просто в свойственной китайскому историку манере методично и малоосмысленно «складывает» вместе все возможные версии, истории, разночтения, предоставляя последующим поколениям разбираться в этом вопросе.

***Любимый ученик Конфуция Янь Хуэй умер в раннем возрасте
(скульптура из мемориала Конфуция Цюй Фу)***

Сколько учеников фигурирует в самом «Лунь юе»? Исследователи, используя разные методы подсчетов, причисляют к ученикам традиции «Лунь Юя» двадцать пять – тридцать человек. В любом случае, речь о «сотнях учеников» здесь не идет.

Из нескольких десятков учеников лишь несколько человек сыграли действительно важную роль в сохранении мысли своего учителя. Это Цзэн Шэнь (505–436 г. до н. э.), прозванный Цзэн-цзы – «Мудрец Цзэн», Цзы Ся (или Бу Шан, 507–?), Цзы Ю (или Жань Цю, 522–489), Цзы Чжан (или Чжуаньсунь Ши, 503 г. до н. э. –?), Ю Цзя (или Ю

Жо, 508–?). Скорее всего – они образовали в последний период жизни учителя и после его смерти тот узкий круг учеников, которые бережно записывали все сказанное наставником, а потом приложили все силы, чтобы эти высказывания получили широкое хождение по царствам Центральной равнины. Они главным образом и составляли костяк школы, получив от Конфуция полную традицию. Косвенным указателем на это является тот факт, что они все вместе упоминаются в важнейшем сборнике «Ли цзи» («Записи о Ритуале») именно как группа единомыслящих последователей. Стоит обратить внимание и на то, что если другие ученики лишь упоминаются в «Лунь юе», высказывания этих пятерых вошли в основной текст трактата, причем высказывания не о Конфуции, а самостоятельные философские суждения.

Ученики Конфуция в подавляющем большинстве были людьми знатными, подобно Конфуцию, из средних и мелких аристократических родов. Среди них было немного простолюдинов: Конфуций считал, что простой народ надо образовывать и воспитывать, но его священное Знание им вряд ли было доступно. Вместе с тем, Конфуций подчеркивал, что его Учение доступно каждому, кто открыт своей душой – и одним из его наиболее любимых учеников становится Янь Хуэй, происходивший из бедной крестьянской семьи царства Лу.

Последователи великого наставника явно не были ни однородными по своим устремлениям, ни одинаковыми по своим талантам. Среди них выделялись четыре группы «по специализации»: одни были «самыми способными в осуществлении добродетелей», другие были «искушены вести беседы», третьи – в государственных делах, четвертые были знатоками в культуре или гражданских дисциплинах (*вэнь*) (XI, 3). Из текста не ясно, кто выделял эти четыре группы (а всего к ним причислено лишь десять учеников) – то ли сам Конфуций, то ли составители текста.

Он по-разному оценивает способности и качества своих учеников. Одних он высоко ценит; к другим относится снисходительно; третьи вызывают его искреннее восхищение; над потерей иных он скорбит так, что по нескольку дней не выходит из дома и не принимает пищи. Но примечательно, что основными носителями конфуцианской доктрины стали не они. Ученики Конфуция, как и положено благородным мужам, предпочитали не выставлять себя на люди, быть «скромными с достоинством», умели ценить себя и быть гордыми (один из учеников утверждал, «что его можно даже убить, но шапку он не снимет»).

Когда скончался ученик Конфуция Янь Юань, остальные ученики решили устроить ему пышные похороны. Они считали, что именно это соответствует истинному Ритуалу. Но их удивили слова Конфуция, который заметил: «Этого делать не следует». Нетрудно понять: Учитель боялся, что богатый внешний ритуал перебьет в душах учеников внутреннее, личностное переживание. Более того, Конфуций видел в учениках своих детей и на умершего Янь Юаня смотрел как на сына. Разве может даже самый пышный похоронный обряд возместить утрату собственного ребенка? Увы, ученики не поняли всей мудрости совета Учителя и поступили по-своему. Конфуций не стал их корить, он лишь с грустью заметил: «Янь Юань относился ко мне как к отцу, а я не смог отнестись к нему как к сыну. Это не я, а вы, ученики мои, так поступили!» (XI, 11).

В этом эпизоде – все величие истинного Учителя. Ведь лучшие ученики не послушались его, а он не бранится, хотя из-за их поступка Конфуций «потерял сына», т. е. не смог исполнить настоящего, внутреннего Ритуала, как того требовала смерть ученика. Такова китайская традиция – истинный наставник не поучает, а лишь незаметно и плавно подводит к правильному поступку. Он оставляет ученикам

свободу выбора, уважая личность в человеке, не ограничивает их и, более того, дает сделать ошибку. Ведь именно в этом случае ученики сами способны осознать, что сделали, покаяться и больше не повторять ошибку. Не страшно совершать промахи – непозволительно их не замечать и повторять вновь и вновь. Конфуций как-то заметил: «Лишь то можно считать ошибкой, что не исправлено».

Он подходит к своим ученикам именно как к последователям, как к продолжателям традиции. И бывает весьма строг, если те нарушают не столько его предписания, сколько дух самого его Учения. Для него важно не только формальное следование Правилам (хотя в этом он весьма преуспел), но соблюдение заветов Учения в душе. «Лунь юй» передает нам случай, когда аристократ Циши решил повысить поземельный налог, а один из учеников Конфуция – Жан Цю «помог в приумножении его богатства». Конфуций, узнав об этом, отказывается от ученика со словами: «Он не мой ученик. Вы можете, развернув флаги, с барабанным боем напасть на него» (XI, 17). По сути, Конфуций подвергает своего бывшего ученика публичному ostracismu и призывает к этому своих последователей. Мэн-цзы прокомментировал так эту историю из жизни Конфуция: «Из этого можно видеть, что Конфуций отторгал тех, кто помогал правителям приумножить богатства, при этом не отдавая дань уважения добродетельному правлению» (IVa, 17).

Но со временем его отношение к ученикам становится все жестче и жестче. Он внезапно понимает, что не может видеть в них истинных последователей. Они для него – нерадивы и ленивы, они не хотят постигать истинное Учение, но лишь механически повторяют его слова. Для них внутренний, великий Ритуал слияния с Небом уже не доступен.

Ученики его часто расстраивают именно тем, что не могут размышлять над сказанным наставником. Он поражен тем, что весь день проговорил с одним из своих любимых учеников Янь Хуэйем, а тот «подобно глупцу, ни разу не возразил мне». Впрочем, тут же одергивает сам себя: «Когда он ушел, я все же убедился, что Хуэй отнюдь не глупец» (II, 9). Конфуций на своем примере готов показать ученикам, что такое – постигать суть человека без скороспелых выводов. Но в другой раз он опять расстроен: «Хуэй мне не помощник, он доволен всеми моими суждениями» (XI, 4).

Кажется порою, что он не видит в них тех, кто может понести Учение дальше – они не понимают его, медлительны в своих мыслях, слишком по-школярски пытаются понять его мысль. Именно про них, своих ближайших и лучших учеников, он скажет: «Чай глуповат, Шэнь туповат, Ши лицемерен, а Юй грубоват» (XI, 18). «Туповатый Шэнь» – это один из лучших последователей Учителя, тот, кто многое сделает для распространения учения, Цзэн Шэнь или Цзэн-цзы. У Цзэн-цзы уже были свои ученики. «Лунь юй» рассказывает, что «Когда Цзэн-цзы заболел, он призвал своих учеников и сказал им: «Посмотрите на мои ноги, посмотрите на мои руки». В «Каноне песнопений» сказано: «Будь осторожен! Будто стоишь ты на краю бездны, будто идешь ты тонкому льду». Лишь сейчас я понял, как избежать недугов, мои ученики!» (VIII, 3).

Многие ученики Конфуция сделали более удачную карьеру, чем он, руководствуясь советами и своего Учителя, но обладая меньшими амбициями и более скромной самооценкой. Одни заняли видные должности в его родном царстве Лу, другие стали советниками при дворах правителей в других царствах. Например, его ученик Цзы Гун, «отказавшись принять Небесное повеление (т. е. принять Учение Конфуция – А.М.), занялся торговлей и приумножает богатство» (XI, 19). Не это ли трагедия для Конфуция – ученики, поступаясь Учением, оказываются более успешными, тем самым показывая, что время тайной духовной проповеди уже прошло?

«Лунь юй»: ученики и школа

XI, 9

Учитель сказал:

– Я проговорил с Хуэем целый день, а он, подобно глупцу, ни разу не возразил мне. Но когда он ушел, я, озирая его жизненный путь, убедился, что Хуэй отнюдь не глупец.

Хуэй – Янь Хуэй, один из самых способных учеников.

V, 9

Учитель спросил Цзы Гуна:

– Кто из вас способнее – ты или Хуэй?

Цзы Гун ответил:

– Как смею я сравниться с Хуэем? Хуэй, услышав об одном, знает уже все десять. А я, услышав об одном, знаю лишь о втором.

Учитель сказал:

– Не ровня. Я согласен, ты ему не ровня.

VI, 7

Учитель сказал:

– Сердце Хуэя могло по три месяца оставаться человеколюбивым, тогда как других хватает на день или месяц.

VI, 11

Учитель сказал:

– О, какой достойный человек Хуэй! Он довольствуется одной чашкой риса и утоляет жажду из тыквенной фляги, ютится в нищем закоулке. Другие не вынесли бы таких лишений, а он всегда весел. О, сколь достоин Хуэй!

VIII, 5

Цзэн-цзы сказал:

– Будучи способным, он мог учиться у неспособного. Обладая большими знаниями, он мог спрашивать даже у незнающего. Будучи ученым, не боялся выглядеть как неуч. Обладая Знанием, он мог выглядеть как не обладающий им; наполненный, [не боялся] казаться пустым; и если ему кто-то наносил обиду, он никогда не старался ответить. Именно так вел себя один мой старый друг.

Скорее всего, речь идет об ученике Конфуция – Янь Хуэе.

XI, 4

Учитель сказал:

– Хуэй мне не помощник, он доволен всеми моими суждениями.

IX, 20

Учитель сказал:

– Всегда внимательным к моим словам был, пожалуй, один Янь Хуэй.

IX, 21

Конфуций сказал о Янь Юане:

– Как жаль мне его! Я всегда видел егодвигающимся вперед и никогда не видел, чтобы он останавливался.

Конфуций произнес эти слова на могиле Янь Юаня (Янь Хуэя) – своего любимого ученика.

XI, 23

Когда Учителю угрожала опасность в местности Куан, Янь Юань отстал от него. Учитель сказал впоследствии:

– Я считал тебя умершим.

А тот ответил:

– Пока Учитель жив, как Хуэй может умереть?

XI, 9

Когда Янь Юань умер, Учитель запричитал:

– О! Небо хочет моей гибели! Небо хочет моей гибели!

XI, 10

Когда Янь Юань умер, Учитель, оплакивая его, тяжело убивался. Кто-то из сопровождающих сказал ему:

– Не слишком ли безутешно горюет Учитель?

Он сказал:

– Безутешно? Если не горевать по таким, как он, то по кому же?

XI, 11

Когда Янь Юань умер, ученики хотели устроить пышные похороны. Учитель сказал:

– Нельзя этого делать.

Но ученики все же пышно похоронили его.

Учитель сказал:

– Хуэй относился ко мне как к отцу, а я не смог отнестись к нему как к сыну. Это не я, а вы, ученики мои, так поступили!

XI, 7

Цзи Канцзы спросил:

– Кто из ваших учеников больше всех любил учиться?

Учитель ответил:

– Янь Хуэй больше всех любил учиться. К несчастью, жизнь его была коротка, он скончался. Ныне таких уж нет.

XI, 8

Когда Янь Юань умер, отец его Янь Лу просил у Учителя повозку, чтобы, продав ее, приобрести саркофаг для гроба. Учитель сказал:

– Каждый должен почитать своего сына, вне зависимости от того, талантлив он или нет. Но вот когда Ли – мой сын умер, у него был обычный гроб без саркофага. Я же не могу пойти на то, чтобы ради покупки саркофага ходить пешком, ведь я же – сановник, и мне не подобает ходить пешком.

Это история относится к тому периоду, когда Конфуций был сановником (дафу) и возглавлял судебное ведомство в своем родном царстве.

V, 4

Цзы Гун спросил:

– Как вы оцениваете меня?

Учитель ответил:

– Ты – сосуд.

– Что за сосуд? – спросил Цзы Гун.

– Жертвенный сосуд в храме предков.

V, 5

Кто-то сказал:

– Юн обладает человеколюбием, но он не красноречив.

– А на что ему красноречие? – возразил Учитель. – Подавлять людей многословием, вызывая в них раздражение... Не знаю, насколько он человеколюбив. Но на что ему красноречие?

Юн – Жан Юн, ученик Конфуция из царства Лу, происходил из бедной семьи.

V, 10

Цзай Юй заснул днем. Учитель сказал:

– Трухлявое дерево не годится для поделок. Стена из навоза не годится для побелки. Так стоит ли упрекать Юя?

И добавил:

– Прежде я верил людям на слово: если сказали – значит, так и сделают. Теперь же я слушаю, что они скажут, и смотрю, что станут делать. Я переменялся к ним из-за Юя.

V, 12

Цзы Гун сказал:

– Не хочу, чтоб меня обманывали. Равно как и сам никого не хочу обманывать.

На это учитель сказал:

—Цы! Этого тебе не добиться.

V, 14

Когда Цзы Лу, услышав что-либо, не мог это исполнить, он боялся опять услышать что-либо похожее.

V, 15

Цзы Гун спросил:

– Отчего Кун Вэнь-цзы – «Просвещенный» получил такое посмертное имя?

– Он был умен и любознателен, – ответил Учитель, – и не стыдился спрашивать советов у нижестоящих. Оттого и дали ему посмертное имя Вэнь-цзы – «Просвещенный».

Кун Вэнь-цзы – сановник из царства Вэй по имени Юй. «Вэнь-цзы» («Просвещенный муж» или «Муж культуры») является его посмертным именем.

VIII, 4

Когда Цзэн-цзы заболел, его навестил Мэн Цзинцзы. Цзэн-цзы сказал:

– Птица перед смертью кричит жалобно, человек же перед смертью о добре говорит. Благородный муж ценит в Дао три вещи. Он требователен к своему поведению, которое должно быть свободно от грубости и надменности. Он сохраняет спокойный вид, и тогда люди проникнутся к нему доверием. В словах и тоне речей он свободен от вульгарностей и ошибок. Что касается такой мелочи, как расстановка жертвенных сосудов, то за это отвечают соответствующие служители.

Мэн Цзинцзы – аристократ из царства Лу.

IX, 27

Учитель сказал:

– Только Чжун Ю не стыдился, будучи одетым лишь в рваный халат на старой вате, стоять рядом с одетым в лисью или енотовую шубу! В «Каноне песнопений» говорится: «Не завидует, не заискивает, разве не может он быть добрым?»

Цзы Лу потом постоянно повторял этот стих, и Учитель сказал:

– Этого недостаточно для достижения добродетелей, так стоит ли за это хвалить?

Чжун Ю – другое имя Цзы Лу.

XI, 2

Учитель сказал:

– Из сопровождавших меня в царство Чэнь и Цай никто уже не входит в мои ворота.

В царствах Чэнь и Цай многие ученики покинули Конфуция.

XI, 3

Среди учеников самыми способными в осуществлении добродетели были Янь Юань, Минь Цзыцянь, Жань Боню, Чжун Гун; в умении вести диалог – Цай Во, Цзы Гун; в государственных делах – Жань Ю, Цзи Лу; в вопросах культуры – Цзы Ю и Цзы Ся.

Конфуций перечисляет учеников, которые его сопровождали в странствиях в царство Чу.

XI, 16

Цзы Гун спросил:

– Кто лучше – Ши или Шан?

Учитель ответил:

– Ши переходит за середину, а Шан не доходит до нее.

Цзы Гун спросил:

– Значит, Ши лучше?

Учитель ответил:

– Переходить так же плохо, как и не доходить.

Чжуаньсунь Ши (Цзы Чжан) и Бу Шан (Цзы Ся) – ученики Конфуция. Считается, что Цзы Ся очень тщательно следовал наставлениям Учителя, но был человек узких взглядов и потому не доходил до середины.

Учение, что умирает в учениках

Конфуций к своим ученикам то чрезвычайно снисходителен, то очень требователен, порою нетерпим к их, казалось бы, небольшим проступкам. И тем не менее лишь ученики для него кажутся единственными, кто способен до конца понять его. Он даже признается, что «лучше мне было бы умереть на руках своих учеников, чем на руках чиновников» (IX, 12). Связано это было с тем, что когда Конфуций заболел и при этом не находился на государственной службе, ему была оказана забота как знатному чиновнику – Учитель счел, что его «обманули» и поступили лицемерно.

И все же Конфуций прекрасно понимает, с кого можно требовать «великого действия», а кто не способен даже на малое. Однажды один из его учеников заснул днем, что было нарушением многих правил поведения, да и просто явным признаком безделья и лени души. Казалось бы, Учитель должен был разгневаться, возмутиться. Но Конфуций не был бы великим Учителем, если бы подходил ко всем с одной меркой. Он просто произнес: «Трухлявое дерево не годится для поделок. Стена из навоза не годится для побелки. Так стоит ли упрекать Юя?» (V, 10). Не всякий человеческий материал годен для изготовления «великого сосуда», и не надо бояться признать это.

Конфуций не сердится на учеников, видя в своих последователях обычных людей с присущими им слабостями. Он понимает, что далеко не каждому дано пройти свой путь к благородному мужу; более того, Конфуций готов признать и свои ошибки в отношении некоторых учеников. По поводу того же заснувшего Юя он говорит: «Прежде я верил людям на слово: если сказали – значит, так и сделают. Теперь же я слушаю их речи, но смотрю, что они сделают. Я переменял свое отношение к ним из-за Юя».

У него бывают разногласия с учениками, по крайней мере дважды один из его любимых учеников Цзы Лу самым непосредственным образом не соглашается с поступками учителя (XVII, 5; XVII, 7), и Конфуций вынужден давать разъяснения своему поведению. Как иногда предполагают комментаторы, обе этих истории носят апокрифический характер и добавлены в «Лунь юй», дабы косвенно показать противоречивость Конфуция. В первом случае Конфуций отправляется служить к аристократу Гуншунь Фужао, который выступил против своего хозяина, в другой раз откликается на призыв Би Синя, который не подчинился указам своего правителя. Все это, действительно, крайне противоречит обычной логике поведения Конфуция, который всегда призывал к почтительности перед правителем. Но все же образ Конфуция значительно более сложен, а сам он более противоречив, чем представляется из его «иконописного образа». Равно как и очевидно, что у него были и противоречия с учениками (они проступают во многих диалогах), и непонимание с их стороны, и резкие выступления со стороны представителей других духовных школ. Стоит признать, что некоторым духом потенциальной конфликтности пронизаны многие пассажи «Лунь юй», в том числе и его диалоги с учениками.

Его нередко осуждают даже его ученики. Для них он не столько идеал традиции, сколько мудрый, но порою малопонятный старец-наставник. Как-то Конфуций отправляется на аудиенцию к правительнице Наньцзы. Его же ближайший ученик Цзы Лу выражает по каким-то причинам недовольство этим. И Конфуций, как бы оправдываясь, восклицает: «Пусть Небо отринет меня, если я сде-лал что-то не так! Путь Небо отринет меня!» (VI, 27). Он уже даже не стремится быть до конца понятыми учениками – они нерадивы, ленивы и не способны поучить высшее знание, постичь его Путь-Дао. Он лишь хочет, чтобы его облик, облик посвященного Учителя, который решил принести свои знания делу служения людям, запечатлелся в памяти учеников.

Но его ученики проявляют трусость и малодушие. Когда Конфуцию угрожают в области Куан, один из его достойных и любимейших учеников Янь Юань (Янь Хуэй) просто отстает от него, но впоследствии вновь появляется (XI, 23).

Его ученики ссорятся между собой, улавливая изменения в настроении учителя. И хотя Конфуций может быть недоволен тем, что даже старательный ученик не может целостно воспринять его Учения, но сами ученики могут расценивать это как милость или немилость учителя. Вот один из его наиболее одаренных учеников Цзы Лу решает исполнить мелодию северных народов, что нападали на китайские царства, прямо у ворот дома учителя. Учитель резко одергивает его, и тотчас все ученики становятся непочтительны к Цзы Лу – ведь, кажется, тот впал в немилость. Но Конфуций уточняет: «Цзы Лу уже поднялся в зал для наставлений, но во внутренние покои еще не допущен» (XI, 15). Это – очень важное уточнение. «Не вошел во внутренние покои» – значит, не считается личным учеником Учителя, которому тот передаст всю полноту истинного Знания. Но тем не менее он учится, и учится

старательно. Учится, как может – «он уже поднялся в зал для наставлений», то есть все же способен слушать Учение. И все же он далек от того, чтобы принять истину.

Вероятно, все эти мелкие уколы пугали и раздражали учеников. Учитель, безусловно, обладает Учением, высшим Знанием. Но кому он передаст его? Ведь буквально все оказываются неспособны его принять. Нет, конечно, был Янь Хуэй – самый талантливый, «лишь он один понимал Учителя». Но Янь Хуэй умер, и Конфуций многократно подчеркивал, что никто не сравнится с ним. Может быть, он делал это еще и для того, чтобы указать ученикам на их нерадивость, духовную нищету, неспособность преодолеть разрыв между формальным знанием и постижением Высшего Учения.

Но даже когда умирает Янь Хуэй (а Конфуций горько лил слезы на его могиле), Учитель поступает очень странно. Отец Янь Хуэя просит у Конфуция продать повозку, дабы купить саркофаг, куда будет помещен гроб с телом сына – именно такой вид похорон предусматривал полный ритуал. И получает решительный и жесткий отказ Конфуция: ведь Конфуций в тот момент служит сановником, и поэтому не может по статусу обойтись без повозки. К тому же напоминает, что когда хоронили его сына, тот тоже обошелся без саркофага. И здесь идея служения государю в качестве чиновника у Конфуция превалирует над идеей служения своим ученикам. Как только он получил свой пост начальника судебной управы в царстве, это тотчас захватило все его мысли.

В конце жизни он вообще становится крайне обидчив на тех учеников, которые не слушают его совета и не следуют его пути. Он не только может их изгнать, но даже в сердцах обратиться ко всем остальным «напасть» на отступника, как это было с Жань Цю (XI, 17).

Его ученики талантливы, усердны, но, увы, никак не способны постичь глубину наставлений своего Учителя. Они слишком формальны в своих знаниях, для них даже священный Ритуал превращен лишь в выполнение каких-то формальных действий. Его радует лишь Янь Хуэй (Янь Юань), «который никогда не стоял на месте», и «лишь он один следовал словам Учителя». Остальные же оказались, по сути, бездарны, несмотря на свои старания. Глядя на тех, кто остался рядом с ним в конце жизни, он с горестью восклицает: «Да, бывает, появляются всходы, но не цветут! Бывает, что они даже и цветут, но все же не плодоносят!» (IX, 22). Не признание ли это великого Учителя в том, что его миссия в передаче традиции и Учения своим ученикам осталась неисполненной?

Это и гнетет его – ученики, что не могут «плодоносить», которые готовы понести слова Учителя, но не его мистическое переживание, не его запредельный опыт. Конфуций был прав – его ученики старательно записали многие высказывания своего Учителя, манеру себя вести и наставлять. Они все сделали очень точно и искренне. Но так и не сумели выразить сам Путь учителя – «Путь, что все пронзает Единым». И поэтому «Лунь юй» стал сборником мудрых афоризмов, но не изложением целостного Учения Конфуция, которого большинство учеников так и не поняло.

И многие ученики оказываются просто неспособны постичь это Учение. Они хотят отказаться от него. Но Учитель искусен, он буквально не выпускает ученика из под своей энергетики, стремится передать ему пускай не ощущения и переживания, но хотя бы свои знания. Один из его ближайших учеников Янь Юань откровенно признается, что хотел бы покинуть учителя, отчаявшись постичь его Учение, поскольку «чем больше стараюсь проникнуть в Учение, тем непроницаемее оно оказывается». Но покинуть так и не смог – мистическую школу покинуть нелегко, да и

сам Конфуций был талантливым наставником и носителем древних традиций. Янь Юань учение все же постигает, но вот следовать ему не может (IX, 11). Мистическое учение умирало в настойчивых, но уже неспособных последователях. И это позже стало одной из причин, почему абсолютно закрытое, мистическое учение довольно узкой школы Конфуция превратилось в морально-этическую доктрину и даже государственное учение – по-настоящему магический фактор оказался настолько сложен, что окончательно исчез, и осталось лишь доктринерство.

Это очень важный момент: лучшие ученики не могут постичь Учение своего Учителя. Переживает он – переживают они. Но передачи Знания так и не происходит. Уже потом, в конце жизни, горестно восклицая: «Конец мне!», он внезапно прозревает, что ученики освоили отнюдь не то, что он старался им передать.

«Лунь юй»: нерадивые последователи

V, 7

Учитель сказал:

– Мое учение-Дао здесь не принимают. Сяду я на плот и поплыву по реке к морю. Лишь один Ю, вероятно, отправится со мной.

Цзы Лу, услышав эти слова, обрадовался. Тогда Учитель сказал:

– Ю! Храбростью ты превосходишь меня, но ты даже не знаешь, где взять бревна для плота!

Ю – Чжун Ю по прозвищу Цзы Лу, ученик Конфуция.

V, 11

Учитель сказал:

– Я еще не встречал человека твердого.

Некто спросил:

– А Шэнь Чэн?

Учитель ответил:

– Чэн обуреваем страстями. Где уж тут быть твердостью?

Шэнь Чэн – ученик Конфуция, уроженец царства Лу.

VI, 3

Ай-гун спросил Конфуция: «Кто из Ва-ших учеников любит учиться?»

Кун-цзы ответил:

– Был Янь Хуэй, он больше всех любил учиться. Он не гневался, не повторял ошибок. К несчастью, жизнь его была коротка, он скончался. Ныне подобных ему

уж нет.

Ныне я не слышал, чтобы кто-нибудь так любил учиться.

Янь Хуэй – один из лучших учеников Конфуция, единственный из учеников, которого он признавал способным распространить его Учение, который скончался либо в 31, либо в 41 год.

IX, 12

Как-то учитель тяжело занемог. Цзы Лу прислал к нему нескольких учеников, [чтобы они ухаживали за ним, как за сановником]. Спустя некоторое время Конфуцию стало лучше, и он сказал:

– Чжун Ю (т. е. Цзы Лу)! Ты поступил неискренне. Если бы я действительно захотел, чтобы за мною ухаживали как за сановником, смог ли бы я тем самым обмануть кого-то? О, Небо! И не лучше ли мне было умереть на руках у своих учеников, чем на руках у чиновников? И даже если я и не удостоился бы пышных похорон, разве вы бы меня бросили умирать на дороге!

Речь идет о том, что Цзы Лу нарушил важнейшую часть ритуальных правил – соответствие статуса и воздаваемых почестей. В тот момент Конфуций не находился на государственной службе, однако Цзы Лу повелел его обслуживать как чиновника, занимающего высокий официальный пост. Для Конфуция это было равносильно лицемерию и неискренности.

VI, 27

Конфуций отправился на встречу с Наньцзы. Цзы Лу был недоволен этим. Тогда Учитель ска–зал:

– Пусть Небо отринет меня, если я сде–лал что-то не так! Пусть Небо отринет меня!

XI, 15

Учитель сказал:

– Почему же Ю (т. е. Цзы Лу) исполняет мелодию на гусях (сэ) прямо у моих дверей?

Ученики после этих слов стали непочтительны к Цзы Лу.

Учитель сказал:

– Ю уже поднялся в зал для наставлений, но во внутренние покои еще не допущен.

Как предполагается, недовольство учителя было вызвано тем, что Цзы Лу исполнял мелодию жителей северных окраин, отличавшихся воинственным нравом и воевавших с китайскими царствами.

XI, 17

Цзиши хотел стать богаче самого Чжоу-гуна, и Жан Цю помог ему в приумножении богатства, собирая [неправедные] налоги. Учитель сказал:

– Жань Цю не мой ученик. Вы можете, развернув флаги, с барабанным боем напасть на него.

Речь идет о том, что местный аристократ Цзиши решил повысить поземельный налог в своих владениях, став богаче самого основателя династии. Реализовать это дело было поручено ученику Конфуция Жань Цю, который состоял на службе у Цзиши. Конфуций был против этого повышения, но Жань Цю все же стал помогать Цзиши. И тогда Конфуций не только публично отрекается от своего ученика, но даже призывает остальных выступить против него.

XI, 18

Учитель сказал:

– Чай глуповат, Шэнь туповат, Ши лицемерен, а Ю неотесан.

Чай (Цзы-гао), вэйский уроженец; о нем рассказывают, что он не наступал на тень, не убивал оживших насекомых, не ломал распус-кавшися растений; находясь в трауре по роди-телям, три года плакал горючими слезами, нико-гда не улыбался, не ходил по тропинкам и не пролезал через канавы. Шэнь был человек безы-скусственный, простой и чистосердечный, но тупоумный. Между учениками Конфуция не было недостатка в людях умных и красноречи-вых, но честь распространения его Учения при-надлежала не умницам, а таким бесхитростным и чистосердечным людям, как Цзэн-цзы. Такие люди, хотя и медленнее понимали, но зато ус-ваивали лучше и прочнее. Указывая на эти не-достатки своих учеников, Конфуций хотел, что-бы они сами осознали их и приняли меры к ис-правлению этих уклонений от неизменной середины (комм. П. Попова).

XIII, 14

Когда Жань Ю вернулся из дворца правителя, Учитель спросил его:

– Почему так поздно?

Тот ответил:

– Занимался государственными делами.

Учитель сказал:

– Ты занимался частными делами. Если бы дела были государственные, то, хотя я сам и не на службе, все равно узнал бы о них.

IX, 22

Учитель сказал:

– Бывает, появляются всходы, но не цветут! Бывает, что они даже и цветут, но все же не плодоносят!

Речь идет об учениках Конфуция.

XIV, 43

Юань Жан в ожидании Учителя сидел на корточках, как варвар.

Учитель сказал:

– В детстве ты не почитал старших, повзрослев, не приобрел известность, а сегодня состарившись, все не унимаешься, и ведешь себя, как разбойник.

И ударил его палкой по ноге.

Юань Жан – старый приятель Конфуция. Предполагают (П. Попов), что у него умерла мать и он пришел к Конфуцию за помощью; но его непочтительная поза вызвала со стороны Конфуция упреки в варварстве. Также предполагают (Л. Переломов), что он отличался эксцентричностью. Так, например, он осмелился петь на гробе своей матери. На этот раз Конфуция возмутило то, что Юань Жан «сидел, как варвар», т.е. скрестив ноги, что не соответствовало Ритуалу.

Лунь юй. «Суждения и беседы» в переводе П. Попова

Не приятно ли учиться...

1. Философ сказал: «Не приятно ли учиться и постоянно упражняться? Не приятно ли встретиться с другом, возвратившимся из далеких стран? Не тот ли благородный муж, кто не гневается, что он не известен другим?»

2. Ю-цзы сказал: «Редко бывает, чтобы человек, отличающийся сыновнею почти-тельностью и братскою любовью, любил бы восставать против старших, и никогда не бывает, чтобы тот, кто не любит восставать против высших, захотел произвести возмущение. Совершенный муж сосредоточивает свои силы на основах; коль скоро положены основы, то являются и законы для деятельности. Сыновняя почтительность и братская любовь – это корень гуманности».

3. Философ сказал: «В хитрых речах и во вкрадчивом выражении лица редко встречается гуманность».

4. Цзэн-цзы сказал: «Я ежедневно исследую себя в трех отношениях: обдумывая что-либо для других, был ли я предан им, был ли искренен в отношениях с друзьями и усвоил ли я то, что было преподано мне Учителем».

5. Философ сказал: «При управлении княжеством, имеющим тысячу колесниц, необходимы постоянное внимание к делам и искренность в отношении к народу, умеренность в расходах и любовь к народу с своевременным употреблением его на работы».

6. Философ сказал: «Молодежь дома должна быть почтительна к родителям, вне дома – уважительна к старшим, отличаться осторожностью и искренностью (правдивостью), обильною любовью ко всем и сближаться с людьми гуманными. Если по исполнению сего останется свободное время, то посвящать его учению».

7. Цзы-ся сказал: «Если кто из уважения к людям достойным отказывается от похоти, служит родителям до истощения сил, государю – до самопожертвования и в сношениях с друзьями честен в своих словах, то я, конечно, назову такого ученым, хотя бы другие признали его невежей».

8. Учитель сказал: «Если совершенный муж (цзюнь-цзы) не солиден, то он не будет вызывать уважения к себе в других, и знание его не будет прочно. Поэтому поставь себе за главное преданность и искренность; не дружись с людьми, которые хуже тебя; если ошибся, не бойся исправиться».

9. Цзэн-цзы сказал: «Если мы будем рачительны в отдаче последнего долга родителям и будем вспоминать (т.е. приносить жертвы и проч.) об отшедших, то народная нравственность улучшится».

10. Цзы-цин спросил у Цзы-гуна: «Философ, прибыв в известное государство, непременно собирал сведения об его управлении. Домогался ли он этого, или же ему сообщали их?» Цзы-гун отвечал: «Философ приобретал их благодаря своей любезности, прямоте, почтительности, скромности и уступчивости. Не отличался ли его способ собирания их от способа других людей?»

11. Философ сказал: «Кто при жизни отца всматривался в его намерения, а по смерти смотрит на его деяния и в течение трех лет не изменяет порядков, заведенных отцом, того можно назвать почтительным».

12. Ю-цзы сказал: «В приложении церемоний (житейских правил) дорога естественная непринужденность, которая в пра-вилах древних царей признавалась превос-ходной вещью и которой следовали и в малых и в больших делах. Но бывают случаи, что и она не действует, ибо знать только, что она дорога, и ограничиваться ею одною, не регулируя ее церемониями, также невоз-можно».

13. Ю-цзы сказал: «Если условие соглас-но со справедливостью, то сказанное можно исполнить. Почтение, если оно согласуется с нормою, избавляет нас от срама. Если тот, на кого опираются, заслуживает сближения с ним, то его можно взять в ру-ководители».

14. Философ сказал: «О том благород-ном муже, который в еде не заботится о насыщении, в жилище не ищет комфорта, быстр в деятельности, осторожен в речах и обращается для исправления себя к лю-дям нравственным, можно сказать, что любит учиться».

15. Цзы-гун спросил: «Что вы скажете о человеке, который в бедности не пресмыка-ется, в богатстве не заносится?» Философ ответил: «Годится, но он ниже того, кото-рый в бедности весел, а в богатстве благо-пристоен». Цзы-гун сказал: «В „Ши-цзине“ сказано: „Как будто обтесана и обточена (слоновая кость), как будто огранена и отшлифована (яшма)“. Так вот, что это значит!» Философ сказал: «Цы, теперь с тобой можно толковать о „Ши-цзине“, по-тому что скажешь тебе о прошедшем, а ты знаешь и будущее».

16. Философ сказал: «Не беспокойся о том, что тебя люди не знают, а беспокойся о том, что ты не знаешь людей».

Кто управляет

1. Философ сказал: «Кто управляет при помощи добродетели, того можно уподо-бить северной Полярной Звезде, которая пребывает на своем месте, а остальные звезды с почтением окружают ее».

2. Философ сказал: «Ши-цзин» хотя и состоит из 300 песен, но они могут быть объ-яты одним выражением: «Не имей пре-вратных мыслей!».

3. Философ сказал: «Если руководить народом посредством законов и поддержи-вать порядок посредством наказаний, то хотя он и будет стараться избегать их, но у него не будет чувства стыда; если же ру-ководить им посредством добродетели и поддерживать в нем порядок при помощи церемоний, то у него будет чувство стыда и он будет исправляться».

4. Философ сказал: «В 15 лет у меня яви-лась охота к учению; в 30 лет я уже устано-вился; в 40 лет у меня не было сомнений; в 50 лет я знал волю Неба; в 60 лет мой слух был открыт для немедленного восприятия истины; а в 70 лет я следовал влечениям сво-его сердца, не преходя должной меры».

5. На вопрос Мэн-и-цзы, в чем состоит сыновья почтительность, Философ отве-тил: «В непротивлении (послушании)». Ко-гда Фань-чи вез Философа, тот сказал ему: «Мэнь-сунь спросил меня, в чем состоит почтительность, и я отвечал ему: в непро-тивлении». Фань-чи сказал: «Что это зна-чит?» Философ сказал: «Когда родители живы, служить им по правилам, когда они умрут, похоронить их

по правилам и по пра–вилам приносить им жертвы».

6. Мэн-у-бо спросил Конфуция о сынов–ней почтительности. Философ сказал: «Отец и мать беспокоятся только о том, не болен ли их сын».

7. На вопрос Цзы-ю о почтительности Философ сказал: «Современная почтитель–ность к родителям означает быть в со–стоянии кормить их; но ведь собаки и лоша–ди также получают пропитание. При от–сутствии почтительности чем же будет различаться кормление родителей от корм–ления собак и лошадей?»

8. На вопрос Цзы-ся о почтительности Философ сказал: «В этом случае трудность заключается в выражении лица (т.е. в том, чтобы постоянно иметь веселый, доволь–ный вид). А что младшие братья и дети бу–дут брать на себя заботы о делах, будут угощать родителей и старших братьев ви–ном и кушаньем, то разве это можно счи–тать сыновней почтительностью?»

9. Философ сказал: «Я разговариваю с Хуэем целый день, и он не возражает, как будто совершенно глуп; но когда после его ухода я вникаю в его частную жизнь, то на–хожу, что он в состоянии уяснить мое Уче–ние. Хуэй неглуп».

10. Философ сказал: «Где может ук–рыться человек, где он сможет укрыться, если мы будем обращать внимание на его деятельность, всматриваться в его побуж–дения и вникать в то, что ему доставляет удовольствие?»

11. Философ сказал: «Кто повторит старое и узнает новое, тот может быть руководителем для других».

12. Философ сказал: «Благородный муж не есть оружие, годное только для одного какого-либо употребления».

13. Цзы-гун спросил: «Кто есть благо–родный муж?» Философ сказал: «Тот, ко–торый сначала действует, а потом гово–рит».

14. Философ сказал: «Благородный муж заботится об общих, а не о партийных

инте–ресах, а низкий человек, наоборот, заботится о партийных, а не об общих интересах».

15. Философ сказал: «Учение без раз–мышления бесполезно, но и размышление без учения опасно».

16. Философ сказал: «Исключительное занятие чуждыми учениями может только приносить вред».

17. Философ сказал: «Ю, научить ли тебя Знанию? Что знаешь, то и считай, что знаешь; чего не знаешь, то и считай, что не знаешь – вот это и будет Знание».

18. Цзы-чжан учился с целью добиться жалованья. По этому поводу Философ ска–зал: «Много слушать и оставлять в сторо–не сомнительное, а о прочем говорить осто–рожно, – тогда будет мало обвинений; много наблюдать и оставлять в стороне опасное, а в остальном действовать осто–рожно, – тогда будет мало поводов к рас–каянию; а если из-за речей будет мало обви–нений, а в действиях – мало поводов к рас–каянию, то здесь будет и жалованье».

19. Ай-гун спросил: «Что нужно сде–лать, чтобы народ был покорен?» Философ отвечал: «Если возвышать прямых людей и устранять бесчестных, то народ будет по–корен; если же возвышать бесчестных и устранять прямых людей, то он не будет покорен».

20. На вопрос Цзи Кан-цзы, как заста–вить народ быть почтительным и предан–ным, чтобы побудить его к добру, Философ отвечал: «Управляй им с достоинством, и он будет почтителен; почитай своих роди–телей и будь милостив, и он будет предан; возвышай добрых и наставляй неспособных, и он устремится к добру».

21. Некто, обратясь к Конфуцию, спро–сил: «Почему Вы не служите?» Философ сказал: «Что сказано в „Шу-цзине“ о сы–новней почтительности [Государя Чэня]? „Он был всегда почтителен к родителям, дружен с братьями и распространял это на управляемых (т.е. домашних“, это и бу–дет служба. Почему же только занятие известного поста следует считать служ–бой?»

22. Философ сказал: «Я не думаю, чтобы неискренний человек был годен к чему–либо. Каким образом может двигаться большая телега без перекладины для постромок или малая телега без ярма?»

23. Цзы-чжан спросил: «Можно ли напе–ред знать, что будет в последующие десять поколений?» Философ сказал: «Династия Инь руководствовалась сяскими правилами, и что было в них убавлено или прибавлено, можно знать; династия Чжоу пользовалась иньскими правилами, прибавления и убавле–ния в которых также можно знать. Если бы случилось так, что чжоускую династию сменила бы другая, то далее и на сто поколе–ний вперед можно было бы узнать, что будет».

24. Философ сказал: «Приносить жерт–вы чужим пенатам – это значит выслуживаться. Сознать долг и не исполнять его – это трусость».

Восемь рядов

1. Конфуций отозвался о фамилии Цзи, у которой было 8 рядов танцоров, танцевавших во дворце, что, если у нее на это хватило присутствия духа, то на что у нее не хватит его?

2. Три фамилии убрали жертвенные со-суды при звуках песни «Юн» (привилегия им-ператора). Философ сказал: «При царских жертвах сопредоступают князья, сам им-ператор дышит величием». Какой же смысл употреблять эту песнь в храме трех фамилий?»

3. Философ сказал: «Если человек негу-манен, то что толку в церемониях? Если человек негуманен, то что толку в музыке?»

4. Линь-фан спросил о сущности (осно-ве) церемоний. Философ сказал: «Как велик этот вопрос! В соблюдении церемоний лучше быть скромным, а в исполнении траурных церемоний лучше проявлять скорбь, чем благолепие».

5. Философ сказал: «У восточных и северных варваров есть правители, не то что в Китае, где их нет».

6. Перед отправлением вельможи Цзи на гору Тай-шань для принесения жертвы Философ, обратившись к Жань-ю, сказал: «Не можешь ли ты переубедить его?» Тот ответил: «Не могу». Тогда Философ сказал: «Увы! Ужели дух горы Тай-шань хуже Линь-фана?»

7. Философ сказал: «Благородный муж ни в чем не состязается, а если уж необ-

ходимо, то разве в стрельбе; но и в этом случае он поднимается в зал, приветствуя своих соперников и уступая им, а спустившись, – пьет чару вина. И в этом состязании он ос–тается благородным мужем».

8. Цзы-ся спросил: «Что значит стих „Ши-цзина“: „Прелестна ее лукавая улыбка, выразительны ее прекрасные очи, словно разрисованные по грунту?“ Философ ска–зал: „Разрисовка производится после грун–товки“. „В таком случае и церемонии отхо–дят на задний план“, – сказал Цзы-ся. Фило–соф сказал: „Понимающий меня – это Шан (Цзы-ся), с которым только и можно гово–рить о «Ши-цзине»“.

9. Философ сказал: «О сяских церемони–ях (правилах жизни) я мог бы говорить, но дело в том, что удел Ци не дает для этого достаточных данных; мог бы я говорить и об иньских церемониях, но сунский удел не дает для этого достаточных данных, по не–достатку записей и творений мудрых лю–дей; если бы их было достаточно, то я мог бы сослаться на них».

10. Философ сказал: «При великих жертвоприношениях царственному предку и праотцам его, после того, как совершено возлияние ароматного вина, у меня уже нет охоты продолжать смотреть».

11. Некто спросил о значении великого жертвоприношения предку и праотцам его. Философ ответил: «Я не знаю, но кто знал бы его значение, для того управление Вселенной было бы так же легко, как показать это», – и при этом он указал на ладонь.

12. Приноси жертву предкам с таким благоговением, как будто бы они сами присутствуют здесь. Приноси жертву духам, как будто бы духи присутствуют при этом.

Философ сказал: «Если я не участвую лично в жертво-приношениях, то это как будто я не приносил их вовсе».

13. Ван-Сун-цзя спросил: «Правда ли то, что говорят: „Лучше угождать духу домашнего очага, чем духу юго-западного угла комнаты“?» Философ сказал: «Неправда. Если оскорбишь Небо, то некому будет мо–литься».

14. Философ сказал: «Династия Чжоу почерпнула для себя образцы из двух династий, и поэтому так прекрасны ее правила. Я намерен следовать им».

15. Философ, войдя в храм предков, спра–шивал о каждой вещи. Тогда некто сказал: «Кто говорит, что сын цзоуского уроженца знает церемонии? Вступил в Великий храм и расспрашивает о каждой вещи!» Услышав это, Конфуций сказал: «Это-то и есть пра–вило вежливости».

16. Философ сказал: «При стрельбе из лука суть дела не в том, чтобы попасть в центр мишени, а чтобы вообще попасть в мишень, потому что силы не у всех одинако–вы. Это древнее правило состязания».

17. Цзы-гун хотел отменить принесение в жертву живого барана при объявлении в храме предков о наступлении первых чисел каждого месяца. На это Философ заметил: «Цы жаль барана, а мне жаль церемоний».

18. Философ сказал: «Служение Госуда-рю с соблюдением всех правил люди призна-ют за лесть».

19. Князь Дин-гун спросил: «Как Госу-дарь должен обходиться с чиновниками и как последние должны служить Госуда-рю?» Философ ответил: «Государь должен обходиться с чиновниками вежливо, а чиновники должны служить ему с предан-ностью».

20. Философ сказал: «Песнь „Гуань-цзюй“ выражает веселье без излишества и печаль, не переходящую в сокрушение».

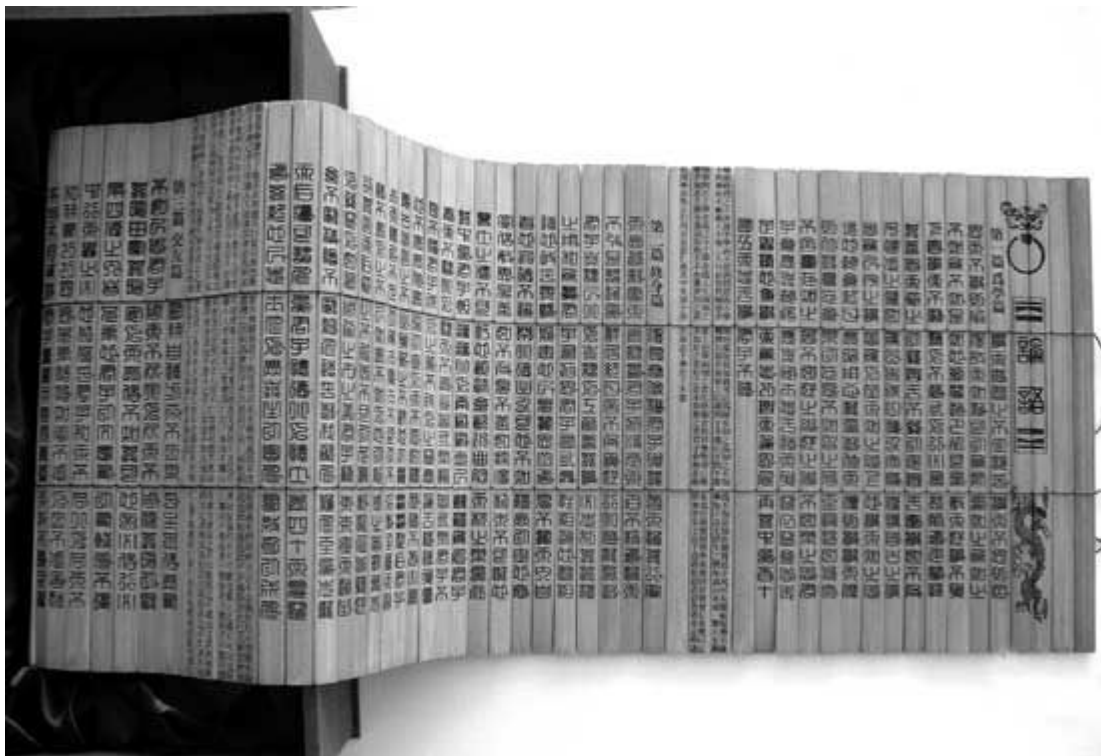
21. Ай-гун спросил Цзай-во относительно жертвенника духу – покровителю Земли. Цзай-во отвечал: «Сяские государи обса-живали жертвенники соснами, иньские – кипарисами, а чжоуские – каштанами, чтобы заставить народ трепетать». Ус-лышав об этом, Философ сказал: «Когда дело сделано, нечего говорить о нем, делу дан ход, нечего соваться с увещаниями и за прошлое нечего винить».

22. Конфуций сказал: «Гуань-чжун – малоспособный человек!» Некто сказал: «Правда ли, что Гуань-чжун экономен?» На это последовал ответ: «У него был бельведер с тремя входами и разные долж-ности не соединялись в одном лице; как же его можно назвать экономным?» Некто вновь спросил: «В таком случае он, может быть, знает церемонии?» На это Конфу-ций ответил: «У владетельного князя по-ставлен перед воротами щит, и Гуань-чжун также поставил у себя перед воро-тами щит; у владетельного князя есть подставка (буфет) для опрокидывания ча-рок при дружеском свидании двух госуда-рей, Гуань-чжун также устроил такую же подставку. Если он знает церемонии, то кто же тогда их не знает?»

23. Философ, объясняя музыку главному лускому капельмейстеру, сказал: «Музыку, ее можно знать: сначала настраивают ин-струменты, затем звуки должны быть гар-моничны, отчетливы и литься непрерывно до окончания пьесы».

24. Пограничный чиновник города И про-сил дозволения представиться Конфуцию, говоря: «Всякий раз, как благородный муж жаловал сюда, я никогда не лишался воз-можности видеть его». Ученики Конфуция ввели чиновника. По удалении его Конфуций сказал: «Дети мои, чего вы беспокоитесь, что я потерял место? Империя давно уже находится в беспорядке, и Небо хочет, что-бы ваш Учитель был колоколом с деревян-ным языком (провозвестником истины)».

25. Философ отозвался о музыке Шао (Шуня), что она вполне прекрасна и вполне нравственна, а о музыке У-вана, что она вполне прекрасна, но не вполне нравственна.

Экземпляр «Лунь юя», записанный на бамбуковых дощечках древнем написанием. Большие иероглифы – основной текст, маленькие иероглифы – комментарий неоконфуцианца Чжу Си

26. Философ сказал: «Когда правитель не великодушен, в исполнении церемоний невнимателен и во время траура не выражает скорби, то где же у меня критерий для суждения о его деятельности?»»

Прекрасна та деревня...

1. Философ сказал: «Прекрасна та де-ревня, в которой господствует любовь. Если при выборе места мы не будем селить-ся там, где царит любовь, то откуда мо-жем набраться ума?»»

2. Философ сказал: «Человек, не имеющий любви, не может долго выносить бедность и не может постоянно пребывать в радости. Человеколюбивый находит спокойствие в любви, а мудрый находит в ней выгоду».

3. Философ сказал: «Только гуманист может любить людей и ненавидеть их».

4. Философ сказал: «Если у кого есть ис-креннее стремление к гуманности, то тот не сделает зла».

5. Конфуций сказал: «Богатство и знат-ность составляют предмет человеческих желаний, но благородный муж ими не поль-зуется, если они достались незаконным пу-тем. Бедность и низкое положение служат для человека предметом отвращения, но благородный муж не гнушается ими (не от-вергает их), если они не заслужены. Как мо-жет благородный муж пользоваться этим именем без гуманности? Благородный муж ни на час не расстаётся с гуманностью, в саматохе и в разорении она непременно с ним».

6. Философ сказал: «Я не видел человека, любящего гуманность, который бы ненави-дел негуманность, потому что тот, кто любит гуманность, ставит ее превыше все-го; тот, кто ненавидит негуманность, по-этому и будет поступать гуманно и не доз-волять ничему негуманному прикасаться к нему. Но я не видел, чтобы у человека не дос-тало сил быть гуманным, если бы он хоть однажды смог приложить для этого ста-рание. Может быть, и есть, но я не видел такого».

7. Философ сказал: «Погрешности лю-дей соответствуют их категориям и, на-блюдая погрешности человека, можно знать, гуманен он или нет».

8. Философ сказал: «Если человек поут-ру постигает истинный закон вещей, то ве-чером он может умереть без сожаления».

9. Философ сказал: «С ученым, который, стремясь к истине, в то же время стыдится плохого платья и дурной пищи, не стоит рассуждать об Учении».

10. Философ сказал: «Благородный чело-век в мире (в делах мира) ничего не предре-шает, а действует, сообразуясь со справед-ливостью».

11. Философ сказал: «Благородный муж думает о добродетели, а низкий – о спокой-ствии; благородный муж боится закона, а низкий жаждет корысти».

12. Философ сказал: «Кто поступает корыстно, тот вызывает против себя ро-пот недовольства».

13. Философ сказал: «Если кто сможет управлять государством с уступчивостью, требуемой церемониями, то какие затруд-нения встретит он в этом? Если кто не будет в состоянии управлять государст-вом с уступчивостью, к которой обязывают церемонии, то для чего ему эти церемонии?»

14. Философ сказал: «Не беспокойся, что у тебя нет должности, а беспокойся, каким образом устоять на ней; не беспокой-ся, что люди не знают тебя, а старайся по-ступать так, чтобы тебя могли знать».

15. Философ сказал: «Шэнь! Мое Учение проникнуто одним началом?» «Да», – от-вечал Цзэн-цзы, не задумываясь. Когда Фи-лософ вышел, то ученики спросили его: «Что это значит?» Цзэн-цзы отвечал: «Это значит, что Учение нашего Учителя заключается в искренности и снисходи-тельности».

16. Философ сказал: «Благородный муж; знает долг, а низкий человек знает выгоду».

17. Философ сказал: «При виде достой-ного человека думай о том, чтобы срав-няться с ним, а при виде недостойного – ис-следуй самого себя (из опасения, как бы у тебя не было таких же недостатков)».

18. Философ сказал: «Служа родителям, следует осторожно увещевать их; если за-мечаешь, что они не слушают, увеличь поч-тительность, но не оставляй увещеваний; будут удручать тебя, не ропщи».

19. Философ сказал: «Когда родители живы, не отлучайся далеко, а если отлу-

чишься, то чтобы место пребывания непременно было известно».

20. Философ сказал: «Кто в течение трех лет не изменит отцовских порядков, того можно назвать почтительным сыном».

21. Философ сказал: «Нельзя не помнить возраста своих родителей, чтобы, с одной стороны, радоваться за их долголетие, а с другой – опасаться, как бы преклонный возраст не свел их в могилу».

22. Философ сказал: «В древности не давали легкомысленного слова из опасения по–срамиться неисполнением его».

23. Философ сказал: «Редко подвергаются ошибкам те, которые ведут себя сдержанно».

24. Философ сказал: «Благородный муж желает быть медленным на слова и бодрым на дела».

25. Философ сказал: «Добродетель не бывает одинокою, у нее непременно есть последователи (соседи)».

26. Цзы-ю сказал: «Служа государю, если будешь надоедать ему своими увещеваниями, то навлечешь срам, а если будешь надоедать ими другу, то он охладет к тебе».

Ксилографический экземпляр «Лунь юя» эпохи Мин

(1368 – 1644) с комментариями

Гун Е-чан

1. Философ сказал о Гун Е-чане, что его можно женить, несмотря на то, что он [был некогда] связан [тюремными] узами, ибо это не его вина, с чем и женил его на сво-ей дочери.

2. Философ сказал о Нань-жуне: «В госу-дарстве, где есть закон, он не пропадет; где нет его – избежит казни», – и, вследствие этого, женил его на своей племяннице.

3. Философ сказал о Цзы-цзяне: «Какой благородный муж этот человек! Если бы в Лу не было благородных людей, то откуда у него взялись бы такие достоинства?»

4. Цзы-гун спросил: «А я, Цы, каков?» «Ты полезный сосуд», – сказал Философ. Цзы-гун спросил: «Какой сосуд?» Учитель ответил: «Жертвенный сосуд для хлеба в храме предков».

5. Некто сказал: «Юн – человек гуман–ный, но не говорун». Философ сказал: «К чему нужна говорливость? Парировать лю–дям софизмами – вызывать в них отвраще–ние к себе. О его гуманизме я не знаю, но к чему ему красноречие?»

6. Философ посылал Ци Дяо-кая слу–жить. Тот отвечал: «Я не могу быть уверен в том, что гожусь для этого». Конфуций остался доволен.

7. Философ сказал: «Учение мое плохо распространяется; сяду на плот и достигну по реке моря. Сопровождать меня будет, вероятно, Ю». Цзы-лу, услышав это, обра–довался. Тогда Философ сказал: «Ю! Храб–ростью ты превосходишь меня, но у тебя нет никакой сметки».

8. Мэн У-бо спросил: «Гуманен ли Цзы-лу?» Философ сказал: «Не знаю». Тот спро–сил его в другой раз. Тогда Философ сказал: «В удельном княжестве, располагающем 1000 колесницами, Цзы-лу можно поручить управление войском, но я не знаю, гуманен ли он». Мэн У-бо вновь спросил: «А каков Цю?» Конфуций ответил: «Цю можно сделать правителем города в 100 семей или владения фамилии, имеющей 100 колесниц, но гуманен ли он, я не знаю». «А Чи каков?» – вновь по–интересовался Мэн У-бо. Философ ответил: «Чи, если он наденет пояс и станет во двор–це, то ему можно поручить занимать чуже–земных гостей, но гуманен ли он, я не знаю».

9. Философ, разговаривая с Цзы-гуном, спросил: «А из вас с Хуэем, кто лучше?» Цзы-гун ответил: «Как я осмелюсь сравни–вать себя с Хуэем? Если он услышит о чем-либо одно, то, основываясь на этом од–ном, узнает о нем все. А я, услышав о чем-либо одно, узнаю только вдвое». Фило–соф сказал: «Да, это верно, я согласен, что ты не равен ему».

10. Цзай-юй заснул днем. Философ ска–зал: «Гнилое дерево не годится для резьбы, равным образом стена, сложенная из наво–за, не годится для штукатурки. Стоит ли упрекать Юя?» Потом он добавил: «В сно–шениях с людьми я сначала слушал их речи и верил их действиям, а теперь я слушаю их речи и наблюдаю, смотрю за их поступками. Такая перемена произошла во мне благодаря Юю».

11. Философ сказал: «Я не видал твердо–го человека». «А Шэнь-чэн?» – отвечал кто-то. «Чэн – человек похотливый (со страстями), где же ему быть твердым?»

12. Цзы-гун сказал: «Чего я не желаю, что бы другие делали мне, того я не желаю делать другим». На это Философ сказал: «Цы! Это для тебя недостижимо».

13. Цзы-гун сказал: «Наружные совер–шенства Учителя могут быть известны, но его рассуждения о природе вещей и о небес–ных законах нам не могут быть известны».

14. Цзы-лу боялся услышать что-нибудь новое, прежде чем услышанное им ранее могло быть приведено в исполнение.

15. Цзы-гун спросил: «Почему Кун Вэнь-цзы назвали „образованным?“» На это Фи–лософ сказал: «Несмотря на быстрый ум, он любит учиться и не стыдится обращаться с вопросами к низшим, поэтому-то его и назвали образованным».

16. Конфуций отозвался о Цзы-чане, что он обладал четырьмя качествами

благородно—го мужа: скромн по своему поведению, почти—телен к старшим, щедр в пропитании народа и справедлив в пользовании его трудом.

17. Философ сказал: «Янь Пин-чжун был искусен в обращении с людьми, сохраняя к ним почтительность и после продолжи—тельного знакомства».

18. Философ сказал: «Цзан Вэнь-чжун посадил большую черепаху в комнату, в которой на капителях были вырезаны горы, а на столбиках над матицей нарисованы были водяные растения. Каков же его ум?»

19. Цзы-чжан спросил Конфуция, какого он мнения о министре Цзы-вэне, который, трижды занимая эту должность, не выра—жал радости и, трижды покидая ее, не вы—сказывал неудовольствия и при этом непре—менно объяснял новому министру прежние правительственные распоряжения (т.е. свои). Философ сказал: «Преданный чело—век». «А гуманный ли он?» – продолжал Цзы-чжан. «Не знаю, каким же образом он мог быть гуманистом», – ответил Кон—фуций.

Цзы-чжан вновь спросил: «А что Вы ска—жете о Чэнь Вэнь-цзы, который, имея 10 четверок коней, когда Цуй-цзы убил циского князя, бросил их и бежал; прибыв в другое государство и сказав, что „и здесь люди похо—дят на нашего вельможу Цуй-цзы“, оставил это государство и прибыл в другое; и опять, сказав, что „и здесь люди походят на нашего вельможу Цуй-цзы“, он покинул и это госу—дарство?» Конфуций сказал: «Безупречный человек». Цзы-чжан вновь спросил: «А гума—нист ли он?» «Не знаю, – отвечал Фило—соф, – откуда бы ему быть гуманистом?»

20. Цзи Вэнь-цзы трижды подумает, а потом уже исполнит. Услышав об этом, Философ сказал: «И дважды довольно».

«Я уже давно молюсь духам Неба и Земли»

21. Философ сказал: «Когда в государст—ве царил закон, то Нин У-цзы был умен, а ко—гда в государстве пошли беспорядки, он ока—зался глупым. С умом его можно поравнять—ся, но с глупостью – нельзя!»

22. Философ, находясь в уделе Чэнь, ска—зал: «Надо возвратиться! Мои детки

стали высокоумны и небрежны в деле; хотя внешнее образование их и закончено, но они не знают, как сдерживать себя».

23. Философ сказал: «Бо-и и Шу-ци не помнили прежнего зла, поэтому-то на них и роптали мало».

24. Философ сказал: «Кто говорит, что Вэйшэн-гао – прямой человек? Кто-то попрощал у него уксуса, он выпросил у соседа и дал».

25. Философ сказал: «Цзо Цю-мин стыдился лукавых речей, вкрадчивой наружно-сти и чрезмерной почтительности, и я так-же стыжусь их. Цзо Цю-мин стыдился дружить с человеком, против которого таил в душе неудовольствие, и я стыжусь этого».

26. Философ, обратившись к присутствовавшим Янь-юаню и Цзы-лу, сказал: «По-чему каждый из вас не выскажет своих желаний?» Тогда Цзы-лу сказал: «Я желал бы иметь экипаж, лошадей и легкую шубу, которыми бы я делился с друзьями и не роптал бы, когда бы они пришли в ветхость». Янь-юань сказал: «Я желал бы не хвастаться своими совершенствами и не разглашать о своих подвигах». Цзы-лу сказал: «Мы хотели бы слышать о Ваших желаниях». Философ сказал: «Я желал бы старых успокоить, с друзьями быть искренним и малых лежать».

27. Философ сказал: «Да! Я не видал человека, который мог бы замечать свои погрешности и внутренне осуждать за них себя».

28. Философ сказал: «В маленьком селе-нии непременно найдутся люди, преданностью и искренностью подобные мне, но не найдется таких, которые любили бы учиться, как я».

Юна можно поставить...

1. Философ сказал: «Юна можно поставить лицом к югу». Тогда Чжун-гун спросил Конфуция о Цзы Сан-бо-цзы; тот отвечал: «Годится – он нетребователен». Чжун-гун спросил: «Разве нельзя управлять народом, будучи внимательным к самому себе и либеральным в деятельности? Но быть нетребовательным как к самому себе, так и к своей деятельности – разве это не будет уж слишком нетребовательно?» Философ сказал: «Слова Юна справедливы».

2. Ай-гун спросил Конфуция: «Кто из Ваших учеников любит учиться?» Тот отвечал: «Был Янь-хуэй, который любил учиться, не переносил своего гнева на других и не повторял ошибок. К несчастью, его жизнь была коротка, он умер. Теперь таких нет. Не слышно, чтобы были любящие учиться».

3. Когда Цзы-хуа был отправлен в Ци, то Жань-цзы просил хлеба для его матери.

Философ сказал: «Дай ей один фу (6 мер 4 гарнца)». Жань-цзы просил прибавить. Философ сказал: «Дай ей один юй (16 мер)». Жань-цзы дал ей 5 биннов (80 мешков по 4 пуда 12 фунтов в каждом). Тогда Философ сказал: «Я слышал, что когда Чи (Цзы-хуа) отправился в Ци, то он поехал на сытой лошади и одет был в легкую (богатую) шубу. Благородный муж помогает нуждающимся, но не прибавляет к

богатств—вам богатых».

4. Когда Юань-сы был при Конфуции управляющим и Конфуций давал ему 900 мер хлеба, то тот отказывался. Учи—тель сказал: «Не отказывайся, а возьми и раздай соседям, живущим с тобою в одном хуторе, деревне, селе или волости».

5. Философ отозвался насчет Чжун-гуна следующим образом: «Теленок от пестрой коровы, если он рыжий и притом с рогами, хотя бы люди и не пользовались им для жертвоприношения, разве духи гор и рек им погнушались бы?»

6. Философ сказал: «О Хуэе я могу ска—зать, что сердце его в течение трех месяцев не различается с гуманностью, тогда как у других ее хватает на день, самое большее — на месяц».

7. Цзи Кан-цзы спросил Философа: «Можно ли допустить Чжун-ю до участия в управлении?» Тот ответил: «Ю — человек решительный. Что для него значит участ—воваться в управлении?» Цзи Кан-цзы спро—сил: «Ну, а Цю можно допустить?» Фило—соф сказал: «Цю, он талантливый человек. Какая трудность для него участвовать в управлении?»

8. Цзи-ши посылал Минь-цзы-цяня прави—телем города Ми. Минь-цзы-цянь сказал по—сланному к нему с известием: «Вежливо от—кажись за меня, а если в другой раз будет приглашать меня, то я непременно уйду на реку Вэнь».

9. Бо-ню заболел. Философ, навестив его, взял через окно его руку и сказал: «Ум—рет — такова судьба. Такой человек и уми—рает от такой болезни!»

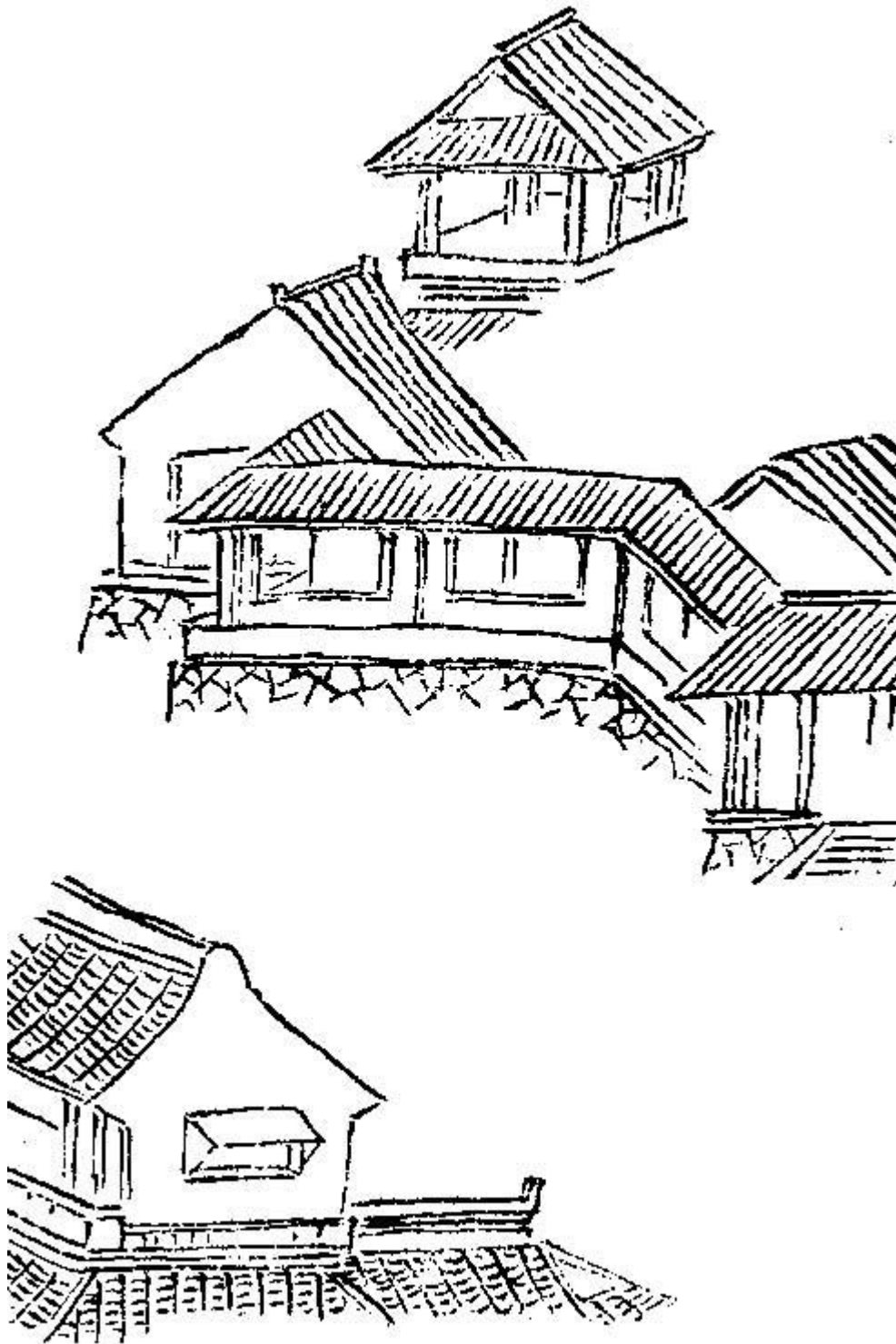
10. Философ сказал: «Какой достойный человек Янь-Хуэй! Он довольствовался одною чашкою риса и одним ковшом воды и жил в отворотительном переулке. Другой бы не мог вынести этих лишений, а он не изменял своей веселости. Какой достойный человек Хуэй!»

11. Жань-цю сказал: «Не потому, чтобы я не находил удовольствия в твоём Учении, а сил у меня не хватает». Философ сказал: «Те, у которых недостает сил, останавли—ваются на полпути; теперь ты сам себя ог—раничиваешь».

12. Философ, обратившись к Цзы-ся, сказал: «Ты будь благородным ученым, а не низким человеком!»

13. Когда Цзы-ю сделался правителем города У-чэн, Философ спросил: «Что же, достал ли там себе порядочного человека?» Тот отвечал: «Есть некто Тань-тай Ме-мин, который не ходит по тропинкам окольным, а бывает у меня только по делам служебным (общественным)».

14. Философ сказал: «Мэн-чжи-фань не хвастался своими заслугами. Когда его вой—ско обратилось в бегство, он следовал поза—ди его, а при вступлении в город стегнул своего коня, сказав: „Я не смел бы оста—ваться позади, да конь не шел вперед“.

15. *Философ сказал: «Без красноречия Чжу-То и красоты сунского принца Чжао трудно избежать ненависти в наш век».*

16. *Философ сказал: «Кто выходит не через дверь? Но почему же не идет по это-му пути?»*

17. *Философ сказал: «Когда природа бе-рет перевес над искусственностью, то мы имеем грубость, а когда искусственность преобладает над природой, то мы имеем ли-цемерие; и только пропорциональное соеди-нение природы и искусственности дает бла-городного человека».*

18. Философ сказал: «Человек от рож-дения прям, и если потом, искривившись, остается цел, то это по счастливой случай-ности».

19. Философ сказал: «Тот, кто знает Учение, уступает тому, кто находит в нем удовольствие».

20. Философ сказал: «С человеком, спо-собности которого выше посредственных, можно говорить и о высоких предметах, а с тем, у которого они ниже посредственных, нельзя».

21. Фань-чи спросил: «Кого можно на-звать умным?» Философ ответил: «Умным можно назвать того, кто прилагает исклю-чительное старание к тому, что свойст-венно человеку, почитает духов, но удаля-ется от них». «А человеколюбивым?» – спро-сил Фань-чи. «А человеколюбивым, – сказал Философ, – можно назвать того, кто на первом плане ставит преодоление трудного (т.е. победу над собой), а выгоду – на вто-ром».

22. Философ сказал: «Умный находит удовольствие в воде, потому что он видит в ней, вечно текущей, неустанную и никогда не знающую покоя силу ума в его стремлении к познанию истины; тогда как гуманный лю-бит горы как символ постоянства и незыб-лемости тех непреложных и неизменных ос-нов, из которых вытекает гуманизм».

23. Философ сказал: «Одна эволюция в царстве Ци, и оно сравнивается в нравствен-ном отношении с царством Лу, одна эволю-ция в этом последнем, и оно достигнет ис-тинного Пути».

24. Философ сказал: «Кубок без грани разве это кубок?»

25. Цзай-во спросил: «Гуманный человек, если бы ему сказали, что в колодце есть че-ловек, спустился бы он за ним?» Конфуций сказал: «Зачем так? Благородного мужа можно заставить отправиться к колодцу, чтобы спасти упавшего в него, но его нельзя заставить спуститься в колодец; его мож-но обмануть, но не одурачить».

26. Философ сказал: «Благородный муж, обладающий обширными познаниями в ли-тературе, может также не уклониться от истины, если будет сдерживать себя цере-мониями».

27. Философ увиделся с Нань-цзы. Цзы-лу был недоволен этим. Тогда Философ ска-зал: «Пусть Небо отринет меня, если я сде-лал что-нибудь худое!»

28. Философ сказал: «Достоинства пря-мого пути и неизменных правил – как они совершенны! Но они давно уже редки среди людей».

29. Цзы-гун сказал: «Вот если бы нашел-ся человек, который, щедро раздавая наро-ду, мог бы помочь всем! Что бы Вы сказали о нем? Можно ли его назвать гуманным?»

«Только не гуманным, – сказал Фило-соф, – но непременно мудрым. Ведь об этом скорбели даже Яо и Шунь. Гуманист сам, желая иметь устои, создает их и для дру-гих; сам, желая развиваться, развивает и других. Быть в состоянии смотреть на дру-гих, как на самого себя, – вот что можно назвать искусством

гуманизма!»

Я передаю старину...

1. Философ сказал: «Я передаю старину, а не сочиняю; верю в старину и люблю ее, и позволяю себе сравнивать себя с моим ста-рым Лао-пыном».

2. Философ сказал: «В молчании обога-щать себя познаниями, учиться с ненасыт-ною жаждою и просвещать людей, не зная усталости, – какое из этих трех качеств есть во мне?»

3. Философ сказал: «То, что мы не преус-певаем в добродетели, не уясняем себе изу-чаемого, не можем устремляться на зов долга и не в состоянии исправить свои не-достатки – вот о чем я скорблю».

4. В свободное время Философ имел спо-койный и довольный вид.

5. Философ сказал: «Ужасно я опустил-ся и давно уже не вижу во сне Чжоу-гуна».

6. Философ сказал: «Стремись к истине, держись добродетели, опирайся на гуман-ность и забавляйся свободными искусстваами».

7. Философ сказал: «Я никому не отка-зывал в наставлении, начиная с тех, кото-рые приносили гонорар, состоявший из связ-ки сушеного мяса».

8. Философ сказал: «Неретивых я не про-свещаю; не сгорающим от нетерпения получить разъяснения – не объясняю; своих уро-ков не повторяю тем, которые по одному приподнятому углу не отгадывают трех ос-тальных».

9. Когда Философу приходилось кушать подле лиц, одетых в траур, он никогда не на-едался досыта.

10. Философ не ел в тот день, когда пла-кал.

11. Философ, обратясь к Янь-юаню, ска-зал: «Употребляют нас в дело – мы дейст-вуем, устраняют нас от него – мы скрыва-емся. На это способны только мы с тобой».

Цзы-лу спросил: «Если бы Вы предводительствовали армией, то кого бы Вы взяли с собой?» Философ сказал: «Я не взял бы с собою того, кто бросается на тигра с голыми руками или пускается без лодки по реке и умирает без сожаления. Я взял бы непременно того, кто в момент действия чрезвычайно осторожен и, любя действовать обдуманно, достигает успеха».

12. Философ сказал: «Если бы богатства можно было домогаться, хотя бы для этого пришлось быть кучером или погонщиком, я сделался бы им, а как его нельзя домогаться, то я займусь тем, что мне нравится».

13. Философ с вниманием относился к приведению в порядок своих помышлений перед жертвоприношением, к войне и к болезни.

14. Философ во время пребывания в Ци, услышав музыку Шао, в течение трех месяцев не находил вкуса в мясе, говоря, что он не ожидал, чтобы эта музыка была в такой степени очаровательна.

15. Жань-ю спросил Цзы-гуна: «Учитель за вэйского государя, а?» «Хорошо, – сказал Цзы-гун, – я спрошу его», – и, войдя к Конфуцию, он сказал: «Что за люди были Бо-и и Шу-ци?» «Древние добродетельные люди», – отвечал Философ. Цзы-гун снова спросил: «Роптали ли они?» Конфуций отвечал: «Они стремились к гуманности и обрели ее. Чего же им было роптать?» Цзы-гун вышел и сказал Жань-ю: «Учитель не за вэйского государя».

16. Философ сказал: «Есть грубую пищу, пить воду и спать на согнутом локте – в этом тоже заключается удовольствие. Неправедное богатство, притом соединенное со знатностью, для меня подобно мимолетному облаку».

17. Философ сказал: «Если бы мне прибавили несколько лет жизни для окончания изучения „И-цзина“, тогда у меня не было бы больших погрешностей».
18. Предметом постоянного разговора Философа служили «Ши-цзин», «Шу-цзин» и соблюдение церемоний; обо всем этом он постоянно говорил.
19. Шэ-гун спрашивал Цзы-лу о Конфу-ции. Тот не дал ему ответа. Тогда Философ обратился к Цзы-лу: «Почему ты не сказал ему, что этот человек в своем энтузиазме забывает о пище, весел до забвения печали и не замечает приближения старости? Вот как следовало бы тебе отвечать ему».
20. Философ сказал: «Я не тот, кто-рый обладает Знанием от рождения, а тот, который, любя древность, усердно ищет ее».
21. Философ не говорил о чудесном, о фи-зической силе, о смутах и о духах.
22. Философ сказал: «Если идут вместе три человека, то между ними непременно есть мой учитель, я избираю из них хороше-го и следую за ним, а дурной побуждает меня к исправлению».
23. Философ сказал: «Коль скоро Небо одарило меня высокими качествами, то что может сделать со мною Хуань-туй?!»
24. Философ сказал: «Уж не думаете ли вы, детки, что я скрываю от вас что-нибудь? Нет, я от вас ничего не скрываю; все мои деяния вам известны. Таков я».
25. Философ учил четверем предметам: письменам, нравственности, преданности и искренности.
26. Философ сказал: «Мудреца мне не уда-лось видеть, но если бы мне удалось видеть одаренных выдающихся талантами и нрав-ственными достоинствами, и то ладно». Фи-лософ также сказал: «Доброго человека мне не удалось видеть, но если мне удалось видеть человека постоянного, и то ладно. Кто не имеет чего-либо и делает вид, что имеет; пуст, а делает вид, что полон; бе-ден, а делает вид, что он богат, – тому трудно быть постоянным».
27. Философ удил рыбу, но не ловил ее сетью; не метал стрел в сидячую птицу.
28. Философ сказал: «Вероятно, есть люди, которые делают что-либо, не зная почему. Я не таков. Я преуспеваю в дости-жении знаний, потому что знаю, как приоб-ретаю их. Много слушать, избирать из этого хорошее и следовать ему; много на-блюдают и запоминать – это второсте-пенное знание».
29. С хусянцами трудно было говорить о добре и потому, когда пришел хусянский мальчик, то ученики отнеслись к нему подоз-рительно. Тогда Конфуций сказал: «Человек пришел ко мне, очистив себя, и я допускаю, что он мог очиститься, но, конечно, не могу ручаться за его прошлое; я только допускаю его к себе, но не ручаюсь, что он не сделает чего-нибудь нехорошего по выходе от меня. Это уж было бы чересчур!»
30. Учитель сказал: «Разве человеколю-бие далеко от нас? Если я хочу быть челове-колюбивым, человеколюбие приходит».

31. Чэньский министр спросил Конфу-ция: «Знает ли князь Чжао церемонии?» Тот отвечал: «Он знает их». Когда Конфу-ций удалился, он, приветствуя, ввел У-ма-ци и сказал ему: «Я слышал, что благород-ный муж не партиолен. А ведь случается, что и он бывает партиолен? Государи взяли жену в однофамильном с ним уделе У и на-звал ее: У Мэн-цы (первая госпожа из У). Если он знает церемонии, то кто же не зна-ет их?!» У-ма-ци сообщил об этом Конфу-цию, который сказал: «Как я счастлив! Если мне придется сделать ошибку, то люди не-пременно узнают об этом!»

32. Когда Конфуций бывал в компании с человеком, который пел, то если тот пел хорошо, он заставлял его повторить, а по-том уже сам аккомпанировал ему.

33. Философ сказал: «В письменности я, может быть, и подобен другим. Что же ка-сается личного исполнения мною того, что требуется от благородного мужа, то в этом я совершенно не успел».

34. Философ сказал: «На святость и гу-манность я не смею претендовать; но что я ненасытно стремлюсь к этому и просве-щаю людей, не зная усталости, то это еще можно сказать обо мне, но только это!». «Верно, – сказал Гун-си-хуа, – только мы не в состоянии подражать Вам в этом».

35. Когда Философ заболел, то Цзы-лу просил у него дозволения помолиться духам о его выздоровлении. Философ сказал: «А су-ществует ли правильное предписание на это?» «Существует, – отвечал Цзы-лу, – в одной эпитафии сказано „молимся за тебя духам Неба и Земли“».

Тогда Философ сказал: «Я давно уже мо-люсь».

36. Философ сказал: «Расточитель-ность ведет к непо-слушанию, а бережли-вость – к скаредности; лучше быть ска-редным, чем непочтительным».

37. Философ сказал: «Благородный муж: безмятежен и свободен, а низкий человек разочарован и скорбен».

38. Философ был ласков, но строг; вну-шительен, но не свиреп; почтителен, но спо-коен.

Тай-Бо

1. Философ сказал: «О Тай-бо можно сказать, что он был в высшей степени доб-родетелен; он трижды отказывался от им-ператорского трона; но так как народу было это неизвестно, то он не мог прослав-лять его».

2. Философ сказал: «Почтительность, не сдерживаемая церемониями (правилами), ведет к трусости; храбрость – к смутам, прямота – к запальчивости. Когда человек, занимающий высокое положение, крепко привязан к родным, то народ проникается чувствами гуманности; когда он не остав-ляет старых друзей, то народ не бывает скаредным».

3. Цзэн-цзы, заболевши, призвал своих учеников и сказал им: «Откройте мои ноги, откройте мои руки. В „Ши-цзине“ сказано: „Блюда себя со страхом и трепетом, как будто бы ты стоял на краю бездны или ступал по тонкому льду“. Теперь я знаю, что я сохранил мое тело (т.е. полученное от родителей) в ценности. Да, мои детки!»

4. Когда Цзэн-цзы заболел, его навестил Мэн-цзин-цзы и осведомился о его здоровье. Цзэн-цзы сказал: «Когда птица при смерти, то пение ее жалобно; когда человек при смерти, то слова его добры. Для человека, за-нимающего высокое положение, в правилах поведения важны три вещи: телодвижения, свободные от грубости и небрежности; вы-ражение лица, близкое к искренности; и тон речи, свободной от вульгарности и несооб-разности. Что касается (расположения) жертвенных сосудов (т. е. разных мелочей), то для этого есть специальные чины».

5. Цзэн-цзы сказал: «Будучи способным, обращаться с вопросами к неспособным; обладая большими знаниями, обращаться с вопросами к малознающим; иметь, как бы не иметь, быть полным, как бы пустым, и не считаться за оскорбления – так посту-пал один мой друг».

6. Цзэн-цзы сказал: «Не есть ли совер-шенный (благородный) муж тот, кому мож-но поручить малолетнего принца, вернуть управление небольшим княжеством, и кого нельзя заставить отступить перед великим долгом? Да, это совершенный человек!»

7. Цзэн-цзы сказал: «Ученый не может быть широкою натурой, твердым и вынос-ливым, потому что обязанность его тяжела и путь его далек. Гуманизм он считает своей обязанностью. Разве это не тяжелое бре-мя? Только со смертью оканчивается эта обязанность – разве это не далекий путь?»

8. Конфуций сказал: «Начинай образова–ние с поэзии, упрочивай его церемониями и завершай музыкою».

9. Конфуций сказал: «Народ можно за–ставляя следовать должным путем, но нельзя ему объяснить почему».

10. Конфуций сказал: «Отважный человек, тяготящийся бедностью, произведет смуту точно так же, как и человек, лишенный гуман–ности, если его чрез меру ненавидят».

11. Конфуций сказал: «Пусть человек об–ладает превосходными талантами Чжоу-луна, но если он тщеславен и скареден, то остальные качества его не заслуживают внимания».

12. Конфуций сказал: «Нелегко оты–скать человека, который бы, проучившись три года, не стремился к жалованью».

13. Конфуций сказал: «Искренне веруй и люби учиться, храни до смерти свои убежде–ния и совершенствуй свой путь. В госуда–рстве, находящееся в опасности, не входи; в го–сударстве, объятom мятежом, не живи; по–являйся, когда во Вселенной царит закон, и скрывайся в эпоху беззакония. Стыдно быть бедным и занимать низкое положение, когда в государстве царит закон; равно стыдно быть богатым и знатным, когда в государстве царит беззаконие».

14. Конфуций сказал: «Не в свое дело не мешайся».

15. Конфуций сказал: «Когда капельмей–стер Чжи начал управлять музыкой, то окончание пьесы „Гуань-цзюй“ наполняло слух волною приятных звуков».

16. Конфуций сказал: «Заносчив и не– прям, невежественен и не кроток, неспо–бен и неискренен – таких я не признаю».

17. Конфуций сказал: «Учись так, как будто боишься не достигнуть предмета, да еще опасаться потерять его».

18. Конфуций сказал: «Возвышенны Юй и Шунь, которые, обладая Вселенной, отно–сились к этому безучастно».

19. Конфуций сказал: «Как велик был Яо в качестве государя! Как возвышен он! Толь–ко одно Небо велико и только один Яо соот–ветствовал ему. По своим доблестям он так необъятен, что народ не может изъяс–нить его. Высок он и по своим наружным совершенствам».

20. Конфуций сказал: «У Шуня было пять министров, и Вселенная наслаждалась порядком». У-ван сказал: «У меня десять сановников, устраняющих порядок». Конфуций сказал: «Не правда ли, что трудно отыскать деловитых людей? Но в эпохи Тан и Юй (Яо и Шуня) их было больше, чем при Чжоу, когда было десять министров и из них – одна женщина. Вэнь-ван, несмотря на то, что обладал двумя третями Вселенной (Китая), служил династии Инь. Можно только сказать, что добродетели Чжоу были наивысшими добродетелями».

21. Конфуций сказал: «В Юе я не нахожу никакого недостатка. Он употреблял скудную пищу, но в высшей степени был почти-телен к духам; обыкновенное платье было у него плохое, но зато наколенники и корона отличались необыкновенною красотою; дворцовые комнаты были низкие, но зато он прилагал все старание к проведению каналов и рынков. Да, в Юе нет порока».

Конфуций редко...

1. Конфуций редко говорил о выгоде, судьбе и человеколюбии.

2. Человек из деревни Да-сянь сказал: «Как велик Конфуций! Обладая обширную ученостью, он, однако, ни в чем не составил себе имени». Услыхав об этом, Конфуций, обратясь к своим ученикам, сказал: «Чем бы мне заняться: стрельбою или кучерством?»

3. Конфуций сказал: «Церемонии требуют пеньковой шапки; но так как в настоящее время шелк сходнее, то я последую общему примеру. Кланяться внизу, перед за-лою – этого требуют церемонии; но ныне кланяются наверху – это дерзко, и потому, хотя это будет вопреки всем, я буду кланяться внизу».

4. Философ был свободен от следующих четырех предметов: предвзятого взгляда, уверенности, упрямства и эгоизма.

5. Конфуций, которому угрожали жители местечка Куань, сказал ученикам: «Со смертью Вэнь-вана разве просвещение не находится здесь, во мне? Если бы Небо хотело погубить это просвещение, то я не имел бы участия в нем. Следовательно, оно не хочет погубить его; в таком случае что же могут сделать

мне куанцы?»

6. Один президент палаты чинов спро–сил у Цзы–гуна: «Ведь философ – мудрец? Как много у него талантов!» Цзы–гун ска–зал: «Верно, Небо щедро одарило его, при–близив к святости, и даровало ему много та–лантов». Конфуций, услышав об этом, ска–зал: «Президент палаты чинов знает ли меня? В молодости я находился в низком положении и потому знал много вульгарных (низких) профессий. Благородному мужу много ли нужно знать? Немного».

7. Лао сказал: «Конфуций говорил о себе: „Меня не испытывали для государственной деятельности, потому я занимался свобод–ными искусствами“.

8. Конфуций сказал: «Есть ли у меня Зна–ние? Нет, я не имею его. Но если простой че–ловек спрашивает меня о чем–нибудь, то, как бы ни был пуст вопрос, я беру его с двух противоположных сторон и объясняю чело–веку во всей его полноте».

9. Конфуций сказал: «Феникс не появля–ется, и река не посылает карты. Конец мне!»

10. Конфуций при виде одетого в траур–ное или парадное платье, а также слепого, если сидел, непременно поднимался, а когда проходил мимо них, то проходил быстро.

11. Янь–юань с глубоким вздохом сказал: «Чем более взираешь на Учение Конфуция, тем оно кажется еще выше; чем более ста–раешься проникнуть в него, тем оно стано–вится еще непроницаемее; смотришь – оно впереди, как вдруг – уже позади (неулови–мо). Но Философ – человек систематич–ный; он умеет завлечь человека, обогащает его всевозможными познаниями и сдержи–вает его правилами церемоний. Хотел я ос–тавить Учение Конфуция и не мог; и когда истощил все свои способности, оно как буд–то бы встало предо мною, выдаваясь; хотя бы я хотел последовать за ним (овладеть), но у меня нет для этого средства (пути)».

12. Однажды Конфуций тяжело забо–лел. Тогда Цзы–лу прислал к нему своего уче–ника, чтобы тот состоял при Конфуции в качестве домашнего чиновника. Но Конфу–цию стало лучше, и он сказал: «Цзы–лу, дав–но уже твое поведение фальшиво. Не имея права на чиновника и обладая таковым, кого я обману? Разве Небо? Кроме того, не луч–ше ли мне умереть на руках моих учеников, чем на руках чиновников? Вдобавок допус–тим, что я не удостоюсь пышных похорон, но не бросят же меня на дороге, когда умру?!»

13. Цзы–гун сказал: «Если вот тут пре–красная яшма, – спрятать ли нам ее в ящик или же постараться продать ее за хорошую цену?» «Продать, продать, – ска–зал Конфуций, – я ожидаю покупателя».

14. Конфуций хотел удалиться к восточ–ным варварам. На это кто–то заметил: «Ведь они грубы! Как же можно?» Конфу–ций отвечал: «Там, где живет благородный муж, нет места грубости».

15. Конфуций сказал: «После моего воз–вращения из Вэй музыка исправилась, Оды и Восхваления обрели должное место».

16. Конфуций сказал: «Во внешней жиз–ни служить князьям и вельможам, во

внутренней – отцу и братьям, не смей не усердствовать в делах похоронных и не пьянеть от вина – что есть во мне из всего этого?»

17. Конфуций, находясь на реке, сказал: «Все проходящее подобно этому течению, не останавливаемому ни днем, ни ночью».

18. Конфуций сказал: «Я не видел, чтобы люди любили добро так же, как красоту».

19. Конфуций сказал: «Например, я де-лаю горку, и для окончания ее недостает одной плетушки земли, – останавливаюсь, эта остановка моя; возьмем опять для при-мера уравнивание земли; хотя бы вывалена была одна плетушка и я подвинулся в рабо-те на эту плетушку – ведь это я сам подви-нулся».

20. Конфуций сказал: «Всегда внима-тельный к тому, что я говорил – это был Янь-хуэй».

21. Конфуций сказал о Янь-юане: «Жаль мне его! Я видел его двигающимся вперед и никогда не видел, чтобы он останавливался».

22. Конфуций сказал: «Бывают колосья, которые не цветут, а бывают и такие, ко-торые цветут, но не наливаются».

23. Конфуций сказал: «На молодежь сле-дует смотреть с уважением. Почем знать, что будущее поколение не будет равняться с настоящим? Но тот, кто в 40–50 лет все еще не приобрел известности, уже не заслу-живает уважения».

24. Конфуций сказал: «Можно ли не сле-довать резонным советам? Да, но в этом случае важно исправление. Можно ли не быть довольным ласковыми внушениями? Да, но важно, чтобы они понимались. Но если человек доволен внушениями, однако не вникает в их смысл, принимает советы, но не исправляется, – с таким я не могу ничего поделать».

25. Конфуций сказал: «Почитай за глав-ное преданность и искренность, не

дружись с не подобными себе; ошибся – не бойся ис–правиться».

26. Конфуций сказал: «У многочисленной армии можно отнять главнокомандующе–го, а у обыкновенного человека нельзя от–нять его воли».

27. Конфуций сказал: «Облаченный в ста–рый посконный кафтан и не стыдящийся сто–ять с одетым в лисью шубу – это Ю (Цзы-лу). В „Ши-цзине“ сказано: „Тот, кто независтлив и неалчен, к чему ему делать зло?“ Цзы-лу всю жизнь потом повторял этот стих. Конфуций же заметил: „Одного этого правила недоста–точно для достижения добра“.

28. Конфуций сказал: «Только с наступ–лением холодного времени года мы узнаем, что сосна и кипарис опадают последними».

29. Конфуций сказал: «Умный не заблу–ждается, гуманист не печалится и муже–ственный не боится».

30. Конфуций сказал: «Человек, с кото–рым можно вместе учиться, еще не есть че–ловек, с которым можно утвердиться в добродетели; человек, с которым можно вместе идти по пути добродетели, еще не есть человек, с которым можно утвер–диться в добродетели; человек, с которым можно утвердиться в добродетели, еще не есть человек, с которым можно взвеси–вать должное (т.е. принимать решение, со–образное с обстоятельствами и требова–ниями времени)».

31. «Колышутся и перевертываются цветы груши... Разве я не думаю о тебе? Ду–маю, да дом далеко». Конфуций сказал: «Не думаешь, а то что за даль!»

В своей деревне

1. Конфуций в своей родной деревне имел простодушный вид, как будто бы не мог сказать слова. А в храме предков и при дворе он говорил обстоятельно, но только с осто–рожностью.

2. В ожидании аудиенции в разговоре с низшими вельможами он был тверд и прям, а в разговоре с высшими был любезен. В при–сутствии Государя он выступал с благого–вением, но с должным достоинством.

3. Когда Государь подзывал его и прика–зывал принять иностранных посланников, то он менялся в лице, и ноги у него подкаши–вались. Когда он делал приветствие руками направо и налево стоящим в ряд сослужив–цам, то его платье спереди и сзади сидело гладко; когда спешил вперед в царские по–кои, был подобен птице с растопыренными крыльями. Когда гости удалялись, то он не–пременно докладывал Государю, говоря: «Гости не оглядываются».

4. В ворота княжеского дворца он вхо–дил наклонившись, как бы не помещаясь в них. В воротах он не останавливался и, про–ходя, не ступал на порог. Следуя мимо пре–стола, он менялся в лице, ноги его подгиба–лись, и он говорил, как будто бы у него недос–тавало духа. Подбрав подол платья, он вступал в залу, согнувшись и затаив дыха–ние, словно не дышал вовсе. По выходе, когда он спускался на одну ступеньку, лицо его распускалось и делалось спокойным и весе–лым. Спустившись, он быстро бежал, рас–топырив руки, и благоговейно возвращался на свое место.

5. Конфуций держал символ власти своего князя согнувшись, как бы подавленный его тяжестью, поднимая его вверх не выше рук, сложенных для приветствия, и не опуская ниже рук, словно протянутых для отдавания чего-либо. Лицо его менялось и словно трепетало, он двигался мелкими шажками, на пятках, не поднимая ног; при представлении подарков выражение лица его было спокойное. При частных визитах он имел веселый вид.

6. Конфуций не оторачивал своего воротника темно-красной или коричневой материей. Не употреблял на домашнее платье материи красного или фиолетового цветов (как цветов промежуточных, более идущих женскому полу). В летние жары у него был однорядный халат из тонкого или грубого травяного полотна, который при выходе из дому он непременно накидывал поверх исподнего платья. Поверх нагольной шубы из черного барашка он надевал черную однорядку, поверх пыжиковой – белую, а поверх лисьей – желтую. У него был меховой халат, длинный, с коротким правым рукавом (для удобства в работе). Он непременно имел спальное платье длиной в 1,5 своего роста. В домашней жизни Конфуций употреблял (для сиденья) пушистые лисьи и енотовые меха. По окончании траура он носил всевозможные подвески.

Если это было не парадное платье, то оно непременно скашивалось сверху. Барашковая шуба и черная шапка не употреблялись при визитах с выражением соболезнования. Первого числа каждого месяца он непременно одевался в

парадное платье и являлся ко двору.

7. Во время поста после омовения непременно надевал чистое полотняное платье; непременно менял пищу и платье (т.е. не ел скоромного, пряностей и не пил водки, до которой он был большой охотник), и в комнате непременно менял место сидения.

8. Не гнушался кашею из обрушенного риса и мясом, изрубленным на мелкие куски. Он не ел ни каши, испортившейся от жары или влажности, ни испортившейся рыбы и тухлого мяса; не ел также кушанья с изменившимся цветом и запахом, а также приго-товленного не в пору и вообще всего несозревшего; порезанного неправильно (не квадратиками) или приготовленного с несо-ответствующим соусом – не ел. Хотя бы мяса и было много подано, но он не допускал, чтобы оно получало перевес над раститель-ною пищею (рисом); только в вине он не огра-ничивал себя, но не пил до помрачения. По-купного вина и базарного мяса он не ел (опа-саясь, что они не чисты или вредны для здоровья). Он никогда не обходился без имби-ря. Ел немного.

9. Участвуя в княжеских жертвоприно-шениях, он не допускал, чтобы мясо остава-лось более трех дней; в противном случае он его не ел.

10. Во время еды не отвечал; во время спанья не разговаривал.

11. Хотя бы пища его состояла из каши-цы или овощного супа, он непременно отделял из них в жертву и непременно делал это с благоговением.

12. На рогожку, постланную неровно, он не садился.

13. На деревенском пире он не выходил из-за стола ранее стариков.

14. Когда жители его родной деревни прогоняли поветрие (т.е. изгоняли духов), то он в парадном платье стоял на восточ-ной стороне крыльца.

15. Когда отправлял человека в другое владение навеститься о чьем-либо здоровье, то провожал его двукратным поклоном во-след.

16. Когда Кан-цзы послал Конфуцию ле-карства, то тот, приняв его с поклоном, сказал: «Не зная их свойств, я не смею от-ведать их».

17. Когда у него сгорела конюшня, Кон-фуций, возвратившись из дворца, сказал: «Ранен ли кто-нибудь?» – а о лошадях не осведомился.

18. Когда владетельный князь жаловал его кушаньем, то он, непременно поправив рогожку, предварительно отведывал его. Если князь жаловал его сырым мясом, то он непременно варил его и делал предложение предкам; а если князь жаловал живую ско-тину, то он кормил ее. Когда он присутст-вовал при столе у Государя, то Государь приносил жертву, после чего Конфуций пре-жде всех начинал есть.

19. Во время болезни, когда Государь на-вещал его, Конфуций обращал голову на вос-ток и покрывал себя парадным платьем, разложив на нем пояс.

20. В случае приказания Государя явить-ся, он отправлялся пешком, не ожидая,

пока для него запрягут телегу.

21. Входя в храм предков, Конфуций спрашивал обо всем.

22. Когда умирал друг, которого было некому похоронить, Конфуций говорил: «Я похороню его».

23. За подарки друзей, хотя бы они со–стояли из телеги и лошади, но не из жерт–венного мяса, он не кланялся.

24. Он не спал наподобие трупа навзничь и в обыденной жизни не принимал на себя важного вида.

25. Увидев одетого в траур, хотя бы и коротко знакомого, он менялся в лице; уви–дев кого-либо в парадной шапке или слепца, хотя бы часто встречался с ними, он непре–менно выказывал к ним вежливость. Когда, сидя в телеге, он встречал одетого в траур, опираясь на перекладину, наклонялся в знак соболезнования; такую же вежливость он оказывал и лицам, несшим списки населения. При виде роскошного угощения он непременно менялся в лице и вставал [в знак почте–ния]. Во время грозы и бури он непременно менялся в лице.

26. Поднявшись в телегу, он стоял в ней прямо, держась за веревку. Находясь в теле–ге, он не оглядывался назад, не говорил бы–стро и не указывал пальцем.

Древние люди вообще стояли, [передвигаясь] в телеге или колеснице; сидели только старики и женщины, для которых были особые покойные колесницы.

27. При виде недоброго выражения лица человека птицы поднимаются и летают взад и вперед, а потом опять опускаются.

«Сидящая на этом мосту фазаниха, – ска–зал Конфуций, – действительно знает свое время, знает свое время!» Тогда Цзы-Лу нахо–дился поодаль Конфуция, и они вместе напра–вились к птице, как бы имея намерения пой–мать ее, но она, вскрикнув трижды, подня–лась.

Хотя прежние люди...

1. Конфуций сказал: «Хотя прежние люди в церемониях и музыке были дикарями, а последующие – людьми образованными, если бы дело коснулось употребления их, то я бы последовал бы за первыми».
2. Конфуций сказал: «Все сопровождавшие меня в Чэнь и Цай не достигли моих во-рот».
3. Между ними добродетелями отлича-лись Янь-юань, Минь-цзы-цянь, Жань-бо-ню и Чжун-гун, красноречием – Цзай-во, Цзы-гун, в правительственных делах – Жань-ю и Цзи-лу, и ученостью – Цзы-ю и Цзы-ся».
4. Конфуций сказал: «Хуэй – не помощ-ник мне; во всех моих речах он находил удо-вольствие».
5. Конфуций сказал: «Как почителен Минь-цзы-цянь! Все посторонние люди не разнятся в своих отзывах о нем с отзывами его родителей и братьев».
6. Нань-жун три раза в день повторял стихотворение «Ши-цзина» о белом ски-петре; поэтому Конфуций выдал за него дочь своего старшего брата.
7. Цзи Кан-цзы спросил у Конфуция: «Кто из Ваших учеников отличается любовью к Учению?» Тот отвечал: «Был Янь-хуэй, любил учиться. К несчастью, он был не-долговечен, умер, а теперь уже нет таких».

8. Когда Янь-юань умер, то Янь-лу (отец его) просил у Конфуция телегу, чтобы на вы-рученную за нее сумму сделать саркофаг. Конфуций сказал: «Каждый почитает своего сына вне зависимости от того, способен он или нет. Когда Ли умер, то у него был гроб, но не было саркофага. Не пешком же мне ходить ради саркофага! Так как я состою в списках вельмож, то не могу ходить пешком».

9. Когда Янь-юань умер, то Конфуций сказал: «Ах! Небо погубило меня! Небо погу-било меня!»

10. Когда Янь-юань умер, то Конфуций горько плакал. Сопутствовавшие ему сказа-ли: «Философ, ты предаешься чрезмерной скорби!» Он отвечал: «Чрезмерной скорби? О ком же мне еще глубоко скорбеть, как не об этом человеке?!»

11. Когда Янь-юань умер, ученики хоте-ли устроить ему богатые похороны. Конфу-ций сказал: «Нельзя!» Но ученики все-таки пышно похоронили Янь-юаня. Конфуций сказал на это: «Хуэй смотрел на меня как на отца, но я не могу смотреть на него как на сына; не я, а вы виноваты в этом!»

12. Цзы-лу спросил о служении духам умерших. Конфуций отвечал: «Мы не умеем служить людям, как же можно служить духам?» Цзы-лу сказал: «Осмелюсь спро-сить о смерти». Конфуций ответил: «Мы не знаем жизни, как же мы можем знать смерть?»

13. Минь-цзы, когда стоял подле Конфу-ция, имел скромный вид, Цзы-лу – воинст-венный, Жань-ю и Цзы-гун имели вид бес-хитростный. Философ был доволен, сказав: «Что касается Ю, то он не умрет естест-венной смертью».

14. Лусцы хотели перестроить длинную кладовую. Минь-цзы-цзянь сказал: «Оста-вить бы по-старому. Как Вы думаете? За-чем перестраивать?» Конфуций сказал: «Этот человек не говорит попусту, но если скажет что-нибудь, то непременно попа-дет в самую точку».

15. Конфуций сказал: «Ю (Цзы-лу) не в моей школе научился играть на гуслях». Уче-ники Конфуция не уважали Цзы-лу. Фило-соф сказал: «Ю вошел в зал, но не вступил во внутренние покои (т.е. не постиг всей сути мудрости)».

16. Цзы-гун спросил Конфуция: «Кто достойнее – Ши (Цзы-чжан) или Шан?» Конфуций ответил: «Ши переходит за се-редину, а Шан не доходит до нее». «В таком случае, – продолжал Цзы-гун, – Ши лучше Шана». Конфуций сказал: «Переходить должную границу то же, что не доходить до нее».

17. Некто сказал: «Фамилия Цзи богаче Чжоу-гуна; и все это благодаря Цю (Жань-ю), который собирал для нее доходы и увеличи-вал ее богатства». «Он не мой ученик, – сказал Конфуций, – детки, бейте в барабан и нападайте на него, он заслуживает этого!»

18. Конфуций сказал: «Чай – он глуп, Шэн – туп, Ши – лицемерен, а Ю – неотес-анный».

19. Конфуций сказал: «Хуэй (Янь-юань) почти близок к Пути (истине) и по своему бескорыстию часто терпит нужду. Цы (Цзы-гун) не мирится с судьбою, приумно-жает свое имущество, и расчеты его часто бывают верны».

20. Цзы-чжан спросил о характеристике доброго человека. Конфуций отвечал: «Он не идет по стопам древних мудрецов и потому не войдет в храмину мудрости».

21. Конфуций сказал: «Признавать ли за благородного человека или же за притворца-ка того, чьи рассуждения вполне искренни?»

22. Цзы-лу спросил: «Когда услышу о долге, следует ли мне немедленно исполнять его?» «Как можно, – сказал Конфуций, – когда у тебя живы отец и старший брат?» «А мне – следует?» – спросил Жань-ю. «Тебе – следует», – отвечал Конфуций. Тогда Гун Си-хуа сказал: «Когда тебя спросят Ю, так ты отвечал ему: „У тебя есть отец и старший брат“; а Цю ты отвечал, что следует. Я в недоумении и осмеливаюсь спросить у тебя разъяснения». Конфуций отвечал: «Цю – труслив, и потому я побуждаю его идти вперед, а Ю – стремительен, потому я осаждаю его назад».

23. Когда Конфуцию угрожала опасность в местности Куан и Янь-юань отстал, то он потом сказал последнему: «Я считал тебя умершим». На это последовал ответ: «Когда Учитель жив, как я смею умереть?!»

24. Цзи Цзы-жань спросил у Конфуция, могут ли Чжун-ю и Жань-ю называться сановниками. Конфуций сказал: «Я думал, что вы спросите о чем-нибудь необыкновенном, а вы спрашиваете о Ю и Цю! Сановником называется тот, кто служит своему государю истинно и удаляется, если находит невозможным так служить ему. Ныне Ю и Цю можно назвать сановниками для сче-та». На вопрос, будут ли они повиноваться ему, Конфуций ответил: «Если дело коснется отцеубийства или цареубийства, то и они не исполнят этого».

25. Цзы-лу хотел послать Цзы-гао начальником в город Ми. На это Конфуций сказал: «Это значит погубить чужого сына». Цзы-лу сказал: «Там есть народ, которым надо управлять, есть и духи земли и хлебов, которым надо приносить жертвы. Какая необходимость в чтении книг, чтобы научиться этому?» Конфуций сказал на это: «Вот почему я ненавижу краснобаев!» Следует отметить, что Цзы Лу в то время достиг изрядных высот, служа аристократической патронимии Цзи, и поэтому обладал пол-номочиями назначать управляющих уездами.

26. Цзы-лу, Цзэнь-си, Жань-ю и Гун-си-хуа сидели подле Конфуция, который сказал им: «Не стесняйтесь говорить потому, что я несколько старше вас. Вы

постоянно гово–рите, что вас не знают, а что бы вы сде–лали, если бы вас знали?» На это Цзы-лу лег–комысленно отвечал: «Если бы я управлял владением в тысячу колесниц, окруженным большим государством, испытывшим наше–ствие неприятеля, а вследствие этого —удручаемым голодом, то по прошествии трех лет мог бы внушить ему мужество и напра–вить к сознанию долга». Конфуций усмех–нулся: «Ну а ты как, Цю?» Цю отвечал: «Если бы я управлял маленьким владением в шестьдесят – семьдесят ли, а то и в пятьде–сят – семьдесят ли, то в течение трех лет я мог бы довести народ до довольства. Что же касается церемоний и музыки, то для этого пришлось бы подождать достойного человека». «Ну а ты, Чи, что?» Последний отвечал: «Я не скажу, чтобы я мог это, но я желал бы поучиться; и при жертвоприно–шениях в храме предков, при представлениях удельных князей и их сановников желал бы в черном парадном платье и парадной шапке исполнять обязанности младшего церемо–ниймейстера». «Ну а ты, Дянь (Цзэн-си), что скажешь?» Когда замерли звуки гуслей, на которых играл Цзэн-си, он отложил их и, поднявшись, отвечал: «Мой выбор отлича–ется от выбора трех господ». Конфуций сказал: «Что за беда? Ведь каждый выска–зывает свои желания». Тогда Дянь сказал: «Под конец весны, когда весеннее платье все готово, я желал бы с пятью-шестью моло–дыми людьми, да с шестью-семью юнцами купаться в реке И, наслаждаться затем прохладой на холме У-юй и с песнями воз–вращаться домой». Конфуций с глубоким вздохом сказал: «Я одобряю Дяня». Когда трое учеников удалились, Цзэн-си, остав–шись подле Конфуция, спросил: «Что Вы ду–маете о речах трех учеников?» Конфуций сказал: «Каждый из них выразил только свое желание». «Почему Вы улыбнулись, ко–гда говорил Ю?» – продолжал Цзэн-си.

«Хочет управлять государством посредст–вом церемоний, а между тем речи его не ды–шали уступчивостью – вот почему я улыб–нулся», – ответил Конфуций. Дянь спро–сил: «А разве Цю говорил не о государстве?» «Откуда же это видно, что пространство в пятьдесят, шестьдесят или семьдесят ли не государство?» «А разве Чи говорил не о государстве?» «Храм предков и собрание князей разве не касаются князей? Если бы Чи был младшим церемониймейстером, то кто же мог бы быть старшим?»

Янь-юань

1. На вопрос Янь-юаня о гуманизме Кон–фуций сказал: «Победить себя и вернуться к церемониям значит стать гуманистом. И в тот день, когда человек победит себя и воз–вратится к церемониям, Вселенная возвра–тится к гуманизму. Быть гуманистом зави–сит ли от себя или от людей?» Янь-юань сказал: «Позволю себе просить Вас указать мне подробности». Конфуций отвечал: «Не смотри на то, что противно правилам, не слушай того, что противно им, не говори того, что противно им и не совершай дей–ствий, противных им». Янь-юань сказал: «Хотя я и не отличаюсь быстротою ума, но попытаюсь осуществить эти слова».

2. На вопрос Чжун-гуна о человеколюбии (гуманности) Конфуций отвечал: «Вне дома веди себя, как будто бы ты принимал знат–ного гостя; распоряжайся народом, как будто бы ты участвовал при великом жертвоприношении; чего не желаешь себе, не делай и другим, и тогда как в государстве, так и дома не будет против тебя ропота». Чжун-юн отвечал: «Хотя я и не отличаюсь быстротою ума, но попытаюсь осущест–вить эти слова».

3. На вопрос Сы-ма-ню о человеколюбии (гуманности) Конфуций отвечал: «Гума–низм – это осторожность в речах». На это Сы-ма-ню сказал: «Осторожность в

речах – это ли называется гуманизмом?» Конфуций отвечал: «Что трудно сделать, разве о том можно говорить без осторожности?»

4. На вопрос Сы-ма-ню о благородном муже Конфуций отвечал: «Благородный муж тот, который скорбит и не боится». На это Сы-ма-ню сказал: «Кто не боится и не скорбит – это ли есть благородный муж?» Конфуций сказал: «Если кто, исследуя свой внутренний мир, не находит в себе недостатков, чего же ему скорбеть или бояться?»

5. Сы-ма-ню со скорбью сказал: «У всех есть братья, только у меня их нет». Цзы-ся ответил: «Я слышал, что смерть и жизнь зависят от судьбы, а богатство и знатность – от Неба. Если благородный муж постоянно внимателен к себе, почтителен и вежлив к другим, то во всей Вселенной все ему братья. Чего же ему беспокоиться, что у него нет братьев?»

6. На вопрос Цзы-чжана об умном Конфуций отвечал: «Умным и даже дальновидным можно назвать того, на кого не действуют ни медленно всасывающаяся клевета, ни жалобы на кровные обиды».

7. На вопрос Цзы-гуна, в чем состоит управление, Конфуций отвечал: «В достаточности пищи, в достаточности военных сил и в доверии народа». Цзы-гун сказал: «Но если бы предстояла неизбежная необходимость исключить одну из этих трех статей, то какую исключить прежде?» «Военную часть», – отвечал Конфуций. Цзы-гун сказал: «А если бы правительство вынуждено было пожертвовать одной из этих двух, то какую прежде?» «Пищею», – сказал Конфуций, – потому что смерть всегда была общим уделом, а без доверия народа правительство не может стоять».

8. Цзи-цзы-чэн сказал: «Благородному мужу нужна только безыскусственность, к чему еще шлифовка?» Цзы-гун сказал: «Увы! Ваши слова – слова благородного мужа; но четверка лошадей не в состоянии догнать слова, сорвавшиеся с языка. Внешнее украшение подходит к природе, а природа – к украшению. Шкура барса или тигра без волос походит на шкуру собаки или барана».

9. Ай-гун спросил у Ю-жо: «Год голодный, средств недостаточно, как быть?» Ю-жо отвечал: «Восстановить бы десяти-ну?» Князь сказал: «Для меня даже двух десятин недостаточно; что же я буду делать с одной?» На это Ю-жо отвечал: «Если у народа будет достаток, то каким же образом у государя будет недостаток? Если у народа будет недостаток, то каким же образом у государя

будет достаток?»

10. Цзы-чжан спросил: «Как возвысить добродетель и отличить заблуждение?» Конфуций отвечал: «Принимать за руководительное начало преданность и искренность и обращаться к справедливости – это значит возвышать добродетель. Любя, кого вы желаете, чтобы он жил, ненавидя, кого вы желаете, чтобы он умер. Коль ско-ро вы желаете жизни и в то же время же-лаете смерти – это будет заблуждение. В „Ши-цзине“ сказано: „Положительно не из-за богатства (он бросил меня), а только из-за разнообразия (т.е. что новая любовь имеет для него особую прелесть)“.

11. В ответ на вопрос циского князя Цзи-на о правлении, предложенный им Конфу-цию, последний отвечал: «Правление есть там, где государь есть государь, ми-нистр – министр, отец – отец и сын – сын». На это князь сказал: «Прекрасно! Действительно, если государь не будет го-сударем, министр – министром, отец – отцом и сын сыном, то хотя бы у меня был хлеб, буду ли я в состоянии пользоваться-ся им?»

12. Философ сказал: «Полусловом могу-щий решить судебное дело – это Ю (Цзы-лу). Он никогда не откладывает своих обеща-ний до другого дня».

13. Философ сказал: «Слушать тяжбы я могу подобно другим, но что действительно необходимо, это чтобы не было тяжб».

14. В ответ на вопрос Цзы-чжана на- счет правления Философ отвечал: «Управ-ление заключается в том, чтобы неустанно сосредоточиваться на нем и нелицемерно осуществлять его».

15. Философ сказал: «Если бы при обшир-ной учености сдерживать себя церемониями (т.е. правилами), то благодаря этому так-же можно не уклониться от истины».

16. Философ сказал: «Благородный муж содействует людям в осуществлении их до-брых дел, но не злых, а низкий человек посту-пает противно этому (наоборот)».

17. На вопрос Цзи Кан-цзы насчет прав-ления Философ отвечал: «Правление – это есть исправление. Если вы будете подавать другим пример прямоты, то кто же осме-лится быть непрямым?»

18. Цзи Кан-цзы, озабоченный развиг-шимся воровством, спросил на этот счет совета у Конфуция. Последний отвечал ему: «Если вы сами не будете алчны (т.е. не бу-дете воровать), то, хотя бы вы давали лю-дям награды, они не станут воровать».

19. Цзи Кан-цзы, спрашивая у Конфуция о правлении, сказал: «Что вы скажете, если мы будем казнить (убивать) беззаконных людей для образования нравственных лю-дей?» Конфуций отвечал: «Вы управляете, зачем же прибегать к убийству? Если Вы пожелаете быть добрым, то и народ будет добр. Добродетели благородного мужа – это ветер, а качества низкого человека – это трава, и ветер, гуляющий по траве, не-пременно пригибает ее».

20. Цзы-чжан спросил: «Каков должен быть ученый, которого можно было бы на-звать истинно славным?» «Кого это ты на-зываешь истинно славным?» –

спросил Конфуций. Цзы-чжан отвечал: «Того, кто непременно пользуется известностью как в государстве, так и в семье». «Но это будет известный, а не истинно славный, – возразил Конфуций, – истинно славный обладает природною прямою и любит правду, вникает в слова и вглядывается в выражение лица, заботится о том, чтобы поставить себя ниже других, – такой, без сомнения, будет истинно славным как в государстве, так и в семье. А известный – это тот, кто принимает вид гуманиста, тогда как действия его противоречат этому и он, не подозревая, пребывает в этом заблуждении. Такой будет известен как в государстве, так и в семье».

21. Фань-чи, сопутствуя Конфуцию, в прогулке под У и Юй, сказал: «Осмелюсь спросить Вас о возвышении добродетели, искоренении зла и различении заблуждения». «Прекрасный вопрос, – сказал Философ, – прежде дело, а потом успех, разве это не значит возвышать добродетель? При нападении на свое зло не нападать на чужое зло, разве это не значит искоренять зло? Под влиянием минутной досады забывать себя и своих родителей, разве это не заблуждение?»

22. На вопрос Фань-чи о человеколюбии (гуманности) Философ отвечал: «Гуманность – это любовь к людям». На вопрос, что такое знание, Философ отвечал: «Знание – это знание людей». Фань-чи не понял. Философ сказал: «Возвышая людей честных (прямых) и преграждая путь бесчестным (кривым), мы можем сделать бесчестных честными». Фань-чи ушел и, встретив Цзы-ся, сказал: «Недавно я был у Философа и спросил его, в чем состоит знание. Он отвечал: «Возвышая людей честных и преграждая путь бесчестным, мы можем сделать бесчестных людей честными». Что это значит?» Цзы-ся отвечал: «Богатое (капитальное) изречение! Шунь, получив царство, выбирал из всех и возвысил Гао-яо; вследствие этого люди

негуманные удалились. Тан, получив престол, выбирая из всех, возвысил И-иня, и люди негуманные также удалились».

23. Цзы-гун спросил: «В чем состоит дружба?» Философ ответил: «В искреннем увещании и в добром руководстве; нельзя – прекрати, не срами себя».

24. Цзэн-цзы сказал: «Благородный муж: сходится с друзьями чрез ученость и пользу – ется ими для усовершенствования в гуманности (добродетели)».

Цзы-лу

1. Цзы-лу спросил: «В чем состоит правление?» Философ ответил: «В том, чтобы предупредить народ своим примером и трудиться для него». На просьбу о дальнейших объяснениях Философ сказал: «Не ленись».

2. Чжун-гун, сделавшись правителем у фамилии Цзи, спросил об управлении. Философ сказал: «Сначала обращай внимание на подчиненных чиновников, прощай малые ошибки и возвышай достойных и способных». Чжун-гун сказал: «Как узнавать достойных и способных и возвышать их?» Философ ответил: «Возвышай известных тебе, а неизвестных тебе люди не бросят».

3. Цзы-лу сказал: «Вэйский государь Чу-гун-чжэ ожидает Вас, Философ, чтобы с Вами управлять государством. С чего Вы намерены начать?» «Необходимо исправить имена», – ответил Конфуций. «Вот как! Вы далеко заходите. К чему это исправление?» – спросил Цзы-лу. «Дикарь ты, Ю, – отвечал Философ. – Благородный муж осторожен по отношению к тому, чего не знает. Если имя неправильно (не соответствует сущности), то слово противоречит делу, а когда слово противоречит делу, то дело не будет исполнено, а если дело не будет исполнено, то церемонии и музыка не будут процветать, а если церемонии и музыка не будут процветать, то наказания не будут правильны, а когда наказания будут извращены, то народ не будет знать, как ему вести себя. Поэтому для благородного мужа необходимо, чтобы он непременно [мог назвать правильные имена вещей с тем, чтобы] сказанное исполнить и чтобы в словах его не было ничего бесчестного (недобросовестного)».

4. Фань-чи просил научить его земледелию. Философ ответил: «Я хуже опытного земледельца». «Ну, прошу научить огородничеству», – попросил Фань-чи. Философ ответил: «Я хуже опытного огородника». Когда Фань-чи вышел, Философ сказал:

«Мелкий человек этот Фань-суй. Если наверху любят церемонии, то народ не осмелится быть непочтительным; если наверху любят правду, то народ не осмелится не покоряться; если наверху любят искренность, то народ не осмелится не выражать привязанности. А при таких условиях народ, неся в пеленках за плечами малых детей, устремится к вам. Зачем же заниматься земледелием?»

5. Конфуций сказал: «Человек прочитает весь „Ши-цзин“, а дадут ему какое-нибудь правительственное дело, то он не понимает его; пошлют его в чужое государство, а он не в состоянии один справиться с ним. Хотя он и много знает, но какая от этого польза?»

6. Конфуций сказал: «Если сам правитель корректен, то народ без приказаний

будет исполнять, что нужно; если же пра-витель сам не корректен, то, хотя бы он приказывал, его не послушают».

7. Философ сказал: «Государства Лу и Вэй по своему правлению сходны между собою».

8. Философ отозвался о взыском княжи-че Цзине, что он умел жить (хозяйничать). «Как только у него появилось кое-что, он го-ворил: „Кое-как накапливается“; когда у него был малый достаток, он говорил: „Кое-как наполняется“; а когда разбогател, то гово-рил: „Однако славно!“

9. Философ отправился в Вэй с Жань-сю в качестве кучера и, обратившись к нему, сказал: «Как много народа!» Жань спросил: «Коль скоро много, то что еще можно было бы прибавить?» «Обогатить его», – отве-чал Философ. «А когда он разбогатеет, то что еще можно бы сделать для него?» «Научить его», – отвечал Философ.

10. Философ сказал: «Если бы кто вос-пользовался мною для службы, то через год правление было бы уже порядочное, а через три года оно было бы уже совершенно уст-роено».

11. Философ сказал: «Если бы добрые люди управляли государством сто лет, то тогда возможно бы было победить жесто-ких и уничтожить казни».

12. Философ сказал: «Если бы появился государь, проникнутый чувством законности, то по истечении века (поколения) воца-рилось бы человеколюбие».

13. Философ сказал: «Если кто исправит себя, то какая трудность для него участвовать в управлении? Если же кто не в состоянии исправить самого себя, то каким образом он будет исправлять других?»

14. Когда Жань-цзы возвратился из дворца, Философ спросил: «Почему так поздно?» Жань-цзы отвечал: «Были государственные дела. На это Философ возразил: «Вероятно, это было частное дело, потому что, если бы были государственные дела, то я бы знал о них, несмотря на то, что я не у дел».

15. Дин-гун спросил: «Возможно ли одним словом возвысить государство?» Конфуций отвечал: «От одного слова нельзя ожидать таких результатов. Людская пословица говорит: „Быть государем трудно, но нелегко быть и министром“. Если будем понимать, что трудно быть государем, то разве нельзя надеяться одним этим словом поднять государство?» «А бывало ли, чтобы одно слово губило государство?» – спросил Дин-гун. Конфуций отвечал: «От одного слова нельзя ожидать этого. Народная пословица говорит: „Я не радуюсь быть правителем, потому что словам его только поддакивают, и никто не противоречит ему“. Если слова его хороши и им не противоречат, разве это не хорошо? Если же они не хороши и им не противоречат, не близко ли это к тому, что одно слово губит государство?»

16. Шэ-гун спросил о правлении. Философ ответил: «Правление хорошо, когда окружающие (близкие) довольны, а отдаленные приходят к тебе».

17. Цзы-ся, сделавшись правителем рода Цзюй-фу, спросил о том, как управлять. Философ ответил: «Не торопись и не гонись за малыми выгодами. Будешь торопиться – не уразумеешь дела; будешь гоняться за малыми выгодами большого дела не сделаешь».

18. Шэ-гун в разговоре с Конфуцием сказал: «В нашей деревне был один прямолинейный парень; отец его удержал (узнал) чужого барана, а сын явился в качестве обвинителя». Конфуций сказал: «В нашей деревне прямолинейные люди отличаются от этого: у нас отец прикрывает сына, сын прикрывает отца. В этом и есть прямота».

19. На вопрос Фань-чи о гуманизме Философ ответил: «Будь скромным в частной жизни, управляй делами с благоговейным вниманием, будь искренен к людям; хотя бы ты ушел к ди-карям, – и там нельзя бросить этого».

20. Цзы-гун спросил: «Каков должен быть тот, кого можно бы назвать ученым?» Философ сказал: «Ученым можно назвать того, кто не зазорен в своем поведении и, будучи послан в чужие края, не посрамил повеления государя». «Смею спросить: кто будет следующий за этим?» – поинтересовался Цзы-гун. «Тот, кто непременно остается верен своему слову и непременно приводит в исполнение то, что делает; таким образом, крепкие и ограниченные люди все-таки могут занимать следующее место (в разряде ученых)». Цзы-гун сказал: «А каковы настоящие соучастники в правлении?» «Эх, – ответил Философ, – стоит ли брать в расчет этих мелких людишек?»

21. Философ сказал: «За неимением людей, идущих путем неуклонной середины, с которыми бы я мог иметь дело, я непременно обратился бы к людям пылким и сдержанным, потому что первые берут натиском, а у вторых есть нечто, сдерживающее от противозаконного».

22. Конфуций сказал: «У южан есть поговорка: „Человек, не обладающий постоянством, не может быть ни знахарем, ни доктором“. Прекрасно! В „Ицзине“ сказано: „Непостоянный в своем призвании иногда может подвергнуться посрамлению“. Это известно и без гадания».

23. Философ сказал: «Благородный муж миролюбив, но не льстив, а низкий льстив, но не миролюбив».

24. Цзы-гун спросил: «Что Вы скажете о человеке, которого все земляки любят». «Не годится», – сказал Философ. «А что Вы скажете о человеке, которого все ненавидят?» – продолжал спрашивать Цзы-гун. «Тоже не годится», – сказал Философ. – Лучше тот, которого любят хорошие земляки и ненавидят нехорошие».

25. Философ сказал: «Благородному человеку легко служить, но трудно угодить; угождаешь ему не по закону, он не будет доволен. Что касается употребления им людей на службу, то он дает им дело, смотря по их способностям. Подлому человеку трудно служить, но легко угодить, потому что хотя угождаешь ему и не по закону, но он будет доволен. Что же касается употребления им людей на службу, то он ищет таких, которые были бы способны на всё».

26. Философ сказал: «Благородный муж отличается спокойным достоинством, но не тщеславен; а подлый человек, наоборот, тщеславен, но не имеет спокойного достоинства».

27. Философ сказал: «Человек твердый, решительный, безыскусный и простосердечный подходит близко к гуманизму».

28. Цзы-лу спросил: «Каков должен быть человек, чтобы можно было назвать его ученым?» Конфуций отвечал: «Ученым можно назвать того, кто настойчив, убедителен и любезен. По отношению к друзьям – настойчив и убедителен, по отношению к братьям – любезен».

29. «Когда хороший человек будет учить народ в течение семи лет, то с таким народом можно идти на войну», – сказал Конфуций.

30. Философ сказал: «Посылать на войну людей необученных – значит бросать их».

Сянь спросил...

1. Сянь спросил: «Что постыдно?» Философ ответил: «Думать только о жалованье, когда в государстве царит порядок, и думать о том же, когда в нем нет порядка, – это постыдно». «Когда тщеславие, самомнение, ропот и алчность подавлены, то можно ли это считать за гуманизм?» – снова спросил Сянь. Философ ответил: «Это можно считать за совершение трудного дела, но гуманизм ли это – я не знаю».

2. Философ сказал: «Ученый, думающий о спокойствии и удобствах, не заслуживает этого имени».

3. Философ сказал: «Когда в государстве царит порядок, то как речи, так и действия могут быть возвышенны и смелы; но когда в государстве царит беззаконие, то действия могут быть возвышенны, но слова – покорны».

4. Философ сказал: «Человек, одаренный добродетелями, без сомнения, обладает даром слова, но обладающий даром слова не всегда бывает одарен добродетелями; человек гуманный, конечно, обладает храбростью, но храбрость не всегда соединяется с гуманностью».

5. Нань-гун-ко спросил Конфуция: «И стрелял искусно, а Ао двигал лодку посуху, и оба они умерли неестественною смертью. Юй и Цзи лично занимались земледелием и получили Вселенную». Философ не отвечал. Когда Нань-гун-ко вышел, Философ сказал: «Благородный муж этот человек, уважающий достоинства!»

6. Философ сказал: «Что благородный муж бывает иногда не гуманен – это случается; но чтобы низкий человек был гуманным – этого не бывает».

7. Философ сказал: «Любящий человек разве может не поощрять к труду того, кого он любит? Преданный разве может не вразумлять своего государя?»

8. Философ сказал: «При составлении приказов в уделе Чжэн Би-чэнь писал начерно, Ши-шу обсуждал, заведующий посольским приказом Цзы-юй исправлял, а дунлиский Цзы-чань отделял слог».

9. Некто спросил Философа о Цзы-чане. Он отвечал: «Милосердный человек».

Спро–сили его о Цзы-си. Он сказал: «А, тот-то, а, тот-то!» Спросили его о Гуань-чжуне. Он сказал: «Это тот человек, для которого у фамилии Бо был отнят город Пянь с тремя сотнями семейств; Бо, питаясь грубой пи–щей, до конца своих дней не произнес ни од–ного слова ропота против Гуань-чжуна».

10. Философ сказал: «Быть бедным и не роптать – трудно. Быть богатым и не гордиться – легко».

11. Философ сказал: «Мэн-гун-чо, сде–лавшись министром двора у Чжао и Вэй, был с избытком годен для этого поста, но не мог бы быть вельможей в Тэн и Сюэ».

12. На вопрос Цзы-лу о совершенном че–ловеке Философ отвечал: «Если взять зна–ние Цзан У-чжуна, бесстрастие Гунь-чо, мужество Чжуан-цзы, искусство Жань-цю и украсить церемониями и музыкой, то та–кого еще можно было бы признать совер–шенным». «Для современных совершенных людей,– прибавил он, – зачем непременно такая роскошь? Если ныне человек при виде корысти – думает о долге, при виде опасно–сти – готов пожертвовать жизнью, от–дает людям давно обещанное и не забывает слов, данных в жизни, то и такого можно назвать совершенным».

13. Философ спросил у Гун-мин-цзя о Гун-шу-вэнь-цзы: «Правда ли, что твой учи–тель не говорит, не смеется и не берет взя–ток?» Гун-мин-цзя отвечал: «Сказавший вам пересоложил. Мой учитель говорит во вре–мя, и потому его речь не надоедает людям; смеется, когда весел, и его смех не надоеда–ет людям; берет, когда справедливость до–пускает, и люди не тяготятся тем, что он берет. Так–то!» «Неужели это так?» – спросил Философ.

14. Философ сказал: «Цзан-у-чжун, вла–дея местом Фан, просил луского князя о на–значении ему преемника. Хотя и говорят, что он не вымогал этого у своего государя, я не верю этому!»

15. Философ сказал: «Цзиньский Вэнь-гун лукав и не прям, и циский Хуань-гун прям и не лукав».

16. Цзы-лу сказал: «Когда Хуань-гун умертвил княжича Цю, то Шао-ху умерт–вил себя, а Гуань-чжун остался жив. Не могу ли я сказать, что он не был гумани–стом?» Философ сказал: «Что Хуань-гун соединил удельных князей не силою ору–жия – это заслуга Гуань-чжуна. Кто был так человеколюбив, как он? Кто был так че–ловеколюбив, как он?»

17. Цзы-гун сказал: «Мне кажется, что Гуань-чжун не гуманист. Когда Хуань-гун умертвил своего брата, княжича Цю, то он не только не мог умереть вместе с ним, но еще сделался министром у убийцы его». На это Философ заметил: «Гуань-чжун, в качестве министра Хуань-гуна, поставил его во главе удельных князей, объединил и упорядочил всю Вселенную, и народ до сего времени пользуется его благодеяниями. Если бы не Гуань-чжун, мы ходили бы с распу–щенными волосами и запахивали левую полу (т.е. были бы дикарями). Разве можно тре–бовать от него щепетильности простых мужиков и баб, умерщвляющих себя в кана–вах и рвах в полной неизвестности?»

18. Чиновник правителя Гун-шу вместе с самим Вэнь-цзы, министром, управляющим делами правителя, поступили на службу к сюзеренному двору. Услышав об этом, Фи–лософ сказал: «Гун шу можно назвать „Вэнь“ (т.е.

образованный)».

19. Философ отзывался о взыском князе Лине, как о человеке беспутном. Кан-цзы на это сказал: «Если он так беспутен, то поче-му он не потерял трона?» Конфуций сказал: «У него Чжун Шу-юй управляет иностран-ными делами, Чжу-то – жертвенными, Ван Сун-цзя – военными. При таких услови-ях, как же он может потерять трон?»

20. Философ сказал: «Кто бесстыдно хвастается, тому трудно исполнить свое слово».

21. Когда Чэнь Чэн-цзы умертвил Цзянь-гуна, тогда Конфуций обмылся и, представившись во дворец, заявил Ай-гуну, своему государю: «Чэнь Хэн убил своего го-сударя, прошу о наказании его». Ай-гун ска-зал ему: «Сообщи трем именитым мужам». Конфуций сказал самому себе: «Так как я принадлежал к вельможам, то не смел не объ-явить об этом государю, а он говорит: „Объ-яви трем именитым мужам!“ Конфуций по-шел к ним, а они объявили ему, что все-таки нельзя требовать наказания. Тогда Кун-цзы и им сказал, что, как состоявший в числе вель-мож, он не смел не заявить им.

22. Цзы-лу спросил: «Как нужно слу-жить государю?» Философ отвечал: «Не обманывай и укоряй его в лицо».

23. Философ сказал: «Благородный муж постепенно поднимается вверх по пути нравственного и умственного совершенст-вования, а подлый человек постепенно опус-кается вниз, погрязает в страстях».

24. Философ сказал: «В древности люди учились для себя, а ныне учатся для других».

25. Цюй-бо-юй послал человека к Конфу-цию. Сидя с ним, Конфуций спросил его: «Чем занимается твой господин?» «Он же-лает уменьшить свои погрешности и не мо-жет», – отвечал посланный. По уходе по-сланного Конфуций сказал: «Вот так послан-ный, вот так посланный!»

26. Конфуций сказал: «Не занимая из-вестного места, не мешайся в дела его (не суйся не в свое дело)». Цэн-цзы сказал: «Мысли благородного мужа не выходят из пределов его положения».

27. Цзэн-цзы сказал: «Благородный муж скромнен в своих словах, но неумерен в своих действиях».
28. Конфуций сказал: «У благородного мужа есть три предмета, которых я не в состоянии достигнуть: человеколюбия без скорби, знания без заблуждения и храбро–сти без страха». Цзы-гун на это сказал: «Это Учитель сказал из скромности».
29. Цзы-гун часто сравнивал (пересуживал) людей. Философ сказал на это: «Ты сам, должно быть, добродетельный чело–век, а вот у меня нет досуга для этого».
30. Философ сказал: «Не беспокойся, что люди тебя не знают, а беспокойся о сво–ей неспособности».
31. Философ сказал: «Не предполагать обмана и не подозревать недоверия к себе со стороны, но в то же время наперед прозре–вать их – это ум».
32. Вэй-шэн Му, обратившись к Конфу–цию, сказал: «Цю, зачем ты здесь засел? Уж не сделался ли ты льстецом?» «Нет, – от–вечал Конфуций, – я не смею заниматься лестью, но я ненавижу упрямство».
33. Философ сказал: «Отличный конь славится не за силу, а за свои качества».
34. Некто сказал: «Что Вы скажете о воздаянии добром за обиду?» На это Конфу–ций сказал: «А чем же тогда платить за доб–ро? Следует воздавать справедливостью (т.е. должным) за обиду и добром за добро».
35. Философ сказал: «Люди не знают меня». На это Цзы-гун сказал: «Что зна–чит, Вас не знают?» Философ сказал: «Я не ропщу на Небо, не виню людей и, изучая низ–шее, достигаю понимания высшего. Если кто и знает меня, это не Небо ли?»
36. Гун-бо-ляо оклеветал Цзы-лу перед Цзи-сунем. Цзы-фу Цзин-бо донес об этом Конфуцию, говоря: «Мой господин действи–тельно введен в заблуждение Гун-бо-ляо, но у меня еще достаточно силы, чтобы выставить его труп на площади (рынке)». На это Конфуций сказал: «Пойдет ли мое Учение или уничтожится – то зависит от судьбы. Что же может сделать с судьбою Гун-бо-ляо?»
37. Конфуций сказал: «Люди умные и нравственные удаляются от мира, когда во Вселенной царит беззаконие; другие удаля–ются из государства, объятых смутой, в государство, наслаждающееся покоем; дру–гие удаляются от небрежного обращения (при упадке вежливости); а другие удаля–ются из-за слов государя (оскорбительных, конечно)». Конфуций добавил: «Удалившихся–ся таким образом было 7 человек».
38. Цзы-лу заночевал в Ши-мыне. При–вратник у городских ворот спросил его: «Ты откуда?» «От Конфуция», – отвечал Цзы-лу. Тогда привратник сказал: «А, это тот, который, сознавая невозможность испра–вить мир, тем не менее действует?»
39. Философ, находясь в царстве Вэй, ударял в било. Человек с плетушкой за пле–чами, проходивший у ворот дома фамилии Кун, сказал: «С душою ударяющий в било!» Потом он прибавил: «Как отвратителен ты со своими назойливыми

звуками! Не хотят знать тебя, ну и остановись! Где глу-боко, там переправляются в платье, а где мелко, там поднимают его». На это Фило-соф сказал: «Как он решителен в своем от-решении от мира! Но это нетрудно».

40. Цзы-чжан сказал: «В „Шу-цзине“ сказано, что Гао-цзун пребывал в трауре три года и не говорил,— что это значит?» На это Философ сказал: «Зачем непременно Гао-цзун? Так поступали все древние люди. Когда государь умирал, то все чины испол-няли свои обязанности, подчиняясь решению первого министра в течение трех лет».

41. Философ сказал: «Когда правитель любит церемонии, то народом легко пове-вать».

42. На вопрос Цзы-лу, что значит быть благородным человеком, Философ сказал: «С благоговением относиться к самосовер-шенствованию». «Это все?» – спросил Цзы-лу. Философ сказал: «Исправлять себя для доставления спокойствия народу – о трудности этого скорбели даже Яо и Шунь».

43. Юань-жан сидел по-варварски на корточках, поджидая Конфуция. Философ сказал: «Кто в юности не отличался послу-шанием и братскою любовью, возмужав, не сделал ничего замечательного, состарился и не умирает, – тот разбойник (т.е. человек, вредный для общества)», – и при этом уда-рил его палкою по лодыжке.

44. Когда мальчик из деревни Цюэ докла-дывал, то некто спросил Конфуция: «Преус-певает?» Философ отвечал: «Смотря на то, что он занимает место с нами,

идет со старшими рядом, я думаю, что он не стремится к преуспеянию, а желает поскорее достигнуть совершенства».

Вэйский князь Лин-Гун

1. На вопрос вэйского князя Лин-гуна о военном деле Конфуций отвечал: «Дело жертвоприношений мне известно, но военное дела я не изучал». На следующий день он пустился в путь.

2. Во время истощения запасов продовольствия в царстве Чэнь ученики Конфуция заболели от голода и не могли подняться. Тогда Цзы-лу, в досаде явившись к Конфуцию, сказал: «Видно, и благородный человек бывает в стесненном положении!» Философ отвечал: «Благородный человек строго соблюдает себя в стесненном положении, а подлый (низкий) делается распущенным (т.е. способным на беззакония)».

3. Философ сказал: «Цы, ты считаешь меня многоученым и знающим». Тот отвечал: «Конечно. А разве нет?» «Нет, – сказал Философ, – я одним все связываю».

4. Философ сказал: «Ю, знающих добро-детель – мало».

5. Философ сказал: «Управлявший Вселенной без деятельности – это ведь был Шунь? Что ему было делать, как не сидеть на троне с самоуважением [обратив лицо на юг]?»

6. Цзы-чжан спросил: «Как сделаться известным?» Философ сказал: «При искренности и верности в слове, твердости и благоговении в деятельности и в царстве дикарей можно преуспевать (сделаться известным). При отсутствии этих качеств, хотя бы даже в близком соседстве, разве можно преуспевать? Когда стоишь, представляй, что они (эти качества) предстоят пред тобою; когда находишься в экипаже, представляй, что они опираются на ярмо, и тогда преуспеешь». Цзы-чжан записал эти слова на пояс.

7. Философ сказал: «Какой прямой чело-век историк Юй! Он был прям, как стрела, как в то время, когда в государстве царил закон, так и во время беззакония. Какой благородный человек Цюй-бо-юй! Когда в государстве царил закон, он служил, а когда в нем царило беззаконие, то он скрывал свои убеждения в своей душе».

8. Философ сказал: «Не говорить с чело-веком, с которым можно говорить, – значит потерять человека; говорить с челове-ком, с которым нельзя говорить, – значит потерять слова. Умный человек не теряет человека и не теряет слов».

9. Философ сказал: «Ученый с твердою волею, направленною к гуманным целям, и гуманист не стремятся сохранить жизнь во вред гуманизму, а жертвуют собою для сохранения в целостности последнего».

10. На вопрос Цзы-гуна о том, как сделаться гуманистом, Философ сказал: «Ре-месленник, желая хорошо исполнить свою работу, должен предварительно непременно оттачивать свои инструменты. Живя в известном государстве, служи его достой-ным сановникам и дружись с его гуманными учеными».

11. На вопрос Янь-юаня о том, как устроить государство, Философ сказал: «Руководствоваться счислением времени династии Ся; ездить в колеснице династии Инь; носить шапку династии Чжоу; употреблять музыку шао с пантомимами; исключить чжэнский напев и удалить льстецов, потому что первый сладострастен, а вторые – опасны».

12. Философ сказал: «Человек, не имеющий дальних замыслов, без сомнения, подвергнется близкой скорби».

13. Философ сказал: «Кончено, увы! Я не видал, чтобы люди любили добродетель так, как любят красоту».

14. Философ сказал: «Цзан Вэнь-чжун – ведь он незаслуженно занимал свой пост, потому что он знал о достоинствах Лю-Ся-хуэя и не служил с ним при дворе (т.е. не старался рекомендовать его своему государю)».

15. Философ сказал: «Если будешь требователен к самому себе и снисходителен к другим, то избавишься от ропота».

16. Философ сказал: «Если человек во всяком деле не спрашивает себя „как же быть, как же быть?“, то и я не знаю, как с ним быть (как ему помочь)».

17. Философ сказал: «Трудно тем, которые, проводя целые дни в компании, не обмолвятся словом о делах долга, а только любят пробавляться своим хитроумием».

18. Философ сказал: «Благородный муж, признавая справедливость за основу своей деятельности, проводит ее при помощи правил и церемоний, проявляет ее в уступчивости и завершает ее искренностью. Вот это – благородный муж».

19. Философ сказал: «Благородный муж болеет о своей неспособности, а не о том, что люди не знают его».

20. Философ сказал: «Благородный муж скорбит, что по смерти его имя не будет прославлено».

21. Философ сказал: «Благородный муж ищет причины своих неудач в себе самом, а подлый человек ищет их в других».

22. Философ сказал: «Благородный муж важен, но не сварлив, общителен, но не партиозен (ни с кем не идет на сговор)».

23. Философ сказал: «Благородный муж не рекомендует людей из-за их хороших слов и не отвергает хороших слов из-за людей (т.е. потому, что они были сказаны людьми не-хорошими)».

24. Цзы-гун спросил: «Есть ли слово, которым можно было бы руководствоваться всю жизнь?» Философ сказал: «Это – снисходительность; чего сам не желаешь, того не делай другим».

25. Философ сказал: «В моих отношении-ях к людям – кого я поносил и кого превозно-сил? Если кто и был превознесен мною, то не без испытаня. Современный народ тот же, что и народ Трех династий, который посему также поступает по присущему ему закону справедливости».

26. Философ сказал: «Я еще застал, как историки оставляли сомнительные места в стороне (для исследования и исправле-ния) и как люди, имевшие лошадей, одалживали их другим для езды, – но теперь этого нет».

27. Философ сказал: «Льстивые речи за-путывают добродетель, а маленькое не-терпение расстраивает великие замыслы».

28. Философ сказал: «Когда все ненави-дят или любят кого-либо, необходимо под-вергать это проверке».

29. Философ сказал: «Человек может расширить истину, но не истина человека».

30. Философ сказал: «Ошибки, которые не исправляются, – вот настоящие ошибки!»

31. Философ сказал: «Я целые дни прово-дил без пищи и целые ночи – без сна, но на-шел, что одни размышления бесполезны и что лучше учиться».

32. Философ сказал: «Благородный муж заботится об истине, а не о насущном хле-бе. Вот земледелие, но и в нем скрывается возможность голода; а вот – Учение, в ко-тором скрывается и жалованье. Благород-ный муж беспокоится о том, что он не достигнет познания истины, а не о том, что он беден».

33. Философ сказал: «Если, достигнув знания, мы не в состоянии будем хранить его при помощи гуманности, но будем управлять без соблюдения внешнего досто-инства, то народ не будет уважать нас. Но если и знание достигнуто, и мы сможем хранить его при помощи гуманности, и бу-дем управлять с достоинством, но не будем вдохновлять народ при помощи обрядовых правил, то это нехорошо».

34. Философ сказал: «Благородный муж иногда может не знать мелочей, но может нести важные обязанности; между тем как мелкий человек не может нести важ-ных обязанностей, но он может проявить свое знание в малых делах».

35. Философ сказал: «Народ нуждается в гуманности более, чем в огне и воде; я ви-дел людей, умиравших от огня и воды, но не видел умиравших от того, что

они были гу-манны».

36. Философ сказал: «В гуманности не уступай и Учителю».

37. Философ сказал: «Благородный муж прям и непоколебим, но не упрям».

38. Философ сказал: «Служа Государю, заботься о своем деле, а потом уже о жало-ванье».

39. Философ сказал: «Для Учения нет ка-тегорий».

40. Философ сказал: «Люди, идущие раз-личными путями, не могут работать вме-сте».

41. Философ сказал: «От слов требует-ся только то, чтобы они были понятны».

42. Когда учитель музыки капельмей-стер Мян-ь, представляясь Конфуцию, при-близился к крыльцу, то Философ сказал: «Здесь крыльцо». Когда музыкант подошел к рогожке, на которой обыкновенно сидел, он сказал ему: «Здесь рогожка». Когда оба сели, Философ объявил ему: «Здесь та-кой-то, а здесь такой-то». Когда слепой му-зыкант ушел, Цзы-чжан спросил: «Следует ли так говорить со слепым музыкантом?» «Да, это неперемное правило для того, кто ведет слепого», – отвечал Философ.

Цзи-ши

1. Когда фамилия Цзи намеревалась сде-лать нападение на феодальное владение Чжуань-юй, Жань-ю и Цзы-лу, явившись к Конфуцию, сказали: «Цзи намерены всту-пить в войну с Чжуань-юй». Тогда Конфу-ций сказал: «Цю, на самом деле, не твоя ли это вина? Ведь Чжуань-юйский владетель сделан был владетелем горы Дун-мэн в ста-рину прежним царем, кроме того, владение его находится в пределах княжества Лу и владетель его есть подданный сюзеренного двора. С какой же стати нападать на него?» На это Жань-ю сказал: «Наш госпо-дин желает этого, а мы оба не желаем». Конфуций сказал: «Цю, Чжоу-жэнь говари-вал: „Покажи силу своего содействия, ос-таваясь на посту; не можешь – удались“. Если вожак не поддерживает в опасном месте и не удерживает от падения, то на что нужен он? Кроме того, твои слова оши-бочны. Когда тигр или носорог выскочат из клетки, или же черепаха и яшма будут изло-маны, находясь в шкафу, то чья это будет вина?» Жань-ю на это сказал: «В настоящее время владение Чжуань-юй сильно и смежно с городом Би; если теперь не взять его, впоследствии оно непременно будет предметом беспокойства для потомства фамилии Цзи». На это Конфуций сказал: «Цю, благородный муж не любит, когда люди умалчивают о своих корыстных побу-ждениях и непременно приискивают отго-ворки. Я слыхал, что правители государст-ва и главы домов не беспокоятся о том, что у них мало людей, а печалются о неравно-мерном распределении, не опасаются бедно-сти, а опасаются смут; потому что при равномерном распределении богатств нет бедных, при согласии не бывает недостат-ка в людях, а при спокойствии – невозмож-но падение государства. Поэтому, если от-даленные народы не идут с покорностью, то для привлечения их следует заботиться о просвещении и нравственности, а когда придут, следует предоставить им спокойную жизнь, а не принуждать к военной службе. Теперь вы, Ю и Цю, помогаете вашему гос-подину, а отдаленные народы не покоряют-ся, и вы не в состоянии привлечь их; его госу-дарство распадается, народ удаляется и разбредается, и вы не можете

сохранить его; а тут задумываете еще поднять войну внутри государства! Я боюсь, что опас-ность для Цзи-суня не в Чжуань-юе, а в сте-нах собственного дворца».

2. Конфуций сказал: «Когда во Вселенной царит закон, то церемонии, музыка и войны исходят от Сына Неба; когда же в ней ца-рит беззаконие, то церемонии, музыка и вой-ны исходят от удельных князей. Когда все это исходит от удельных князей, то редкие из них через десять поколений не теряют власти. Когда все исходит от вельмож, то редкие из них через пять поколений не теря-ют власти; а когда бразды правления госу-дарством находятся в руках чиновников-вассалов, то редкие из них не теряют власти через три поколения. Когда во Вселенной ца-рит закон, то правительственная власть не находится в руках вельмож, и народ не уча-ствует в обсуждении дел».

3. Конфуций сказал: «Прошло уже пять поколений, как княжеский дом лишился до-ходов, и четыре поколения, как правление перешло в руки вельмож. Поэтому то по-томки трех Хуаней измельчали».

4. Конфуций сказал: «Полезных друзей трое и вредных – трое. Полезные друзья – это друг прямой, друг искренний и друг мно-го слышавший. Вредные друзья – это друг лицемерный, друг льстивый и друг болтли-вый».

5. Конфуций сказал: «Влечений, достав-ляющих человеку пользу, три, и влечений, причиняющих ему вред, три. Полезные вле-чения – это находить удовольствие в уп-ражнении в церемониях и музыке, не пре-ступая должных границ; в рассказах о доб-ре других и во множестве достойных друзей. Вредные влечения – это находить удовольствие в стремлении к роскоши, в раз-гуле и в страсти к пирам».

6. Конфуций сказал: «В присутствии лиц достойных и почтенных возможны три ошибки: говорить, когда не следует гово-рить, – это называется прометчивостью; не говорить, когда следует говорить, – это называется

скрытностью; и не обращать внимание на выражение лица почтенного человека – это называется слепотою».

7. Конфуций сказал: «Благородный муж должен остерегаться трех вещей: в молодости, когда жизненные силы не окрепли, – сладострастия; в возмужалом возрасте, когда они только что окрепли, – драки; и в старости, когда они ослабели, – любостыжания».

8. Конфуций сказал: «Для благородного мужа существуют три предмета, пред которыми он благоговеет: определение Неба, великие люди (по положению, возрасту и добродетели) и слова мудреца. Подлый человек не знает велений Неба и не боится их, неучтиво обращается с великими людьми и презрительно относится к словам мудреца».

9. Конфуций сказал: «Те, которые имеют знание от рождения, суть высшие люди, следующие за ними – это те, которые приобретают знания учением; следующие за этими – это те, которые учатся, несмотря на свою непонятливость; непонятливые и не учащиеся составляют самый низший класс».

10. Конфуций сказал: «У благородного мужа – девять дум: взирая на что-либо, думает о том, чтобы видеть ясно; слушая – чтобы слышать отчетливо; по отношению к выражению лица думает о том, чтобы оно было любезное; по отношению к наружному виду думает о том, чтобы он был почтительным; по отношению к речи – чтобы она была искренна; по отношению к делам – чтобы быть внимательным к ним; в случае сомнения думает о том, чтобы кого-нибудь спросить; по его отношению к гневу думает о тех бедствиях, которые он влечет за собою; при виде возможности приобрести что-либо думает о справедливости».

11. Конфуций сказал: «Людей, которые при виде добра неудержимо стремятся к нему, как бы опасаясь не достигнуть его; при виде зла – бегут от него, как от кипятка, опасаясь обвариться, – я видел и слышал об этом. Что люди живут отшельниками для уяснения своих стремлений и осуществляют справедливость для преуспеяния своего Учения – об этом я слышал, но не видел таких людей».

12. Конфуций сказал: «У циского князя Цина была тысяча четверок лошадей, а когда он умер, то народ не нашел в нем никаких добродетелей для прославления его; Бо-и и Шу-ци умерли с голоду в горах Шоу-ян, а народ донныне прославляет их. „Истинно прославляют не за богатство – не то ли это значит?“

13. Чэнь-кан спросил у Бо-юя, сына Конфуция: «Вы слышали что-нибудь особенное от вашего батюшки?» Тот отвечал: «Нет, а только когда отец один стоял и я пробежал по двору, он спросил меня: „Учишь ли „Книгу Стихотворений“?“ «Нет», – отвечал я.

«Если не учишь, то мне не о чем говорить с тобою». Я удалился и стал учить «Ши-цзин». В другой раз он опять стоял один, а я пробежал по двору. Он спросил меня: «Изучаешь ли церемонии?» «Нет», – отвечал я. «Без изучения их у тебя не будет успехов», – сказал он. Я удалился и принялся за изучение церемоний. Я слышал от него только об этих двух предметах». Чэнь-кан, удалившись, с удовольствием заметил: «Я спросил об одном, а услышал о трех предметах: о „Ши-цзине“, церемониях и о том, что благородный муж удаляется от своего сына».

14. Философ сказал: «Владетельный князь называет княгиню «Фу-жэнь» – супруга; а княгиня называет себя «Сяо-тун» – подросток. Подданные величают ее «Цзюнь-фу-жэнь» – супруга князя; по отношению к иностранным государствам она называет себя «Гуа-сяо цзюнь» – не-достойный маленький государь; а ино-странные подданные также величают ее «Цзюнь-фу-жэнь» – супруга князя».

Ян-хо

1. Ян-хо хотел видеть Конфуция. Конфу-ций не являлся к нему. Тогда Хо послал ему поросенка. Конфуций, улучив время, когда Хо не было дома, отправился к нему с визи-том и встретился с ним на дороге. Тогда Хо, обратившись к Конфуцию, сказал: «Поди сюда, я с тобой поговорю, – и вслед за тем спросил его: – Можно ли назвать гуманным того, кто скрывает свою драгоценность и тем оставляет в смутном положении госу-дарство?» «Нельзя»,– был ответ. «Можно ли назвать умным того, кто, любя действо-вать на пользу человечества, неоднократно упускал время? Дни и месяцы уходят безвоз-вратно, годы не ждут нас», – продолжал Ян-хо. Конфуций сказал: «Верно. Я поступ-лю на службу».

2. Философ сказал: «По натуре люди близ-ки между собою, но по привычкам далеки».

3. Философ сказал: «Только высшее зна-ние и высшая глупость пребывают неизмен-ными».

4. Философ, прибыв в У-чэн и услышав звуки музыки и пения, с улыбкою сказал: «Чтобы зарезать курицу, зачем употреб-лять нож, которым режут быков?» Цзы-ю сказал ему в ответ: «В прежнее время я слышал от тебя, Учитель, следующее: „Че-ловек, занимающий высокое положение, если он изучил нравственный закон, то любит людей; человек же, занимающий скромное положение, когда он изучал нрав-ственный закон, то высшему легче им рас-поряжаться“». Тогда Философ сказал: «Ученики мои, слова Яня верны, а прежние слова мои были шуткою».

5. Гун-шань Фу-жао взбунтовался в горо-де Би и призывал к себе Философа, который хотел отправиться к нему. Цзы-лу, недоволь-ный этим, сказал: «Не ходите, да и только. Что за надобность идти к Гун-шаню?» Фи-лософ сказал: «Он

зовет меня разве попус–ту? Если употребить меня в дело, то и я могу создать Восточное Чжоу».

6. Цзы-чжан спросил относительно гу–манности. Конфуций сказал: «Кто в состоя–нии исполнить пять требований, тот будет гуманным повсюду». «Позволю спросить, что это такое?» – поинтересовался Цзы-чжан. Конфуций сказал: «Почтительность, велико–душие, искренность, сметливость и доброта. Если человек почтителен, то он не подверга–ется пренебрежению; если человек великоду–шен, то он привлекает к себе всех; если он чес–тен, то люди полагаются на него; если он сметлив (умен), то он будет иметь заслуги (успех); если он милостив, то в состоянии бу–дет распоряжаться людьми».

7. Би-си звал Конфуция к себе, и Философ хотел отправиться к нему. Тогда Цзы-лу сказал ему: «Прежде я слышал, как Вы, Учи–тель, говорили, что благородный муж не вступает в сообщество с теми людьми, которые сами лично делают себе зло. Би-си возмущился и держит Чжун-моу. Как же это так, что Вы отправитесь туда?» «Правда, – сказал Философ,– были такие слова, но не говорил ли я, что крепкий пред–мет не стачивается? Не говорил ли я, что белое, погруженное в черную краску, не де–лается черным? Что я – тыква горлянка?! Как можно привязать меня так, чтобы люди не старались воспользоваться мною?»

8. Философ сказал: «Ю, слышал ли ты шесть слов о шести недостатках?» «Нет», – был ответ. «Ну, постой, я объясню тебе: питать любовь к гуманности и не учиться – недостатком этого будет глупость (простота); питать любовь к знанию и не любить учиться – недостатком этого бу–дет шаткость (беспочвенность); питать любовь к четкости и не любить учиться – недостатком этого будет нанесение вреда людям; любить прямоту и не любить учиться – недостатком этого будет го–рячность; любить мужество и не любить учиться – недостатком этого будет воз–мущение; любить твердость и не учиться – недостатком этого будет сумасброд–ство».

9. Философ сказал: «Дети, почему не изучаете „Книгу стихотворений“? Ведь она может воодушевлять, может слу–жить для того, чтобы видеть свои досто–инства и недостатки, может делать чело–века общительным, может вызывать за–конное негодование; в семье – научить служить отцу, в государстве – правите–лю; из нее вы узнаете множество названий птиц, животных, деревьев и растений!»

10. Философ, обратясь к Бо-юю, сказал: «Усвоил ли ты „Чжоу-нань“ и „Шао-нань“? Если человек не усвоил их, то не по–ходит ли он на того, кто стоит, приткнув–шись прямо лицом к стене?»

11. Философ сказал: «Церемонии, гово–рят, да церемонии! А разве под ними разуме–ются только подарки (яшмы и шелка)? Му–зыка, говорят, да музыка! А разве под нею разумеются только колокола и барабаны?»

12. Философ сказал: «Строгого по на–ружности и слабого в душе можно сравнить с человеком из простого класса; не походит ли он на вора, который проделывает отвер–стие в стене или перелезает через нее?»

13. Философ сказал: «Деревенский сми–ренник – враг добродетели!».

14. Философ сказал: «Уличные слухи и рассказы – это поругание добродетели!»

15. Философ сказал: «С низким челове–ком можно ли служить государю? Когда он не достиг желаемого, то заботится о дос–тижении его, а когда достигает, боится, как бы не потерять; а при боязни поте–рять – он готов на всё».

16. Философ сказал: «В древности люди имели три недостатка, которых ныне, по–жалуй, и нет. Древние сумасброды были своевольны в мелочах, а нынешние отлича–ются полною разнузданностью; прежде строгие люди отличались суровостью, а ныне отличаются злобою и гневом; преж–ние простаки отличались прямою, а ны–нешние – ложью».

17. Философ сказал: «Хитрые речи и притворная наружность редко соединяют–ся с гуманностью».

18. Философ сказал: «Я не люблю фиоле–товый цвет, потому что он затмевает красный; не люблю сладострастный чжэньский напев, потому что он нарушает ис–тинную музыку; не люблю говорунов, ибо они губят государство».

19. Философ сказал: «Я хочу перестать говорить». На это Цзы–гун сказал: «Если Вы не будете говорить, то что же будут передавать Ваши ученики?» Философ отве–чал: «Говорит ли что–нибудь Небо? А меж–ду тем, времена года сменяются и твари ро–ждаются. Говорит ли что–нибудь Небо?»

20. Жу–бэй хотел представиться Кон–фуцию. Конфуций отказался под предлогом болезни; но лишь только посланный вышел из дверей, как он взял арфу и стал петь, что–бы уходящий слышал игру и пение.

21. Цзай-во сказал: «Трехгодичный траур слишком продолжителен. Благородный муж, если в течение трех лет не будет упражняться в церемониях, то они непременно придут в расстройство. Если в течение трех лет не будет заниматься музыкой, то она непременно падет. Можно бы ограничиться годичным трауром, так как в течение года старый хлеб кончается и новый поступает, и огонь, получаемый от трения, меняется». Философ сказал: «Был ли бы ты спокоен, кушая рис и одеваясь в парчу?» «Был бы спокоен», – последовал ответ. «Ну, если бы ты был спокоен, – продолжал Конфуций, – то и делай так. А вот для благородного мужа во время траура пища не сладка, музыка не доставляет ему удовольствия, и, живя в доме, он не спокоен. Поэтому он не делает этого (т.е. не ограничивается годичным трауром). Теперь, если ты спокоен, ну и делай так!» Когда Цзай-во вышел, Философ сказал: «В этом заключается негуманность Юя. Сын только через три года после рождения сходит с рук отца и матери. Трехгодичный траур есть всеобщий траур. А Юй разве не пользовался трехлетней любовью своих родителей?!»

22. Философ сказал: «Есть досыта целый день и ничем не заниматься – разве это не тяжело? Разве нет шахмат и шашек? Играть в них все-таки лучше, чем ничего не делать».

23. Цзы-лу спросил: «Предпочитает ли высокопоставленный человек мужество?» Философ отвечал: «Он ставит долг выше всего, потому что человек, занимающий высокое положение, обладая мужеством, но не имея сознания долга, делается мятежником, а человек, занимающий низкое положение, обладая мужеством, но не имея сознания долга, делается разбойником».

24. Цзы-гун спросил: «У благородного мужа есть также и ненависть?» «Есть ненависть, – сказал Философ, – он ненавидит людей, говорящих дурно о других, ненавидит тех, которые, занимая низкое положение, злословят о высших; ненавидит храбрых, но бесцеремонных, смелых, но неразумных. А у тебя, Цы, также есть ненависть?» – спросил Конфуций. «Да, я ненавижу признающих шпионство – за ум, непокорность – за храбрость и кляузничество – за прямоту», – ответил Цзы-гун.

25. Философ сказал: «С женщинами, да и со слугами, трудно справиться. Приблизь их, они становятся непокорными, а отдалишь – ропщут».

26. Философ сказал: «Если кого ненавидят в сорок лет, тому уже делать нечего».

Вэй-цзы ушел...

1. Вэй-цзы ушел, Цзи-цзы сделан рабом, а Би-гань умер за увещания. Конфуций сказал: «Иньский дом имел трех гуманных людей».

2. Лю Ся-хуэй был судьей, и его трижды отставляли от должности. Некто сказал ему: «Разве вы не можете удалиться?» Лю Ся-хуэй отвечал: «Если я буду служить людям честно, с прямотой, то куда бы я ни пошел, всюду подвергся бы троекратному изгнанию со службы; а если служить людям криво, то зачем же тогда уходить из родного государства?»

3. Циский князь Цзин по поводу обхождения с Конфуцием сказал: «Я не могу принять его как Цзи-ши (первого сановника); приму его по этикету, среднему между приемом Цзи-ши и Мэн-ши», а вслед за тем сказал: «Я уже стар и не могу

воспользоваться его услугами». Конфуций удалился.

4. Цисцы послали лускому князю певиц. Цзи Хуань-цзы (временщик) принял их. В течение трех дней не было представлений ко двору. Конфуций удалился.

5. Чуский сумасшедший Цзе-юй, проходя мимо Конфуция с песнями, сказал: «О фе-никс, феникс! Как упали твои добродетели! Прошедшего невозможно остановить увещаниями, а будущее еще поправимо. Ос-тавь, оставь службу! В настоящее время участие в правлении опасно». Конфуций вы-шел из телеги и хотел поговорить с ним, но тот убежал, и им не удалось поговорить.

6. Чан-цзюй и Цзе-ни вместе пахали. Конфуций, проезжая, послал Цзы-лу спросить у них, где переправа. Чан-цзюй сказал: «А кто это правит повозкою?» Цзы-лу отвечал: «Это Кун-цю». «А, это луский Кун-цю?» «Да». «Так он сам знает, где переправа». Цзы-лу обратился с тем же вопросом к Цзе-ни. Последний спросил его: «Вы кто та-кой?» «Я Чжун-ю». «Ученик луского Кун-цю?» «Да». «Волны беспорядков, – сказал Цзе-ни, – разлились по всему миру. Кто-то усмирит их? Кроме того, чем следовать за ученым, удаляющимся от одного к другому, не лучше ли последовать за ученым, удалив-шимся от мира?» Сказав это, он снова при-нялся боронить. Цзы-лу удалился и доложил Конфуцию, который с досадою сказал: «Нельзя быть человеку с животными в од-ном стаде. Если мне не иметь общения с людьми, то с кем же иметь его? Если бы во Вселенной царил порядок, то моего участия в изменении ее было бы не нужно».

7. Сопровождая Конфуция на пути из Чу в Цай, Цзы-лу отстал и, встретившись со старцем, несшим на палке за плечами навоз-ную корзину, обратился к нему со следую-щим вопросом: «Не видели ли вы моего Учи-теля?» Старец сказал: «Ты не трудишься, не в состоянии различить сортов хлеба. Почему я знаю, кто твой учитель?» С этими словами он воткнул палку в землю и стал полоть. Цзы-лу

стоял, сложив почтительно руки. Тронутый его почтительностью, старик оставил Цзы-лу ночевать, зарезал курицу, при-готовил просо, накормил его и представил своих двух сыновей. На другой день Цзы-лу отправился в путь и сообщил о случившемся Конфуцию. Философ сказал: «Это отшель-ник», и послал Цзы-лу опять повидаться с ним. Но когда Цзы-лу пришел к прежнему мес-ту, то увидел, что старец уже ушел. Цзы-лу сказал: «Не служить – значит отрицать долг. Если нельзя упразднить нравственную связь между старшими и младшими, то как же можно упразднить долг между государем и подданным? Желая держать себя чистым (т.е. укрыться от житейской грязи и сму-ты), мы нарушаем великие социальные зако-ны. Службою благородный муж исполняет свой долг по отношению к государю. Что Учение не распространяется, это мы знаем».

8. Отшельники – это Бо-и, Шу-ци, Юй-чжун, И-и, Чжу-чжан, Лю Ся-хуэй и Шао-лянь. Философ сказал: «Не поступившие своими убеждениями и не посрамившие себя – это были отшельники Бо-и и Шу-ци». Об отшельниках Лю Ся-хуэе и Шао-ляне он отозвался, что те поступились своими убеждениями и посрамили себя; но слова их согласовались с разумом вещей, а действия – с общим мнением (т.е. справед-ливостью); у них было только это. Об от-шельниках Юй-чжуне и И-и он отозвался, что те, живя в уединении, хотя и были раз-нужданы в речах, но сами лично удовлетворя-ли условиям нравственной чистоты, и их удаление от мира соответствовало силе обстоятельств. Философ добавил: «Я от-личаюсь от всех этих – я не предрешаю ни-чего, я ни за, ни против, а руководствуюсь сознанием долга».

9. Главный капельмейстер Чжи отпра-вился в Ци; Гань, распорядитель музыки при завтраке, отправился в Чу; Ляо, распоряди-тель музыки при обеде, ушел в Цай, и Цюэ, распорядитель музыки при ужине, отпра-вился в Цинь; барабанщик Фан-Шу удалился в Хэ-нэй, к северу от Желтой реки; тамбу-рист У удалился в Хань-чжун, а младший ка-пельмейстер Ян с [игравшим на каменном гонге] Сянем удалились на взморье.

10. Чжоу-гун обратился к Лу-гуну с та-кою речью: «Благородный государь не бро-сает своих родственников, не доводит са-новников до ропота из-за того, что их не употребляют на службу; аристократию без важных причин не бросает и не ищет всех совершенств в одном человеке».

11. У Чжоу было восемь знаменитых чи-новников: Бо-да, Бо-го, Чжун-ту, Чжун-ху, Шу-е, Шу-ся, Цзи-суй и Цзи-гуа.

Цзы-чжан

1. Цзы-чжан сказал: «Если ученый при виде опасности жертвует жизнью, при виде корысти думает о справедливости, при жертвоприношении думает о благого-вении и при похоронах – как бы проявить свою скорбь, – то этого довольно».

2. Цзы-чжан сказал: «Безразлично суще-ствование таких людей, которые хранят только приобретенные добродетели, не заботясь о расширении их, верят в Учение, но не отличаются непоколебимостью».

3. Ученики Цзы-ся спросили у Цзы-чжана относительно сношений с людьми. Цзы-чжан сказал: «А как говорил об этом Цзы-ся?» Ученики отвечали, что он говорил так: «С годными людьми водитесь, а негод-ных отталкивайте». Цзы-чжан сказал: «Это отличается от того, что слышал я. Благородный муж уважает людей,

выдающихся своими талантами и нравственными достоинствами, и снисходительно относятся ко всем остальным; он хвалит добрых и сострадает к немощным. Допустим, что я обладаю великими талантами и достоинствами, в таком случае, чего я не снесу от других? А если я недостойный человек, то люди отвергнут меня. Но каким же образом отвергать остальных?»

4. Цзы-ся сказал: «Всякое малое знание, конечно, включает в себе что-нибудь заслуживающее внимания; но едва ли оно будет пригодно для отдаленных государственных целей. Поэтому благородный муж и не занимается ими».

5. Цзы-ся сказал: «О том, кто ежедневно узнает, чего он не знал, и ежемесячно вспоминает то, чему научился, можно сказать, что он любит учиться».

6. Цзы-ся сказал: «В многоучении и непреклонной воле, неотступном вопрошании и тщательном размышлении есть также и гуманность».

7. Цзы-ся сказал: «Ремесленники, чтобы изучить в совершенстве свое дело, помещаются в казенных мастерских; благородный муж учится, чтобы достигнуть высшего понимания своих принципов».

8. Цзы-ся сказал: «Ничтожный (подлый) человек непременно прикрывает свои ошибки».

9. Цзы-ся сказал: «Благородный муж является в трех видах: когда посмотришь на него издали, он величествен; приблизишься к нему, он ласков; послушаешь его речи, он строг».

10. Цзы-ся сказал: «Государь может утрачивать свой народ после того, как приобретет его доверие, а в противном случае народ будет считать служение

за тира–нию. Точно так же и государя можно уве–щевать после того, как он стал верить тебе, в противном случае он примет это за злословие».

11. Цзы-ся сказал: «Если великие обязан–ности не нарушаются, то в малых возмож–ны отступления».

12. Цзы-ю сказал: «Ученики Цзы-ся в подметании пола, в ответах и движениях (манерах) годятся, но ведь это – последнее дело! Что же касается существенного, то этого у них нет (т.е. познаний нравствен–но-философских). Как же тут быть?» Ус–лыхав это, Цзы-ся сказал: «Эх, Янь-ю оши–бается! Разве благородный муж в системе обучения признает что-либо за главное и по–тому преподает его, равно как не признает чего-либо за второстепенное и потому ле–нится преподавать его? Подобно растениям он только сортирует своих учеников по сте–пени их развития. В преподавании благород–ный муж разве может прибегать к обману? Ведь только для святого мужа возможно достижение полного высшего Знания».

13. Цзы-ся сказал: «Если от службы ос–тается досуг, то употребляй его на учение, а если от учения остается досуг, то упот–ребляй его на службу».

14. Цзы-ю сказал: «Траур должен огра–ничиваться только доведением скорби до высшей степени».

15. Цзы-ю сказал: «Мой друг Чжан дела–ет вещи трудноисполнимые, но ему недос–тает гуманности».

16. Цзэн-цзы сказал: «Величественный человек Чжан, но с ним трудно вместе уп–ражняться в гуманности».

17. Цзэн-цзы сказал: «Я слышал от Учи–теля, что люди, которые не проявили самих себя (т.е. своей истинной природы) во всей полноте непременно проявят себя в случае смерти родителей».

18. Цзэн-цзы сказал: «Я слышал от Учи–теля о сыновней непочтительности Мэн Чжуан-цзы, все другие проявления которой достижимы, но что он не переменил ни слуг отца, ни его образа управления, – вот это трудно достижимо».

19. Мэн-ши сделал Ян-фу уголовным чи–новником, и тот обратился за советом к Цзэн-цзы, который сказал ему следующее: «Правительство утратило истинный путь, народ давно отшатнулся от него. Если ты констатируешь факт преступления, то по–жалей преступника, а не восхищайся своим умом».

20. Цзы-гун сказал: «Беззакония Чжоу не были уж такими ужасными, как о них рассказывают. Поэтому-то благородный муж не желает оказаться в грязи, чтобы ему не приписали все пороки мира».

21. Цзы-гун сказал: «Ошибки благород–ного мужа подобны солнечному и лунному затмениям. Люди видят все его ошибки, а когда он исправит их, они взирают на него с уважением».

22. Вэйский вельможа Гун Сунь-чао спро–сил у Цзы-гуна: «Где и у кого учился Чжун-ни?» Цзы-гун сказал: «Учение Вэнь-вана и У-вана не погибло, а находится между людь–ми. Люди мудрые запомнили из него более важное (главные

основания), а люди немудрые (не одаренные высокими талантами и нравственными достоинствами) – менее важное (т.е. подробности). Таким образом, учение Вэнь-вана и У-вана царило повсюду. Где же мог учиться Философ? И к чему же было ему иметь постоянного Учителя?»

23. Шу-сунь У-шу, обратившись к вельможам при дворе, сказал: «Цзы-гун даровитее и умнее Чжун-ни». Цзы-фу Цзинь-бо на это сказал: «Возьмем для примера дворцовую стену; моя стена доходит до плеч, и через нее можно видеть, что есть хорошего в комнатах (т.е. стена низкая и комнаты плохие); стена же Философа – в несколько саженей, и если не отыскать надлежащих ворот и не войти в них, то не увидишь красот храмов предков и богатства чинов империи; но отыскавших эти ворота, кажет-ся, немного. Не таково ли должно бы быть и замечание твоего начальника?»

24. Шу-сунь У-шу стал порицать Чжун-ни. Цзы-гун сказал: «Не стоит делать это-го. Чжун-ни нельзя порицать, ибо таланты и достоинства других людей – это холмики, чрез которые можно перешагнуть, а Чжун-ни – это Солнце и Луна недосыгаемые (непереходимые), так что, хотя бы кто и захотел отрешиться от них, то какой вред он причинил бы им? Он только весь-ма показал бы (обнаружил) незнание своих сил».

25. Чэнь Цзы-цин, обратившись к Цзы-гуну, сказал: «Ты только из почтения говоришь так. Возможно ли, чтобы Чжун-ни был достойнее тебя?» Цзы-гун сказал: «Благородного мужа за одно слово считают умным и за одно слово считают невежей; поэтому в словах нельзя не быть острожным. Философ недосыгаем подобно Небу, на которое нельзя подняться по ступенькам. Если бы Философ получил в управление княжество, то на нем оправдалось бы следующее изречение: «Кого он поставил бы на ноги, тот стоял бы; кого он повел бы, тот последовал бы за ним; кого приласкал бы, тот покорился бы ему; кого поощрил бы, те жили бы в согласии и

мире». При жизни он был бы славен; его смерть была бы оплакиваема. Каким же образом воз–можно сравняться с ним?»

Яо сказал...

1. Яо сказал: «О Шунь! Небом установ–ленное преемство царственной власти ос–тановилось на тебе. В управлении следует неуклонно держаться середины (т.е. спра–ведливости). Если китайский народ в преде–лах четырех морей обеднеет, то и благопо–лучие государя прекратится навеки». С та–ким же наказом обратился к Юю и сам Шунь, уступая ему престол.

Тан (Чэн-тан), обращаясь к Верховному Владыке, сказал: «Я, недостойный сын твоей Ли, осмеливаюсь принести тебе в жертву черного быка и осмеливаюсь заявить тебе, Верховный Владыка, что император Цзе был виноват, и я не смел простить его, а достойные слуги твои мною не сокрыты под спудом. Его (императора) преступления и их (твоих слуг) добродетели зримы тебе, Владыка. В твоём сердце я был избран. Если я лично согрешу, то пусть это не будет вме–нено в вину моим подданным; если же они согрешат, то вина не должна пасть на меня».

Чжоуский У-ван раздал большие награ–ды, добрые люди обогатились. Он говорил:

«У Чжоу-синя хотя и были ближайшие родственники, но они не стоили моих добро–детельных (гуманных) людей. Грехи моего народа лежат на мне одном».

Он (У-ван) обратил тщательное внима–ние на меры и весы, уяснил законы, восста–новил упраздненные чины, и государственное правление пошло! Он восстановил угас–шие государства, возобновил прервавшиеся поколения, вызвал к деятельности отшель–ников, и народ искренне покорился ему. Осо–бенное внимание его было обращено на на–родное пропитание, на траур и на жертво–приношения.

Если государь великодушен, то он приоб–ретет расположение народа; если он разу–мен, то совершит подвиги, и если будет справедлив, то будут довольны им.

2. Цзы-чжан спросил у Конфуция: «Ка–ким бы образом можно было вести дела правления?» Философ отвечал: «Следовать пяти прекрасным качествам и изгонять че–тырех скверных – этим путем можно вес–ти дела правления». «А что такое пять пре–красных качеств?» – спросил Цзы-чжан. Философ отвечал: «Когда правитель благо–детельствует, не расходуясь; налагает ра–боту, не вызывая ропота; желает без алч–ности; доволен, но не горд; внушителен, но не свиреп». Цзы-чжан спросил: «Что зна–чит благодетельствовать, не расходуясь?» Философ отвечал: «Когда он будет достав–лять пользу народу исходя из того, что для него полезно, – разве это не будет благо–деянием без затрат? Когда он будет выби–рать пригодную работу и заставляя лю–дей трудиться над ней, то кто же будет роптать? Когда он будет желать гуманно–сти и приобретет ее, то где же тут место для алчности? Когда для него не будет ни сильных, ни слабых по численности, ни ма–лых, ни великих дел и он будет относиться с одинаковым уважением ко всем и ко всему, то разве это не будет самодовольством без гордости? Когда он оправит свое платье и шапку, его взор будет проникнут достоин–ством, и, глядя на его внушительный вид, люди будут чувствовать уважение – разве это не будет величием без свирепости?»

Цзы-чжан спросил: «А что такое четыре дурных качества?» Философ отвечал: «Казнить людей, не наставив их, – это бесчело-вечность; требовать немедленно исполнения чего-либо, не предупредив заранее, – это торопливость; медлить с распоряжениями и требовать срочного исполнения их – это пагубность; давая людям что-нибудь, проявлять при выдаче скардность (т.е. нежелание расставаться с выдаваемым предметом), – это будет мелочность, свойственная чиновнику, но не правителю».

3. Философ сказал: «Кто не признает судьбы, тот не может сделаться благородным мужем. Кто не признает церемоний, тому неоткуда приобрести прочные устои. Кто не знает силы слова, тому неоткуда будет узнать людей».

Переводы Конфуция и цитируемая литература

1. Алексеев В.М. Китайская литература. М.: «Наука», 1978
2. Алексеев В.М. Наука о Китае. М.: «Наука», 1982
3. Головачева Л.И. Беседы и суждения Конфуция // Рубеж, 1992, N 1.
4. Кривцов В.А. (пер.) Лунь юй // Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах, Т. 1, 1972.
5. Маслов А.А. Укрощение драконов. Духовные поиски и сакральный экстаз в Китае. М.: «Алетейя», 2003.
6. Маслов А.А. Тайный смысл и разгадка кодов Лао-цзы. Ростов-на-Дону: «Феникс», 2005.
7. Переломов Л.С. Конфуций. Лунь юй. М.: «Восточная литература», 1998.
8. Попов П.С. Изречения Конфуция, учеников его и других лиц. Перевод с китайского с комментариями. СПб, 1910.
9. Попов П.С. Китайский философ Мэн-цзы. Перевод с китайского, снабженный примечаниями. СПб, 1904.
10. Семенов И.И. (Сост. и комментарии) Конфуций. Я верю в древность. М., 1995.
11. Мэн-цзы. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1978.
12. Сыма Цянь. Ши цзи (Исторические записки). Шанхай, 1993.
13. Цзочжуань чушу («Хроники Цзо с комментариями»). Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1998.
14. Цзочуань чу шу («Хроники Цзо с комментариями»). Шанхай, 1998.
15. Цзя Жуго. Чжунго жуцзяо шихуа (Рассказы по истории китайского конфуцианства). Баодин: Хэбэй дасюэ чубаньшэ, 1999.
16. Чжу Си. Сы шу чжан цзюй цзичжу («Четверокнижие» с собранием

комментариев Чжу Си). Т. 2. Пекин, 1989.

17. Chen Jinpan. Confucius as a Teacher – Philosophy of Confucius with Special Reference to Its Educational Implication. Beijing: Foreign Language press, 1990.

18. Creel H. Chinese Thought from Confucius to Mao Tse-tung. New York: New American Library, 1960.

19. Creel H. Chinese Thought from Confucius to Mao-tsetung. London: Eyre & Spottiswoode, 1954.

20. Fingarette H. Confucius – The Secular As Sacred. New York: Harper and Row, 1972.

21. Hall D. and Ames, Roger T. Thinking Through Confucius. Albany: SUNY press, 1987.

22. Lau D.C. (translation and introduction). Confucius. The Analects N.Y., 1979.

23. Legg J. The Chinese classics with the translation, critical and exegetical notes, prolegomena, and copious indexes. V. 1. Confucian Analects, L., 1893.

24. Tang Yi-jie. Confucianism, Buddhism, Daoism, Christianity and Chinese culture. Washington and The University of Peking, 1991.

25. Walley A. (translated and annotated). The Analects of Confucius, N.Y., 1938.

Примечания

1

Здесь и далее в скобках дается отсылка на соответствующие параграфы «Лунь юя». Один из наиболее полных, точных и комментированных современных переводов Конфуция можно посмотреть, в частности, в книге: Переломов Л.С. Конфуций. Лунь юй, М: «Восточная литература», 2002.

2

Здесь и далее приведена антология отрывков из «Лунь юя», составленная по тематическому принципу. В нее вошло подавляющее количество пассажей из этого произведения. Сегодня существует немало достойных и качественных полных переводов «Лунь юя» на русский язык, которые при этом могут давать различные трактовки того или иного высказывания или понятия, причем порою кардинально отличающиеся друг от друга. В своем переводе мы опирались в основном на толкование, предлагаемое Л.С. Переломовым, а также П. Поповым и В.А.Кривцовым. Л.С. Переломов также приводит подробные комментарии к каждому из параграфов с разбором смысловых нюансов.